

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 3 (6 8) / 2 0 2 6

ОЛЕСЯ
НИКОЛАЕВА
Переделкино

4

ЯРОСЛАВ
КАУРОВ
Нижний Новгород

24

АНДРОНИК
РОМАНОВ
Москва

48

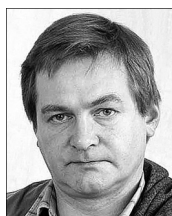
ДМИТРИЙ
БИРМАН
Нижний Новгород

69

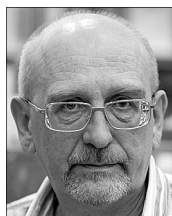
АЛЕКСАНДР
ОРЛОВ
Москва

82

ОЛЕГ
ЗАХАРОВ
Кстово

92

ЮРИЙ
БУИДА
Москва

96

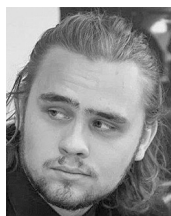
ОСИП
ФУФАЧЕВ
Нижний Новгород

102

МИХАИЛ
ТЯЖЕВ
Москва

108

ДЕНИС
ДЫМЧЕНКО
Ставрополь

115

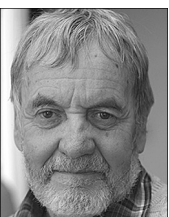
АНТОН
ЛУКИН
Дивеево

125

РОМАН
СЕНЧИН
Санкт-Петербург

182

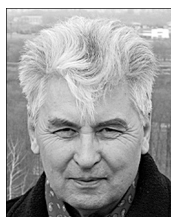
АНАТОЛИЙ
БАЙБОРОДИН
Иркутск

205

ДМИТРИЙ
ИГНАТОВ
Воронеж

214

АНДРЕЙ
РУМЯНЦЕВ
Москва

220

16+

В НОМЕРЕ

Поэзия

Олеся НИКОЛАЕВА	
РУССКИЙ ПУТЬ! МОНАХ И ВОИН...	4
Дмитрий ЛАРИОНОВ	
ТРАМВАЙ МИНУВШЕГО И СКВОЗНЫЕ АРКИ	10
Евгений РАЗУМОВ	
ПЕЧНИК ИЗ БИБЛА	15
Сергей МИТРОФАНОВ	
...И ДАЛЁКО ЗВУЧИТ «ВСТРЕЧАЙ!»	20

Проза

Ярослав КАУРОВ	
ИСПОВЕДЬ ГОСПИТАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Глава из романа	24
Андроник РОМАНОВ	
ДЕТИ СЕРЕБРЯНОЙ РЕКИ	48
Александр ПОНОМАРЕВ	
ЕДИНСТВЕННАЯ УЛИКА	55
Дмитрий БИРМАН	
ПТИЧКИ ПЕВЧИЕ	69

Поэзия

Александр ОРЛОВ	
НЕ УСНУТЬ В БАТАЛЬОННОЙ САНЧАСТИ...	82
Анна СЕНИЧЕВА	
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ БОГИ	85
Ирина ЦВЕТКОВА	
МОЯ МОЛИТВА ТОЛЬКО О ТЕБЕ...	89
Олег ЗАХАРОВ	
ТО МЫСЛЕЙ СБРОД, ТО СВОРА РАЗМЫШЛЕНИЙ... Пародии	92

Проза

Юрий БУЙДА	
ДЕВЯТЬ КИРГИЗСКИХ ЛАМПОЧЕК	96
Осип ФУФАЧЕВ	
МУРАВЕЙ.	102
Михаил ТЯЖЕВ	
Миниатюра 1. ВСТРЕЧА	108
Миниатюра 2. ЙОГА	112
Денис ДЫМЧЕНКО	
СОЛНЫШКО	115
Антон ЛУКИН	
ПЁТР ГАВРИЛОВИЧ	125
Сергей ВАРАКСИН	
САМОЛЁТОВОЖДЕНИЕ.	143

Дмитрий ТАРАСОВ	
ВЕРА ВЕРЫ	146
Светлана ЛЕОНТЬЕВА	
ТАКСИСТ.	156
Елена ГОФМАН	
БОХНА	161

Из будущих книг

Влад ЧЕРЕМНЫХ	
БЕЛЫЙ, КРАСНЫЙ, ГОЛУБОЙ...	
Отрывок из повести «Инженеры. Анти ДухLess».	168

Юбилеи

УЛЬЯНОВСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ – 75 ЛЕТ	
Елена КУВШИННИКОВА, стихи.	171
Ольга ДАРАНОВА, стихи	173
Николай МАРЯНИН, стихи	174
Евгений САФРОНОВ	
БОРЬКА.	177
Владимир КОЧЕТКОВ	
ПУЗЫРИ НА ВОДЕ	180

Публицистика

Роман СЕНЧИН	
ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОГО ВЕКА (окончание)	182
Анатолий БАЙБОРОДИН	
ВОЕВОДА ЗЕМЛИ РУССКОЙ	
Памяти преподобного Илии Муромца. <i>Главы из очерка</i>	205
Дмитрий ИГНАТОВ	
ТРИ ТВОРЧЕСКИХ МОМЕНТА,	
или Почему мы боимся нейросетей, но делать этого не стоит	214

Вехи памяти

Андрей РУМЯНЦЕВ	
РОМАН, СОЗДАННЫЙ НА ВЕКА	
185 лет со дня гибели М.Ю. Лермонтова	220

Литпроцесс

Константин ВАСИЛЬЕВ	
Виктор ДЫК: «НЕ ЗНАЮ ТОЧНО Я, КУДА ИДУ...»	232

Олеся НИКОЛАЕВА

Родилась в 1955 году в Москве. Окончила Литературный институт (семинар Е.М. Винокурова). Ведет семинар поэзии в Литинституте, профессор кафедры литературного мастерства.

Выступала со стихами и лекциями в Нью-Йорке, Женеве и Париже, преподавала древнегреческий язык монахам-иконописцам Псково-Печерского монастыря, работала шофером игуменьи Серафимы (Черной) в Новодевичьем монастыре (1995), в 1998 году была приглашена в Богословский университет святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова читать курс «Православие и творчество» и заведовать кафедрой журналистики.

Автор более пятидесяти книг стихов, прозы и эссеистики. Произведения переведены на английский, итальянский, китайский, немецкий, французский, японский и другие языки. Лауреат многих литературных премий, в том числе национальной премии «Поэт» (2006), премии им. Бориса Пастернака, Патриаршей литературной премии (2012). Живёт в Переделкине.

РУССКИЙ ПУТЬ! МОНАХ И ВОИН...

Экспромт

Русь святая, золотая,
в солнце новая,
а как ночь — из горностая
чернобровая.

Говорит, лицо скрывая:
— Я — не я!
Громы, дроны, шаровая
молния.

Вся полна тревог и страха,
сны туманные,
и поклоны бьет с размаха
покаянные.

На моей ладони узкой —
путь означенный,
по возвышенности русской
в долг оплаченный.

Переплаканный веками,
пересмеянный,
огненными языками
в почву всеянный.

Русский путь! Монах и воин,
Бог – порука им,
и блаженный удостоен
горем луковым.

Как глаза дерет и щиплет,
забывается.
А небесным блещет, сыплет,
наполняется.

* * *

...И судьбы, словно письма,
начертаны вчерне.
Их выше некто держит на
незримом волокне.

Порой я чувствую: за нить
меня вдруг тянет вбок
и не пускает совершить
отчаянный прыжок.

А то и в спину подтолкнет,
не даст мне двинуть вспять:
стеною встанет водомет,
мешая отступать.

Не путь прямой и не кольцо –
излом, зигзаг,
вдвойне
в решеньях воли налицо
вмешательство извне.

Так мастер правит цвет и штрих
в мазне ученика,
пока захлеб малюет их
неверная рука.

В лице прописывает лик,
свет вносит в полотно.
– Откуда, – шепчет ученик, –
такое мне дано?

Все здесь – рисунок, колорит,
как новость об ином.
И это больше говорит
о действии двойном.

* * *

Помню эту блаженную пору, поющий словарь,
и, закутанный в облако, словно какой небожитель,
сам себе ты пророк, и священнослужитель, и царь,
и свой собственный узник, истец, совопросник, мучитель.

На глаза легкомысленно челка спадает со лба,
и покуда звучит свысока самовластная лира,
где-то около сердца на скрипке играет Судьба,
увлекая в прекрасность и праздничность страшного мира.

А кто скиснул и сдулся в потемках, как шар надувной,
ныл, скулил, – и не жар от него, и не холод, –
и обиды копил, и таскал, как рюкзак, за спиной,
тот и не был ни царственно юн, ни божественно молод.

Все, как есть

Грозовые ночи. Дроны смертоносные.
Ливни, громы-молнии. Мутная луна.
Дни бегут тревожные, суетные, постные.
От дурных предчувствий грудь раскалена.

До войны рукой подать. Полшажка до гибели.
В голове бьет колокол, роет нору крот.
Из враждебной местности три поселка выбили,
скоро и до Киева язык нас доведет.

Скрипочка столичная на разрыв пиликает.
Древнее пророчество по земле летит.
То баклан кубанский яростно курлыкает,
то угод на Псковщине «хуп-хуп-хуп» частит.

Слизни и улитки этим летом жирные,
словно впрок налитые слизью и слюной,
словно чувят: близятся времена немирные,
воздухи отравленные, хлорофилл чумной.

Вот мы и лелеем все необходимое:
пусть худое-бедное, но житье-бытье.
Ближе, чем рубашка, кровное, родимое,
родовое, Богом данное, свое.

Широко раскинулась ты, моя Империя.
А Святая Русь взлетала высоко,
прочь от чужebesия, ересей, безверия:
свято материнское грудное молоко.

Дитяtko поруганное, дочка сухорукая,
ноги свои белые сбившая в пути,
Бог-Отец возьмет тебя на небо, баюкая,
Церковь-мать прижмет тебя к груди.

Ты – страна-страдалица, ты – земля исконная,
вся из гроз сплетенная, грез, предчувствий, слез...
Тело изувечено, а лицо – иконное,
да преобразит тебя, милуя, Христос!

Гумилев

На погосте то закипают, то замерзают слезы,
и с крестов взлетают вороны, каркая на весу.
Убиенному Николаю четыре розы
к неизвестной могиле за пазухою несусь.

Роза алая – страстотерпцу, за верность, веру.
Золотая роза – поэту словесного алтаря...
Роза черная – воину, Георгиевскому кавалеру.
Роза белая – сыну Церкви, Отечества и Царя.

Отчужденно и холодно смотрят в упор надгробья:
мол, в юдоли праха завянут розы и – в перегонной.
Только розы мои – лишь оттиски, лишь подобья
тех, цветущих вечно в вотчине неземной.

То, что старится здесь, там всегда блаженно и ново:
славословье, музыка, свет на том берегу...
А на этом – бродить, искать, нашептывать Гумилева,
в никуда нести ему розы в русском снегу.

* * *

Льстили и сулили, так и обольстили,
вот и соблазнили – поймана душа.
На того, кто в теле, на того, кто в силе
слепо и доверчиво смотрит, чуть дыша.

Пленница и данница, где теперь посулы?
Где превозношенья красоты твоей?
Сторожат теперь тебя, злобны и сутулы,
псы медноголовые у стальных дверей.

И звучат слова твои все слабей и глуше.
Некому поплакаться. Сумрак у лица.
Только так и ловятся на приманку души,
падкие, податливые на манок ловца.

Втемную использовать, заползти в доверье,
обобрать, повытрясти, отмотать, как нить.
Что как не искусство это лицемерье?
Что как не наука – оплести, пленить?

Где тот тайнозритель? Где отважный воин?
Где освободитель? Где победный звон?
Запиши в помянник: по лекалу скроен
твой, душа, обычай, твой, душа, фасон.

Твой резон привычный – полететь, где ярко,
выбрать то, что пестро, трогать, что блестит.

А потом с досадой воск снимать с огарка
иль смотреть, как, капая, стеарин коптит.

И к чему теперь мораль? Маета, терпенье.
Сожаленье и пустой скуки бубенец.
Что ж осталось?
Ничего, только песнопенье.
Только голос, голос твой,
вольный брат-близнец.

Злая ночь

В этом ливне – плач шакала,
клич тревоги – почему?
Что-то где-то потеряла,
только что же? Не пойму!

Словно враг подкрался с тыла,
ворог загасил свечу.
Словно что-то я забыла,
только что? Не отыщу.

И болит, теснит и тянет,
ломит, ноет, тяготит,
заунывный звук пристанет,
чёрный призрак пролетит.

Я ищу – чего не знаю,
вспоминаю, что не так,
и мотив перевираю,
громко кашляя в кулак.

Ах, в такую ночь испанка
спляшет, выкурит кальян,
чтобы тайная изнанка
обнаружила изъян.

И монашка в ночь такую
перечтет Псалтирь не раз,
чтоб темноту потайную
словом высветить для глаз.

Потому что в безымянной
этой туге и войне
можно сгинуть, как в туманной
и обманной стороне.

Не испанке, не монашке –
разве струны перебрать,
на осечке, на промашке,
как на арфе поиграть?

А когда пойдет, польется
музыка, плетя сюжет,
сердце тут же отзовется:
это – да, а это – нет!

Снег

Полна чудес и двоеверия,
под тяжким спудом снежных плит
лежит Российская Империя,
как спящая царица, спит.

Столетие, как не торопится
к ней королевич Елисей,
но Дух Святой и Богородица
дыханьем помогают ей.

И, верно, их благословение,
чтобы ее святые сны
в мои вплетаясь сновидения,
в реальность были включены.

Чтоб, и проснувшись, также жмуриться
от золота колоколов,
чтобы «Коль славен» пела улица,
чтоб возвышался Крест Христов.

И чтоб любовь, и чтоб прощение
ее воздвигли ото сна.
И тайной Боговоплощения
восстала, преображена.

Да! Чтоб вошел Господь украдкою
и произнес: «Восстань с одра!»,
и чтоб румяная, с колядками,
смеясь вбежала детвора.

Дмитрий ЛАРИОНОВ

Родился в 1991 году в городе Кулебаки Нижегородской области. Окончил филологический факультет Нижегородского госуниверситета им. Лобачевского, занимался журналистикой и литературоведением.

Стихотворения публиковались в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Интерпоэзия», «Крепцатик», «Нижний Новгород», «Плавучий мост», «Урал», «Юность», а также в альманахе «Летопись» (Сербия) и в ряде антологий.

Лауреат премии Нижегородской области имени А.М. Горького. Финалист премии «Лицей», Всероссийского фестиваля молодой поэзии «Филатов Фест» и национальной литературной премии «Слово».

Живет в Санкт-Петербурге.

ТРАМВАЙ МИНУВШЕГО И СКВОЗНЫЕ АРКИ

Осколки календарей

Попутного ветра просили...

Александр Кушнер

Смещается память неверно:
трамвай уезжает в провал,
где солнцем горит Коминтерна,
затем – Юбилейный бульвар.

Осталась вне времени складка,
расправишь – и Сормовский парк
отпущен двоим без задатка,
и август – в бутылке с IPA.

<...> но прожиты годы, а грозы
в засвеченной пленке легки
/и сколько в свечении пользы,
когда ему тьма вопреки/.

А впрочем, в «Звезде» из России
на Родосе помню сигнал:
*«Попутного ветра просили –
и Бог им его посылал».*

Теряется что-то при сверке
десятка – и более – зим.
И свет ослепительной Стрелки
по-прежнему непогасим.

«Прочнее любого огарка», –
сказал сквозь неоновый слой.
И дым – как ночная фиалка –
остался в квартире пустой.

* * *

Включай осенний Brazzaville
за сквером Добролюбова,
где дождь октябрь перезалил:
тепла почти не ubyло.

Но фрагментарный креозот
из недр недолгой памяти
наплыл – и выдался грозой.
Она и есть тот памятник

всему, что сердце берегло.
О том, что в яви кануло:
минувший Родос и крыло
у глиняного ангела.

Пока синклита птичьих нет
/а воздух – спицей выколот/,
переходи аптечный свет,
затем – по дамбе Лыковой.

Смахнешь дрожащие огни,
за ними будет ласточка.
Ты только руку протяни –
и этого достаточно.

Сквозь фейерверк

Что снег всегда из первых рук
/точь музыка, которая мерцала/ –
нам говорило все вокруг.
И семпл трамвайного металла

среди фасеточных пустот
тянулся на Молитовском к заречной.
Но жизнь текла наоборот,
сквозь фейерверк раскачивая нечто.

Так свет и соль через года
смерзаются, не дав щеке ожога:
другие птицы навсегда
под рюмкой времени чужого.

К метели гаснущих стрекоз
найду Wi-Fi */сменю пароль и лóгин/*,
а девушка с глазами гроз –
вращает мир у набережной Волги.

* * *

Синод в дождях. Конногвардейский:
минувших листьев слабый плеск,
где Петербург – последний крейсер –
под невским сумраком воскрес.
Не крики птиц и пыль растений
вдоль зрелых стекол натекли

/здесь пешеход стремится к тени/,
но память неба. В о п р е к и
всему, что тленно – обратимо
в родную речь до позвонка.
Я закурил – за кромкой дыма.
И тлеет свет по облакам.

Outtake

Памяти Бориса Смелова

Человек в горький срок возвращался домой
сквозь разломы сезона и сумрак земной.
Вспоминая из Шефнера что-то
про Васильевский остров */где ночи светлы*
и туман за мостами считает углы/,
пребывал в новом поиске штофа.

Он был соткан из света и ранней любви.
«Выдыхай, – отвечал. – А захочешь, сорви
этот воздух разряженных линий».
Только сам для себя ничего не сорвал:
повернул за часовой на скорый бульвар
и сменил верный компас на спиннер.

Птичий колер с иголки кружился вверх
/рассыпался табак на пустую труху/,
где огни серебром нарастали.
И вогнав возле сердца последние сто,
он рассматривал снег как библейскую соль,
размывавшую смерти хрусталик.

* * *

Под «Баттерфляй в Китае»
О. Каравайчука
он ласточек считает.
Иные облака

над Набережной Шмидта
/веночек за глаза/:
с оттенками графита
мешается зола.

Не потому, что вечер
и август над водой,
а – незачем и нечем
ему на обходной

платить за столбик шота
/за грусть из ничего/.
Он важен для кого-то
на линиях В. О.

Под «Баттерфляй в Китае»
вся жизнь перетечет.
<...> но – облако узнает,
и ласточка не в счет.

Петля (первая)

<...> человеку на вокзале
малой Родины глоток
/остальное – ускользает/.
Я осматривал не впрок

астры в солнечном проломе,
что продеты сквозь года.
Но у Стрелки свет огромен –
не забуду никогда

/а стихи – сквозные арки/.
Глядя под речной кристалл,
говорил Олег Охупкин:
«Кто-то нас перелистал».

Нить дорог собирает время.
И – снежинкой в PDF –
первой бабочкой апреля
прожигает речи нефть

необъявленная П а с х а
/где пакгаузы в дыму/.
И – оплавленная астра
не сгорает потому.

Петля (вторая)

Цветок пожара и беспамятства
горит в кварталах прежних лет,
а если поездом отправиться –
не хватит сердца на билет.

Цена тому – не одинакова.
Но, тем не менее, слезит

Звездинка, Стрелка и Бурнаковка:
трамвай минувшего вблизи.

Цветок невесты и забвения –
предтеча августа, скачка
сквозь цель и дым стихотворения,
пространства, полного зрачка.

Вот солнца круг пылит за облако,
а сигарета в кулаке –
о том, что прежде было дорого.
И город клонится к реке.

Взят посошок. На фоне августа
спешу вдыхать горячий хлеб.
Венок пожара и беспомыслия
остыл в кварталах прежних лет.

Евгений РАЗУМОВ

Родился в 1955 году в селе Шахове Костромской области. Выпускник Литературного института им. М. Горького. Работал актёром драматических театров в Орске, Мичуринске, Костроме, литконсультантом, корреспондентом, ответственным секретарём и главным редактором в периодических изданиях.

Автор одиннадцати сборников стихотворений, а также публикаций в альманахах и журналах: «Истоки», «Тверской бульвар, 25», «Литературная учёба», «Волга», «Подъём», «Нижний Новгород», «Дети Ра», «Уральский следопыт», «Русский путь», «Губернский дом», «Костромской собеседник» и в других изданиях. Лауреат областных литературных премий – имени И.А. Дедкова (2015), имени Ю.В. Бекишева (2023), «Признание» (2025).

Член Союза писателей России. Живёт в Костроме.

ПЕЧНИК ИЗ БИБЛА

Питер Брейгель, «Охотники на снегу»

С притороченным лисом прощается лес,
где кровинка лежит на снегу.
Не беда то, что Губерт святой не воскрес,
не беда то, что он ни гу-гу.

Он подсунет ещё и тетерок, поди,
и какого пушного зверья.
Только сам умирать на снегу погоди,
сжавши тёртое древко копья.

Видишь, люди по льду снова чертят круги.
Значит, время по кругу идёт.
Потому на снегу умирать не моги,
ногу выстави в тутошний год.

Видишь, греет огонь, пожирая камыш,
закоптивших на нём кабана?
Ты бредёшь, ты и бредишь, простуженный, вишь,
Нидерландами (это страна).

Ты, наверно, охотник, что снится тебе
целый век без минуты-другой.
Перекатная голь говорит голытьбе:
есть, мол, есть, мол, охотник такой.

Остаётся поверить, остаться, ягдташ
разгрузить в постоянном дворе.
Потому как весь мир, получается, наш.
(Эль полезен, поди, при жаре.)

Ну и славно! Укройся и тихо храпи.
На дворе, чу, шестнадцатый век.
Чушь собачья сидит на собачьей цепи,
лизет пахнувший космосом снег.

Это лис притороченный выместил на
человеке кровинку в снегу.
От ноги босоногой отлипнет страна.
Только Губерту ты ни гу-гу.

Ефим Честняков, «Вход в город всеобщего благоденствия»

Райские птицы ещё не поют,
ангелы ибо у входа трубят.
«Девонька, где ты?» – «Я, баушка, тут». –
«Не задави, таратайка, робят».

«Кто босоног, лапоточки примерь!» –
голос оттуда, где всем хорошо.
Скачет из глины игрушечный зверь.
Мальчик его понукает: «Ишшо!»

Тут – каравай на четыре села.
Там – леденцов три подводы, поди.
«Речка молочная, что ж ты текла
не кологривских лесов посреди?...» –

думает тот, кто постарше. Малец –
тот обмирает от сказки чудной,
где на петрушке звенит бубенец,
вдоволь еды и одежды льняной.

Сирины песню допели уже.
Значит, пора заводить хоровод.
Славно на небушке. Славно в душе.
И на земле будет славно вот-вот.

«Давеча тыкву пилили пилой». –
«Ну!» – «А сегодня распилим арбуз».
Глиняной дети играют юлой.
В глиняной люльке лежит карапуз.

Берег кисельный урчит в животе.
«Завтра откусим на том берегу». –
«Надо бы новые ложки». – «А те?...» –
«В мёде утопли намедни». – «Угу».

Мартин Мехкек, «Бабушка мелет муку»

Не мельница – изба. И не изба – халупа.
Здесь грабли и топор безвылазно живут.
А впрочем, по дрова за кушаком тулупа
топор выходит в лес. (Не забалуешь тут.)

У бабы от зерна деревенеют ноги.
Но жернова без ног не вертятся пока.
Приходится качать и обивать пороги,
сломаются когда у мельнички бока.

Бесхитростна судьба. (Простая мешковина.)
Заплатами смешна. (Святая пестрота.)
А мужа если нет, откуда взяться сыну?..
У Бога – может, дочь, а может, сирота.

(Сама не знает уж.) На чёрную икону
покрестится разок и вновь до Рождества
забудет про неё. Бог любит и ворону,
но бабонька уже едва-едва жива.

И умерла бы, но – мешок зерна не молот.
И этот скарб кому оставить напослед?..
А в голове стучит вторые сутки молот.
...Нет *фершела* в селе. И градусника – нет.

Сергей Меренков, «Путники. Куда ты, туда и я»

Из ватника перо торчит – крыла навроде.
То – ангел во плоти. (В дырявом башмаке.)
А ты – поспи чуток. Пусть осень в огороде
пошарит и морковь вам принесёт в руке.

Выбрасывать ботву не надо, горемыки!..
(Наваристее суп бывает от ботвы.)
Курлы – из-под небес последних пташек крики.
Зима придёт – куда потопаете вы?..

На юг, где абрикос и дармовая дыня?..
В туретчину, дойдя до трюма корабля?..
Смешно – когда башмак протёрт посередине,
когда перешибёт любого и сопля.

Ищите сеновал у чокнутой старухи.
Пусть думает, что к ней нагрянул домовый.
Покормит. Может быть, плеснёт в стакан сивухи –
задобрить. (Ведь не зря – не дружит с головой.)

А по весне – башмак подвяжете верёвкой.
Потопаєте вновь – куда глаза глядят.
Мечта?.. Про огурец с холодной поллитровкой.
Но ангелы – не пьют. (Не пей и ты, Игнат!..)

Печник из Библа

И карандаш отложим. И на земельку сядем.
«Хватит свою рейсшину в небо совать, Алёша», –
скажет в треухе дядя простоволосым дядям,
тем, что в траву упали и отдыхают лежа.

Он ковырял стамеской дырки в ливанском кедре
для выкрутасов разных в архитектуре этой.
«В архитектуре этой я ничего не петрю», –
дядя признался как-то, кушая чай с конфетой.

Но за свою стамеску брался опять и снова,
как за свою рейсшину в каске прораб Алёша.
Глянешь на ватман глазом – башня почти готова.
А на леса залезешь – мокрые враз калоши.

«Может, мы зря цемента здесь навозили гору?...» –
дядин треух подумал года назад четыре.
«Сыпь... – говорили дяде прочие зимогоры. –
Даст и тебе лежанку Нимрод в своей квартире».

Но усомниться может даже бывалый пентюх.
«Вот и сижу...» – в треухе дядя сидит на травке.
Стар он – по небу лазать, перекрывая вентиль
и на Иштар шлифуя медные бородавки.

«Спи, старичок», – Алёша выдаст ему чекушку.
И старичку приснятся двери родного Библа,
где он ручонкой детской так обнимал подушку,
что мегафона глотка, с башни зовя, осипла.

* * *

– Дом с мезонином, откуда судьба
смотрит, курногая, где ты?..
– В Шахове, батюшка, там, где изба
если не прадеда – деда.

– Милый, изба догорела давно,
как отписали в конторе.
– Верно. Соседи там пили вино.
Вот и повымерли вскоре.

– Ты уцелел?
– За оврагом стою.
Не долетит головешка.
– Помнишь хотя бы ты маму мою?
– В белом халате?..
(Усмешка.)

Из фельдшерии родила здесь одна.
Все остальные – старухи.
– Это не я ли стою у окна?..
– Нет, это вертятся мухи.

– Милый, а кто погремушку трясет?
– Ветер, наверное, Женя.
Мне ведь уже сто двенадцатый год.
Шаткими стали ступени.

* * *

Поверх грибов и рыб вновь снегу намело.
Не скажешь мне: «Айда, Алёшка, на рыбалку!».
А впрочем, и зимой рыбацье ремесло
имеет место быть, коль заготовить палку

с пружинкой на конце. (У тяти в сундуке
и не такое есть.) Но надобны калоши.
Нет, дядя Жень, зимой я не хожу к реке.
Я – *думаю*. Стихи?.. И их писать не брошу.

До следующих рыб (в июне, например,
когда проснётся червь и прочая наживка).
До будущих грибов («тут важен не размер –
суб-стан-ци-я», – скажу, не почесав загривка).

«Ты – мыслящий тростник», – сказали обо мне
(не бабки, дядя Жень, – в Германии философ
и книжица его). И, стало быть, в родне
у нас и Пастернак, и сам хирург Амосов.

А может быть, и гриб, что вырос возле пня.
Не думает?.. А я почём об этом знаю?..
Смотрю на паука уже четыре дня.
Луна глядит на нас. И – тоже не мигая.

Сергей МИТРОФАНОВ

Родился в 1961 году в г. Кстове Горьковской области. Окончил Московский институт нефти и газа им. И.М. Губкина, работал в НИИОГаз в Москве. В 1991 году переехал на жительство в Израиль. в 1992-м – в Канаду. В 2023 году окончательно вернулся в Россию. Сменил множество профессий от заправщика на автомобильных заправках до программиста станков с ЧПУ. Последние восемнадцать лет работал в логистическом бизнесе, имел свою компанию, а также сам работал водителем-дальнобойщиком по Канаде и США.

Автор двух книг стихов и прозы, публикаций в журналах «Гостиная», «Южное сияние», «Эмигрантская лира», в «Литературной газете». Серебряный призер литературной премии «Золотое перо Руси», лауреат международного поэтического конкурса «Русский Stil» (Германия), литературной премии «Наследие» (2021).

Живет в Кстове.

...И ДАЛЁКО ЗВУЧИТ «ВСТРЕЧАЙ!»

Обитатели разных приделов* одной земли

Обитатели разных приделов*одной земли,
Разделяет нас океан солонее слёз,
Если б рыбы летучие вдруг долететь смогли
До грачиных пашен, до веток курских берёз,

То в предсмертный миг они б открывали рот,
Плавником-крылом шевеля в горячей пыли,
В безвоздушном пространстве сухих российских болот,
В бесприютной тоске иного придела земли.

Соловей бы им пел и была б его песнь проста.
Местный житель из тех бы рыб приготовил суп,
Удивляясь, скорей, не вкусу, но форме хвоста,
Голубым зубам в изломе печальных губ.

Завершает круг рыба в небе. Благая весть!
Тут от века не знали люди таких чудес,
Что летучие рыбы за морем далёким есть,
Что их родина поле ржаное и русский лес.

Мир не тесен! Увы! За полвека устал зрачок
Расширять пространство, пытаюсь взглянуть за край,
Догорает печь, отпевает наш век сверчок,
Горизонт застилает дым и далёко звучит «Встречай!»

* Придел как пристройка храма.

Обрыв над Волгой

N.

Обрыв над Волгою со свечками берёз,
С сосной над пропастью и с чередой полос
Кембрийских глин, корнями перевитых...
Белеет благородный известняк,
На берег выползает чёрный рак,
Потомок допотопных трилобитов.

Борясь с течением, гружёная баржа
Обходит бакены. Простуженно дыша,
Вдруг чистой нотой ФА разит округу.
Соборным эхом вторят берега,
Подхватывает ветер ХТК*,
И волны сносят баховскую фугу

Под стены церкви у откоса на плече,
Где средь крестов собрание грачей
Уместно более, чем утренняя служба
(Церковный постсоветский ренессанс
Сомнителен, как опиумный транс),
И только колокол здесь водит с Богом дружбу.

Теснясь вдоль берега, в надежде на улов,
Бросает спиннинги колонна рыбаков.
Харон нетрезвый, стоя в отдаленье
С моторной лодкой, просит сто рублей
За перевоз туда, где клёв сильнее,
Но не даёт гарантий возвращения.

К баркасу брошенному велик прислонив,
Мальчишка с удочкой всё смотрит на обрыв
И видит – взявшись за руки, по склону
Бредут два человечка-муравья...
Ты помахала мальчику, а я,
Прислушиваясь к гаснущему звону,

Глядел за Волгу, вдаль, в распахнутом пальто,
С надеждой робкою увидеть в жизни то,
Чего нигде на свете не увидишь.
Чтоб, завершив наверх тяжёлый путь,
В твои глаза бездонные взглянуть
И как награду в них увидеть Китеж.

Белые грибы

Мне ночью снились белые грибы –
В траве, на солнцем залитой поляне.

* ХТК – аббревиатура «Хорошо темперированный клавир», сборник клавирных пьес Иоганна Себастьяна Баха.

Сбежавшие от казни марсиане,
Но только не от собственной судьбы.

Их войско, коренастое на вид,
Беспомощно, но ах как аппетитно.
И ты с ножом, любуясь ими, видно,
всё медлила. Но нож в руке дрожит,
И блеск в глазах, и в них отнюдь не жалость,
В них сковородка жаркая скворчит,
Картошка, сало, русская усталость
От жизни. Я тебя люблю.

Вооружившись старым тесаком,
И я в плену звериного желания,
Но понимаю краешком сознания,
Как это – чувствовать сейчас себя грибом,
Когда идут к тебе с ножами двое,
В глазах у них намерение дурное,
А ты беспомощен средь райской красоты...
И я тебя люблю, – сказала ты.

Нас двое, мы для них – преступный клан
Влюблённых, буйных, спятивших, с ножами,
С заваленными хламом этажами
Под крышей съехавшей. Для тихих марсиан
Мы – Клайд и Бонни, шайка, коза ностра,
Два нравственных урода, два прохвоста,
Ни жалость нам неведомы, ни страх,
Мы – гопота в кирзовых сапогах
Для них.
Я так тебя люблю.

В нас разум отключающий азарт
Вселился от безжалостной охоты...
Грибы в корзину, словно с эшафота,
Катились. Робеспьер или Марат,
Случись им рядом быть, воскликнули бы «Браво!»
Но прокричал петух – померкла слава...
Соседка поспешила за водой,
И ты сказала сонными словами:
– Любимый, может, сходим за грибами? –
В окно глядел загадочной звездой
Кровавый Марс.

Девятнадцатистрочное

Кукушка нам года считала, но
Со счёта сбилась, а росток ореха,
Посаженный тобою, так, для смеха,
Стал деревом и ветками в окно
Колотит, если ветер дует с юга...
Мы столько лет прожили, что друг друга

Не вспомним имени. К чему оно, когда
Есть вкус и запах губ, и птичье пенье,
И если бы мы вдруг лишились зренья,
Друг друга б находили без труда
Среди цветов и утвари кухонной...
И, чиркая иголкой патефонной
По трещинам прожитых нами лет,
Но сохранивших музыку и слово,
Мы порохом сухим сгореть готовы
В тот страшный миг, когда сойдёт на нет
Запас пружины в странном механизме,
Где ты и я – две сцепленные жизни,
Настолько, что отсутствует просвет.

Ярослав КАУРОВ

Родился в 1964 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт. Работал невропатологом, врачом линейной бригады скорой помощи, на кафедрах патологической анатомии, токсикологии. Доктор медицинских наук, автор 32 изобретений, 2 монографий и 1 открытия.

Автор 13 стихотворных сборников, печатался в газетах, журналах и альманахах «Наш современник», «Нижний Новгород», «Правда», «Москва», «Литературная газета», «Юность», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «День поэзии» и других. Шеф-редактор литературно-поэтического журнала «Холм поэтов».

Член Союза писателей России. Один из создателей «Театра поэтов». Живет в Нижнем Новгороде.

Глава из романа

ИСПОВЕДЬ ГОСПИТАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Неисповедимые пути

Утром на проходной госпиталя образовался небольшой затор. Два похожих друг на друга подростка – мальчик и девочка лет двенадцати-тринадцати уговаривали дежурного пропустить их к отцу, которого ночью перевели на дальнейшее лечение в госпиталь. В заветное окошко служителя порядка пропускного режима они торжественно протягивали новенькие, вероятно недавно полученные российские паспорта. Дежурный, внимательно их изучив, важно повторял:

– Пропуск к Михаилу Григорьевичу Леви ни на кого не выписан – пропустить не могу!

– Но у нас есть паспорта! – настаивал мальчишка.

– Кроме этого у вас должен быть выписан пропуск на посещение! Пропустить не могу!

Эта небольшая перепалка продолжалась еще немного, и скопившаяся на вход очередь сотрудников госпиталя оттеснила ребят от заветной вертушки.

Фира, так звали девочку, расплакалась и отошла в сторону. Мальчик, видимо брат, нежно успокаивал её, поглаживая по руке.

Вот такую картинку на проходной увидели спешащие на занятия к своим группам учеников Ирина и Святослав.

– Что тут происходит? Вы кто и откуда? – подошла к ним Ирина.

Ребята с надеждой в голосе стали рассказывать ей причину своего нахождения в этом месте. Услышав фамилию Леви, Ирина с ещё большим интересом стала их слушать, внимательно рассматривая лица ребят.

Фира была ошеломляюще красива: при правильных чертах лица и белоснежной коже у неё были чёрные как смоль густые волнистые

волосы и ярко-голубые глаза, чуть полноватые алые губки. От такого лица, как говорят, «не можно глаз отвести». А Лев, её брат, отличался таким взрослым и мужественным выражением лица, что и его взгляд мальчика-мудреца невольно приковывал внимание.

– Вам придется подождать, пока я выясню ваш вопрос. Можете немного прогуляться и подходите часам к двенадцати. У меня будет перерыв, и я к вам подойду. Хорошо?

Так они и договорились.

– Конечно, фамилия Леви достаточно распространенная, – рассуждала вслух Ирина, пока они с Пандавовым шли к основному корпусу госпиталя. – Она происходит от «леви» – названия иудейского сословия левитов. От этого корня происходят многие фамилии, например: Левин, Левитан, Левитин, Левитов. Даже те, которые звучат иначе: Вейль, Сигал, Шагал. Кстати, фамилия Лифшиц означает «происходящий от левита».

– Откуда ты это знаешь?

– Я когда была маленькой и жила в Гайсине, очень часто проводила дни в семье соседей, с которыми дружны были мои родители. Вот у них тоже была фамилия Леви. Они мне это и рассказали. Но у них тогда своих детей не было. Они ко мне относились как к своему ребенку. Очень теплая была эта семья. Уже когда папа служил на Байконуре, мы получили весточку, что в этой семье родился долгожданный сын Григорий. Знаешь, Слава, а вдруг это случайная неслучайность, а вдруг дети – родственники этих Леви? Что там об этом говорят твои Аристотель и Лейбниц? Сейчас на утренней конференции послушаем о вновь поступивших больных. Разберемся...

После конференции профессор Полезнова сразу ушла на консультацию больных, а у Святослава оставалось перед началом занятий со слушателями немного времени, и он позволил себе за чашечкой кофе погрузиться в детские воспоминания. Пандавов вспомнил одно семейное приключение. Рассказала его Святославу мама. В начале шестидесятых годов кто-то позвонил в дверь старинного дома Пандавовых на Гребешке, мама открыла. Вошел незнакомец с тортом и цветами и робко спросил Инну Фёдоровну – прабабушку Святослава. К тому времени прабабушка уже умерла. Маме пришлось ему всё объяснить, и он заплакал: «Опоздал! Опоздал! Разрешите хоть постоять у вас...» Он прошёл в прабабушкину комнату, прижался к печке, обнял её: «Ваша бабушка и эта печка спасли нашу семью в войну». И тут мама вспомнила, как в войну они жили очень тесно – в каждой комнате по несколько человек. Только у прабабушки комната была своя, хоть и очень маленькая. Сын её, дядя Коля, пропал без вести в самом начале войны. И она почти постоянно молилась за его здоровье, поэтому в её комнате был целый иконостас. В первое лето войны город был наводнён беженцами из Москвы. Прабабушка (Инна Фёдоровна Рудая-Жаркова) сама пошла на пристань, где под дождём ютились беженцы. Нижегородцы ходили туда и выбирали себе соседей, тех, кого могли с учетом своих возможностей спасти от гибели. Инна Фёдоровна пустила жить в летнюю комнату, конечно, бесплатно, семейство Лифшиц: маму, папу и маленькую, очень красивую девочку. Но наступили осенние холода, и прабабушка пустила их в свою комнату. Спали на матрацах, на полу. В какой-то момент глава семейства стал куда-то уходить, часто плакать. Инна Фёдоровна еле уговорила его рассказать. Оказывается, с последним паром из Москвы приехало ещё одно семейство – их родственники,

тоже Лифшицы, с двумя детьми, и они сейчас замерзали на пристани. Прабабушка не задумываясь пригласила их к себе. Молиться бабушке за сына стало просто негде; в комнате можно было уже только сидеть или стоять. Прабабушка бегала к соседям, покупала молоко, отпаивала детей. Мама с братом давно тогда уже и забыли, что такое молоко, но понимали, что голодным эвакуированным оно нужнее. Отзывчивость во время войны была необыкновенная.

Когда после войны через нижегородский Гребешок прошел смерч, семья Пандавовых получила телеграмму из Москвы: «Если вы лишитесь жилья, все приезжайте к нам в Москву. Лифшиц».

Нити жизни выются между деревьев фактов, сплетаются, как ручейки в реки; канаты рек кружатся и вяжутся в узлы плотин, добираются до морей; вода испаряется и проливается над лесами, питая родники, — все повторяется вновь, образуя замкнутые круги, и мы называем случайностью большую закономерность, видную только из космоса нашего сверхсознания.

Утренний доклад дежурного врача на конференции поставил перед Пандавовыми больше вопросов, чем дал ответов.

Больной Леви Михаил Григорьевич, 45 лет, поступил в госпиталь для дальнейшего лечения по поводу сочетанного осколочного ранения головы, нижних конечностей; ранения средней и нижней зоны лица, проникающего в полость рта, полость носа, верхнечелюстную пазуху слева, с повреждением мягких тканей щечной области, дна полости рта, языка, верхней и нижней губы.

У пациента диагностирован многооскольчатый перелом верхней челюсти с изъёмом альвеолярного отростка верхней челюсти в области 2.6-2.7 зубов, дефектом твердого неба. Перелом нижней челюсти с дефектом костной ткани от правого угла нижней челюсти до левого угла нижней челюсти. Открытый оскольчатый перелом основания первой плюсневой кости без смещения отломков. Осколочное ранение мягких тканей левой стопы. Акубаротравма. Посттравматический дефект слизистой оболочки и мышц дна полости рта.

Слушая доклад дежурного врача и еще не видя пациента, профессор Полезнава понимала, что при таком сложном диагнозе, когда бойцу практически оторвало нижнюю челюсть, а сам он жутко обезображен, потребуются комплексный подход к длительному лечению и реабилитации. Для этого необходимо собирать бригаду из специалистов разного профиля: хирургов, челюстно-лицевых хирургов, терапевтов и психотерапевтов, оториноларингологов, физиотерапевтов и невропатологов, логопедов.

Дальнейшая информация также настораживала в плане выбора тактики ведения.

Сразу после ранения пациент был эвакуирован в ближайший госпиталь первой очереди, где выполнена первичная хирургическая обработка ран лица, проведена фиксация отломков нижней челюсти реконструктивной титановой пластиной на винтах. Рана ушита «на себя».

Затем раненого эвакуировали в госпиталь в городе Н-ск.

Ему была выполнена малоинвазивная закрытая репозиция и фиксация отломков верхней челюсти спицами Киршнера, проведен первый этап уранопластики и пластики дна полости рта местными тканями.

Однако, спустя неделю возникли воспалительные осложнения: реконструктивная пластина прорезалась в полость рта, оголились углы нижней челюсти в области фиксации к ним реконструктивной пластины.

Общее состояние ухудшилось, усилились боли в области послеоперационных ран, появилось гнойное отделяемое в левой подчелюстной области, пациент не мог самостоятельно питаться.

Было принято решение о выполнении трахеостомии, с целью профилактики асфиксии в послеоперационном периоде наложена чрезкожная гастростома.

После консилиума, сформированного из всех необходимых специалистов, в котором принимали участие профессора Ботин, Пандавов, Прохоров и Полезнова, – было принято решение на проведение 3D-планирования реконструктивной операции с учетом протяженности исходного изъяна нижней челюсти и возможности применения клеточных технологий профессора Пандавова. Всё планировалось делать из собственных тканей, поскольку они не отторгаются, а применение стволовых клеток жировой ткани должно было усилить регенераторные процессы и ускорить восстановление.

С целью замещения обширного дефекта тела нижней челюсти, восстановления утраченных тканей слизистой оболочки полости рта и выполнения подготовительного этапа к дальнейшему зубному протезированию пациента, было выбрано решение по замещению дефекта нижней челюсти свободным малоберцовым аутотрансплантатом на сосудистых анастомозах (это когда фрагмент собственной малоберцовой кости используется для создания новой нижней челюсти). Аутокостный трансплантат включается в кровоток реципиентной зоны и фиксируется к ветвям нижней челюсти при помощи индивидуальной титановой пластины, изготовленной с помощью технологии DMLS.

Операция была назначена на ближайшие дни.

– Слава, ты же понимаешь, что тем деткам, которых мы встретили на проходной, недели две-три тут делать нечего? Давай я с ними переговорю, пусть поживут где-то, пока их отец не будет физически готов к посещению родными.

– А ты уверена, что у них здесь есть родные, ведь пришли они без старших сопровождающих? А если нет никого, тогда как?

– Я порасспрашиваю их. Ну, а если... – Ирина не успела договорить.

– Я согласен, пусть поживут у нас дома, – быстро принял решение Пандавов. – А там ты и определишься, те ли, не те ли эти Леви.

В итоге в семье Пандавовых поселились два очень непростых ребенка.

Здесь следует остановиться и рассказать о сестре и брате, которых эта мясорубка военных действий не пощадила так же, как Михаила, и превратила в крошево их детство. И если дальше в повествовании иногда будет звучать терминология современной войны, то это лишь отражение особенностей услышанных госпитальных исповедей, а не желание автора придать его рассказу налет особой важности и сокровенного знания речи участника боевых действий, тех кто «топтал войну». Поверьте, люди, которые прошли реальные бои, стараются не вспоминать все, что с ними связано. Только на ранних этапах своей реабилитации время от времени проскакивает тот или иной военный сленговый термин.

Брат и сестрёнка, проявившиеся в этой истории пациента и возникшие в нашем повествовании, напрямую объясняют соотношение случайностей и закономерностей происходящего. С одной стороны, сколько ни бросай кости, «шесть-шесть» – редкая комбинация, особенно если она выпадает шесть раз подряд; с другой стороны, два

шара, попавшие в воронку, должны встретиться по непреодолимой необходимости.

У Фиры и Льва – двенадцатилетних двойняшек – погибли родители. Погибли страшно, на их глазах. После того, как от них отреклись не только соседи, но и близкие люди и дальние родственники, дети быстро повзрослели, стали хитрыми, расчетливыми, опытными игроками в жестокой схватке за жизнь.

Фира и Лев, может быть, ещё и от плохого питания, были шупленькими, малорослыми. Собственно, и папа с мамой размерами не отличались. Детишки росли очень сообразительными и живыми. Они много читали, родители их баловали и не скупились, вкладываясь в воспитание и образование детей.

Семья не приняла политику фашистского геноцида киевского режима. Родители, далёкие от политики люди, смели высказать в лицо нацикам своё возмущение всей абсурдностью состояния дел на земле, которая уже была под Гитлером, настрадалась, полилась обильно кровью и всеми возможными нечистотами и вновь была оккупирована, но уже своими недоумками.

– Ви адиёты! – кричала мать Фиры. – Вас немчура за людей не считала и не считает, а вы ихние кресты да молнии напялили! Вас и деды и внуки проклянут!

После того, как маму с папой долго мучили, били, жгли головешками из костра, их накачали монтажной пеной – и тела просто разорвало.

То же самое проделали бы и с детьми, но они спрятались. Соседи, знавшие всю эту страшную историю, на просьбы детей о хлебушке отводили глаза, а после прятались, как от прокажённых, – никому не хотелось разделить участь замученных.

Дети решили бежать в сторону российских позиций, благо они были относительно недалеко. Ребята научились прятаться, пробираясь по посёлкам ночами, есть отвратительные отбросы, воровать всё, что можно, и обменивать украденное на продукты. Многие местные жители просто так еды не давали, только за украденные или взятые из разбитых домов ценности, которые не успели украсть фашисты. И то – бросали объедки.

Вскоре Фира научилась просить еду так, что любые самые черные и зачерстневшие души оттаивали: несмотря на царившую вокруг грязь, она при первой же возможности умывалась, и её божественное личико сияло такой добротой, нежностью и кротостью, что она казалась оборванным ангелом, прилетевшим с небес на страшную войну спасать души. Не дашь сухарик – души не спасёшь!

Иногда детям даже попить было нечего. Вода и та доставалась с риском для жизни. Так в одном селе, абсолютно пустом и разрушенном, брат и сестра увидели целый колодец. Лев и Фира подбежали к нему и заглянули внутрь. На дне, заполняя всё пространство, лежал раздувшийся труп женщины и нестерпимо вонял.

Как Фира и Лев не подорвались на минах, как они не замёрзли, не стали добычей «птичек», не попались в руки садистам-хохлофашикам, этого не знает никто. Их вёл Бог.

Дети умели пролезть в такие щели в разрушенных подвалах, которые были недоступны взрослым. В этом была хоть какая-то гарантия безопасности, хотя под землёй жил ледниковый холод, скрючивающий руки и ноги.

Лёва действительно был львом. Однажды, выслеживая фашиков, которые могли недоглядеть за едой, дети спрятались в развалинах,

переполненных кусками трупов людей, собак и кошек. Сумерки стали накрывать битый кирпич, листы кровельного железа, дырявые алюминиевые кастрюли и старинную зингеровскую швейную машинку, искореженную взрывом. Мальчик и девочка, как грызуны, выползли из подвала, в недрах которого провели тревожный день. С голодом они уже свыклись, но теперь он достиг состояния предсмертной боли, терзая кишки и поджилки.

Это было плохое село. Ни одной бабы фертильного возраста, одни древние старики и старухи. Но, добывая их прикладами, «светлые эльфы Зеленского» обнаружили, что бабушки запасливы, – нашлось много консервов и солений.

Дети подкрались к окну. Из дома доносились радостные песнопения Верки Сердючки. Светомаскировка скрывала почти всё, но сквозь маленькую дырку в одеяле им открылась мерзкая картина. «Герои, которым слава», нажирались горилкой до изумления. Они глумились над стариком, заставляя его плевать на ордена своего отца. Седой грязный инвалид, с белыми, ничего не видящими обезумевшими глазами, никак не мог собрать слюну в пересохшем от страха рту и, дрожа всем телом, шевелил дёргающимися губами. Его пинали. Сморщенное лицо плакало без слёз.

Когда «веселье» улеглось, и «воины света» в разнообразных позах полегли, Лев велел сестрёнке ждать, а сам полез в дом за объедками.

В хате воняло, но тут был и запах тушёнки, сала и солёных огурцов, который буквально опьянил мальчишку. Он ухватил с собой всё, что мог, но потом вернулся. На полу лежала золотая зажигалка ZIPPO, мальчик схватил её, расплескал крепкий самогон и поджёг комнату.

– Бежим! – прошептал он сестрёнке, выскакивая из дома, и припёр дверь лопатой.

– Ты рехнулся! Сейчас они нас убьют!

– Бежим!

Начался пожар. Из дома выбегали горящие фашики, они орали, и их крики воспринимались детьми, помнившими муки родителей, как настоящая музыка. Если бы они знали Баха или Бальбаstra, то непременно услышали бы ноты великих произведений в вое профессиональных убийц. Как зачарованные дети смотрели на фашистов, забыв о собственной безопасности. Где-то там, в горящем доме, закончились муки и несчастного деда. Никто из хохлофашиков не спасся. Один за другим они падали факелами, как будто спирт в них служил главным горючим для чёрных садистских душ.

Дети побрели дальше. Крались по обочине. На ночной дороге в свете луны лежал мяч. Его присутствие в условиях войны было настолько неуместным, что ребята, нахохлившись и не веря своим глазам, подошли к нему. Это была голова. Оторванная голова улыбалась ртом с вырванными губами. Льва начало тошнить. Его вырвало желчью. Ничего другого в голодном желудке не нашлось.

Потом они долго сидели в кустах в яме, накрывшись от дронов железным кровельным листом; обнявшись, хранили последнее тепло. Награпывал мелкий дождь, в ветвях лесополка посвистывал ветер.

Фира шептала брату:

– Я у тебя как Герда – никогда-никогда не оставлю. Пойду за тобой хоть к Снежной королеве на самый Север. Мы такие же, как Кай и Герда у Андерсена. Только Герда таких кошмаров не видела, их даже сказочник придумать не мог.

– А у Кая было ледяное сердце... Может быть, если бы у меня было такое, то я бы меньше боялся и жалел.

– Ты и так у меня самый храбрый и самый добрый!

– А ты самая красивая...

В сумерках, словно маленькие зверята, серыми тенями они стали пробираться дальше, прячась под небольшими ржавыми жестянками.

«Лисы», – подумал хохол-дроновод, чей разведывательный фипи-вишник прочёсывал местность.

Дети дошли до квартала пятиэтажек с зияющими проёмами окон. Заходить внутрь пустых домов не хотелось: мало ли какая нечисть может таиться в продуваемых ветром квартирах. Когда они проходили мимо, часть многоэтажного дома обвалилась. Они очень испугались, но это была не воля людей, а издёвка провидения, обрушившего пронзённое снарядами ветхое здание именно в этот момент. Как листва, в воздух поднялся ворох бумаг с чертежами и печатным текстом. Кто трудился над их созданием?

Выбравшись из микрорайона, двойняшки опять попали в деревенскую местность с частными домами. В некоторых из них наблюдались следы жизни. У сарая копошилась одетая в лохмотья женская фигура.

Голодные дети подошли ближе.

– Тётька! – жалостливо завела шарманку Фира. – Тётька, пожалейте сирот! Три дня ничего не ели! Кусочек хлебца, ложку каши не пожалейте!

Женщина повернулась к ним лицом или тем, что когда-то было лицом. Яркой сыпью в кровавых расчесах была покрыта вся шея, руки и голые ноги, кожа на которых сначала показалась красными чулками. Хриплым срывающимся голосом женщина заговорила.

– Тикайте, дити! И не ешьте, не пейте тут ничего. Тут зараза, хвороба! Вон, на горке институт. На нас опыты ставят. Всех деток украли, а мы все хворые тут, помираем!

Ребят охватил такой ужас, что брат и сестра, как воробышки, порхнули в сторону и побежали прямо по огороду.

– У них главный – Скот какой-то! Всех детишек забрал! – кричала им вслед женщина.

Дети преодолели еще несколько километров. На обочине дороги Лев и Фира заметили выгоревший до чёрного блеска автомобиль – украинский дрон с запрещённым всеми международными конвенциями зажигательным устройством догнал бегущую от войны семью: мужа, жену и двух детей. Останки их фигур угадывались за оплавившимися стёклами. Водитель – серая головешка, продолжал держаться за руль, но при попытке открыть дверь машины, труп покачнулся и рассыпался, дыхнув мелкой серебряной пылью. В поднявшемся облачке пепла растворились остальные пассажиры. Остался только остов машины, как победа железа над живым телом. От страха дети бежали так быстро, как только могли. Но сил оставалось немного.

Потом они долго ползли по полю сорняков. Новый район многоэтажек вырос на их пути, затем – промзона с бесконечными цехами и пустыми складами – разрушенными, сожжёнными, взорванными, полуразобранными на кирпичи. Пахло цементом, ржавым железом и нечистотами. Ветер переворачивал куски рубероида. Вокруг не было ни души. Как будто после апокалипсиса дети остались единственными выжившими на земле. Они зашли в громадное здание, пустое изнутри, вплоть до крыши, покоящейся на стальных переплетающихся конструкциях.

В крыше, обнажая низкое серое небо, зияла дыра, под ней, разбросанные в хаотическом порядке, валялись обломки самолёта. Двойняшки, уставшие и голодные, буквально рухнули на какие-то разбросанные под дырой тряпки. Они лежали и смотрели сквозь пробоину на это небо над войной. Как бы ни измучили, как бы ни растоптали, ни вывернули наизнанку землю – небо над ней остаётся прежним: рдеют кровью закаты, палит летом солнце, и немногие уцелевшие кузнечики стрекочут свою песню счастья; рассветы розовеют надеждами, веют прохладным ветерком, хотя в нём и прорастают запахи гари, нечистот и трупов. Так дети и заснули... Проснулись, когда начало темнеть.

Дальше шли по кафельному полу, по кускам железа. Вдруг один из листов железа прогнулся – и вместе с Фирой устремился вниз, в пропасть. Лев едва успел схватить её за руку и попытался удержать над образовавшейся бездонной ямой. Сестра повисла, крича над чернотой: – Отпусти руку, – умоляла Фира. – Оставь меня!

Мальчик, судорожно сжав пальцы, держал сестренку на весу, как новорожденный крепко сжимает руку матери. Лист, на котором он лежал, начал сползать. Лев потерял равновесие и соскользнул вниз, в темноту, не разжимая правой руки.

Они упали вместе. Фира разбилась меньше, всё-таки она была ближе к полу. Лев сорвался с большей высоты. Его кости гулко стукнулись о пол подземелья. Паренёк не подавал признаков жизни, девочка нащупала его голову, мокрую и липкую от крови. Ранение в эту область даёт сильное кровотечение, и оно не сразу останавливается. Фира обмотала голову Льва обрывком ветхого подола и устроила её у себя на коленях. Так девочка просидела долго. Постепенно её глаза привыкли к темноте, а Лев заворочался и очнулся.

Они оказались в коридоре, который разветвлялся во множество сторон. Как ни пытались Лев и Фира, вылезти обратно в ангар оказалось абсолютно невозможно.

В одной из хат дети украли фонарик, так что остаться в полной темноте они не опасались и, взявшись на всякий случай за руки, пошли вглубь коридоров. Фонарик периодически пришлось включать. В основном, они экономили батарейки и двигались почти на ощупь.

Множество часов дети блуждали в лабиринте коридоров и пустых комнат. Повороты сменяли повороты, в некоторые коридоры вели открытые тяжёлые стальные двери. Свет откуда-то сочился, но источник его оставался загадочным.

Темнота сгущалась. Ни один звук не нарушал тишину. Захламлённость исчезла, всё было достаточно чисто, если не считать многомесячного слоя пыли на бетонном полу.

Некоторые из помещений оказались забиты оборудованием, станками или их деталями, но в основном – гулкое эхо, пустота, темень: ни шороха, ни вздоха вокруг. Даже слой пыли утончился.

В очередной раз, включив фонарик, дети обнаружили, что от каких-то глобальных сотрясений одна из могучих стен коридора рухнула и за ней открылись ряды ящиков. Приглядевшись к маркировке, дети увидели свастику – ящики хранили оружие; некоторые, с открытыми крышками, поблёскивали автоматами в засохшей смазке.

Сколько они блуждали по подземелью и где вышли, никто не знает. Хорошо, что воду нашли и наполнили ею немецкие фляги. Лев обнаружил для себя ещё один артефакт – фашистский кинжал. Это был родной брат гольбейна, найденного в детстве механиком самолётов

Алексеем Сергеевичем Крёстным. Больше Лев никогда с гольбейном не расставался. За время всех злоключений у них собралась вот такая коллекция трофеев: две фляги, фонарик, зипповская зажигалка и эсэсовский кинжал гольбейн.

Время шло, и однажды, когда, бродя в полной темноте (батарейки у фонарика давно сели), не веря своим глазам, дети увидели свет – их путешествие по подземному миру закончилось.

Вновь продолжились скитания на ветру и под дождём. Мимо пугливо пробежал потерявшийся пёс и заглянул в глаза, надеясь если не на кусочек чёрствого хлеба, то хотя бы на ласковый взгляд человека.

Как сразу обостряются все чувства! Как хочется жить и видеть, как пробиваются на земле робкие полевые цветы: их почти незаметно, но изголодавшееся по нежности и покою сердце мучительно просит остановить на них взор.

Все ближе подступала передовая. Слышались разрывы, постоянный рокот беспилотников, но двойняшки твёрдо решили перейти на другую сторону фронта – тут была только одна смерть.

В лесополке они наткнулись на разбитую и исковерканную дронами бронемашину; на её крыше, под «мангалом», плотно присыпанным сгоревшими ветками, образующими шалаш, решили заночевать. Через полчаса дети поняли, что под ними, под днищем их убежища, кто-то есть. Это было так страшно, что брат и сестра затихли совершенно. По доносившемуся до них снизу шёпоту дети поняли, что под днищем прчутся солдаты из большой России.

Ночью из-под броневика выползли бойцы: один тащил другого, видимо, тяжело раненного в ногу. Внезапно появились ещё солдаты, о чём-то начали тихо говорить с их «нижними соседями». До Фиры долетели лишь отдельные слова, смысл которых она не понимала: направление, располага, желтая зона, открытка. Дальше вся группа военных двинулась в направлении российских позиций, помогая раненому и его уставшему спасителю. Вероятно, дорогой читатель уже догадался, что к своим возвращался Иван Николаевич Крепкий – будущий пациент военного госпиталя.

Дети невидимыми тенями поползли за ними на большом расстоянии. За время своего выживания в этих нечеловеческих условиях они научились ходить и ползать тише мышек. Так они добрались до позиций российской армии.

Фира решила первой выйти из укрытия.

– Ты не ходи сейчас за мной, спрячься, – шептала она Лёве. – Меня скорее пожалеют: я красивая девочка. Потом я о тебе расскажу, а пока для тебя еду воровать буду!

Так и сделали. Появление на позиции маленькой хорошенькой девочки бойцы восприняли как явление ангела в чистилище. Потом она рассказала о брате.

Несколько раз, боясь за детей, пытались отправить их в тыл, однако боевая обстановка не давала такой возможности. Но поиски через друзей их родственников уже начались.

И вот однажды к ним в часть пришёл боец, грузный мужчина с добрым и печальным взглядом. Это был Михаил – известный в соединении дроневод, с позывным Мастер, ликвидация которого была мечтой украинских боевиков. От «птичек» Мастера не удалось уйти ни одной вражеской технике. На счету мужественного дроневода был практически весь натовский «зоопарк»: «Леопарды» (немецкие танки

Leopard), «Росомахи» (польские БТР Rosomak), «Волкодавы» (британские броневые автомобили Wolfhound), «Мастиффы» (британские броневые автомобили Mastiff). Не поздоровилось и «Абрашке» (американскому танку «Абрамс» (Abrams)).

Михаилу как-то рассказали о детях, чудом добравшихся на передовую и пригретых бойцами подразделения. Он заинтересовался, так как болезненно искал пропавших двойняшек своих дальних родственников, замученных нациками. Вот уж, воистину! Неисповедимы пути твои, Господи! Найденные дети оказались его троюродными племянниками!

Бумаги на усыновление гуляли по начальству несколько месяцев. Если бы не участие очень большого чина, восхищённого боевыми успехами и новаторскими техническими предложениями Михаила, ничего бы не получилось. Наконец судьба улыбнулась им, и они стали одной семьёй. Удалось получить на ребят российские паспорта: хитрюга Фира уверила всех, что им уже по 14 лет, просто они очень маленькие – такая конституция им досталась от родителей, а документов у них никаких не сохранилось. Несколько раз Михаил пытался их эвакуировать на территорию российского приграничья, но они каждый раз исхитрились убежать и вернуться к нему: натерпевшись ужасов войны и обретя родную душу, они боялись оторваться от него хоть ненадолго.

Так и жили-воевали: дроновод Михаил и его маленькое семейство. Фира и Лев очень полюбили своего нового отца. А он всё свободное от службы время проводил только с ними. Молчун, он все свои мысли, всю любовь передавал им взглядом, и они понимали его без слов. Необходимые друг другу люди сплелись душами, как деревья корнями.

Прошло недолгое время счастья, и боги опять возревновали. Холятский дрон высмотрел Михаила. После взрыва эвакуировал его в госпиталь фельдшер по фамилии Шембель.

Вот такие дети, с такой непростой судьбой стали жить в семье двух профессоров, принимавших участие в лечении и возвращении к человеческой жизни их обретенного отца. Сказать, что они были трудными детьми, это значит ничего не сказать.

В основном, отношения складывались очень хорошо. Они вместе читали вслух и перечитывали то, что дети привыкли слушать дома: Андерсена, братьев Гримм, Льва Толстого. Много раз перечитывали «Дети капитана Гранта» Жюль Верна. Потом начали расширять библиотеку. Зазвучали Катаев, Паустовский, Горький, Гайдар, Грин, Бажов. Нет детских и взрослых писателей. Если писатель только детский, значит, он воспринимает детей, как примитивов, а это не так. Есть произведения, которые детям читать не надо, чтобы они не стали до времени взрослыми, не надо воровать у них детство. А тут детство закончилось при гораздо более драматических обстоятельствах, чем литературные изыски. А сказки полезно читать и взрослым, и старикам.

Но иногда эту сказочную книготерапию детской психики, мягко проводимую Пандавовым, взрывали поступки или воспоминания детей – они зачастую приводили мудрого и твердого в общении с коллегами и учениками профессора в замешательство, даже ставя порой в тупик.

Например, однажды не получив седьмой конфетки, Фира легла в гостиной на пол и медленно поползла к Святославу Валерьевичу и Ирине Валентиновне. Как можно ползти, спотыкаясь, – не доступно воображению, но девочка проделывала именно это.

– Подайте Христарди! Недельку ворту маковой росинки не было! Вы же добрые! Не оставьте сироту! Бог вам зачтёт! Умоляю! Не оставьте

ребёнка помирать! Смерть в глаза вижу! Спасите от гибели неминучей! – запричитала Фира тоненьким голосом и рухнула лицом на пол, протянув руку. Лев смотрел на этот перформанс, перешедший в инсталляцию, с пониманием и уважением. Этот трюк не раз спасал им жизнь.

Или рассказ детей о том, как однажды им удалось добыть себе пропитание, обворовав беспомощную бабушку.

Со старухой в грязном ватнике они встретились возле её полуразрушенного дома, где она пряталась в подвальчике под гаражом. Дети пристали к ней с жалобами и просьбой поесть. Напуганная до смерти старушка накормила их. За два дня пребывания в её доме пожилая женщина многому научила двойняшек: тихо-тихо красться по земле; укрываться железом от тепловизоров, размывая свои контуры; различать растяжки и минные поля; не подбирать брошенные предметы, в которых могла таиться ловушка; не переворачивать покойников. Она уже знала много, на её глазах погибло множество людей.

Бежали от неё Лев и Фира, когда она спала. Они украли у старушки столько еды, сколько смогли унести.

– Она всё равно умрёт. Она никуда не идёт, а тут все умрут. Вот доест свои запасы и умрёт, а нам на несколько дней хватит. Нам надо выжить и отомстить за родителей, – убеждала себя в своей жизненной правоте Фира...

– Вряд ли вы могли много нести с собой еды... – попытался еще как-то оправдать этот поступок Святослав Валерьевич. – Ну, закончилась еда. Что же вы ели дальше?

– А мы зубы меняли на еду! – ответил Лёва. В его голосе и взгляде, повороте головы чувствовалась некая гордость за такое, по его мнению, взрослое решение проблемы.

– Это как? – ужаснулась Ирина.

– Очень просто. Зубы-то – золотые. А Фирка рассказывала всем, что наша бабушка, умирая, велела ей забрать её последнее достояние. Украинки пускали слезу, но золото брали, а нам давали какие-то продукты.

– Подождите, подождите! Какие золотые зубы? Откуда?! – ошеломленно спросил профессор. Он даже не представлял, что ему придется сейчас услышать историю, сродни сказкам братьев Гримм.

В то время, когда двойняшки блуждали по подземелью, они наткнулись на комнату, почти пустую. Приглядевшись к полу, заметили, что он усеян тщательно обглоданными человеческими костями. Вот – рёбра, вот – позвоночник, а тут – череп.

Напротив, за железной дверью, вдруг послышался шорох. Дети застыли в ужасе. Дверь стала со скрипом открываться. Какие чудовища таились в катакомбах на дне мира?

Дверь открылась полностью. За ней стоял жёлтый, сгорбленный скелет в форме немецкого офицера времён великой войны. Ослеплённый светом, он щурился на детей. Не сразу стало понятно, что это измождённый старик, редкие длинные седые волосы которого свисали из-под фашистской фуражки.

– Детишечки! – зашептал доходяга. – Мне вас сам бог послал! Бог Миколу любит! Я людей долго не видел. Не убегайте. Тут бежать некуда. Всё равно заблудитесь, а у меня есть вода. Тут подземный источник бьёт. Немцы всё продумали. Бог Миколу любит! Я вам всё расскажу. Вы ведь всё равно никому не скажете. А я всё расскажу. Я долго не разговаривал. То есть разговаривал сам с собой, с Миколой.

Лев и Фира сразу не поняли, что перед ними сумасшедший.

– Микола на фронт не хочет, – продолжал бубнить дед. – Бог Миколу любит! Он не даст в Миколу стрелять. Микола с двумя товарищами сюда заполз. А тут немцы всё для него сделали, приготовили. Консервы только все испортились, а вода есть. Бог выбрал Миколу! Мой бог кресты любит. Это его кресты, мой бог такие кресты любит. Это тайна.

Дети заметили, что все стены покрыты выцарапанной на бетоне свастикой. На всех запасах у Миколы такие кресты.

– Их бог мне приготовил. Мой бог! – шептал сумасшедший, перебирая в руках какую-то снедь. Он прошёл два шага и сел на пустой ящик, голова старика сразу же свесилась почти между его колен, но и оттуда слышался шёпот. – Бог разрешил Миколу человечину есть. Это – Остап и Сэмэн, приятели мои, друзья. Они тоже дезертиры. Но бог выбрал Миколу! Я их засолил... экономил... но они кончились... А тут вы. Бог Миколу любит! Кончится война, Микола выйдет из подвала. Он богатый!

– Какой же ты богатый? – неизвестно почему спросила Фира.

– Бог Миколу злата дал! Пуды! Пуды! Пуды!

– Ну и где твоё золото? – не унималась Фира.

Микола встрепнулся, оживился, если такое можно сказать о полумертвце, обтянутом жёлтой кожей.

– Не верите? Я вам покажу! Я вам его даже дам. Вы всё равно уже мои.

Дезертир поплёлся за дверь. Лев двинулся за ним, но Фира его удержала.

Внезапно Микола стал кидать из-за двери горсти каких-то металлических кусочков. Может быть, гайки? Он набросал их много.

Не дожидаясь, когда старик закончит свои раскопки, Фира толкнула Льва к двери и налегла на неё сама – с наружной стороны она заметила запор. Микола рванулся к двери, но было уже поздно. Дети закрыли её и защёлкнули засов.

Жуткий вой раздался из закрытой комнаты.

– Не запирайте меня! Отсюда другого выхода нет. Я тут умру! Микола жить хочет! Микола на войну не хочет! Бог! Сделай что-нибудь! Дети, выпустите! – он выл и выл... Откуда только силы взялись! Потом он стал скулить, и слов было уже не разобрать...

Дети, надолго застывшие, наконец, стали приходить в чувство и огляделись – по полу были разбросаны золотые зубы. Окончательно они очнулись нескоро.

– Мы должны всё это собрать, – размышляя, сказала Фира и снова огляделась.

– Ни за что! Такая гадость! – вздрогнул Лев.

– Это – хлеб. Мы будем менять золотые зубы на хлеб или сухари.

– Скорее нас за них убьют.

– Мы не будем показывать все. Скажем, это бабушкины.

– Всё равно убьют.

– Я сумею. Я актриса.

Копаясь среди человеческих костей, они набрали больше двух килограммов золотых зубов, припасенных фашистами со времен Великой Отечественной войны.

От этого рассказа мурашки побежали по спине профессора.

Довольно неожиданно Фира встала и гордо, с какой-то скрытой радостью заявила.

– Вы не думайте, мы у вас не бесплатно живём. Мы за всё вам заплатим. Мы богатые.

– Вы полезете после войны с нами под землю? Дойдём до убежища людоеда? Он, должно быть, уже сдох, – подхватил её тему Лёва.

– Ни за что! И вам не советую! Это плохое золото. Это золото из немецких концлагерей. Никому в мире оно не принесёт ни радости, ни счастья! – профессор и Ирина посмотрели на детей с каким-то отчаянием.

– Вы говорите глупости! Золото не может быть плохим – оно нам жизнь спасло, – пробурчал Лёва.

– Золото само по себе имеет власть сводить с ума. Самое неприятное, что оно прямо сейчас властвует над умами многих. Где-нибудь – в подземном бункере, или на собственном золотом острове в океане, или в офисе на сотом этаже небоскрёба – сейчас сидит такой же Микола-людоед, сидит и рассчитывает шансы погубить, сожрать миллионы людей за миллионы долларов для себя. И он чувствует себя в безопасности, а на самом деле – такой же сумасшедший дезертир.

– А может война начаться здесь?

– Нет. Что вы! Мы далеко от фронта.

– А вы, Ярослав Валерьевич, оказывается, – глупый. Наши родители тоже говорили нам, что мы в безопасности. Но в мире взрослых всё неожиданно ломается. Вы же рассказывали нам, что это не первая война. В любом месте, в любое время вы поссоритесь и выжжете всё вокруг. И тогда – золото поможет нам выжить. Мы умеем прятаться, а вы нет!

Профессор не знал, что ответить.

Шло время. Недели через две двойняшки стали настойчиво проситься посетить в госпитале Михаила. Но это мероприятие пришлось снова отложить – у него в послеоперационном периоде отмечалась сиалорея (повышенное выделение слюны) из послеоперационной раны, которая способствовала формированию слюнных свищей в подчелюстных областях с обеих сторон.

К третьей неделе послеоперационного периода слюноотечение прекратилось полностью, свищи самостоятельно закрылись. Кожный лоскут во рту полностью прижился. Контрольное КТ-исследование подтвердило правильное положение индивидуальной титановой пластины и аутокостного трансплантата.

После операции произошло быстрое увеличение минеральной плотности аутооттрансплантата, повышая его прочность.

Благодаря стволовым клеткам жировой ткани (открытым когда-то Пандавовым), восстановление шло быстрее, а когда была подключена электротерапия (тоже одно из изобретений Святослава Валерьевича) – процессы регенерации ещё более активизировались.

Выбранная тактика работы сформированной врачами реабилитационной бригады себя оправдывала.

Можно было думать об оформлении пропусков на посещение Михаила.

Но поскольку операции шли поэтапно, то реабилитация пациента занимала много времени.

Для Пандавова и Полезновой это означало, что общение со своими новыми домочадцами будет продолжаться. Это их радовало. Отношения сменились с официальных на более простые и сердечные.

Двойняшки почти забыли детские семейные игры, и Ирине вновь пришлось на практике вспоминать все свое общение с сыновьями и внуками. Пандавов охотно поддерживал добрые семейные традиции.

Им очень хотелось окутать детей сердечным теплом, которое напроць из их душ выгнал холодный ветер войны. А началось всё с простого смеха. Святослав Валерьевич вспомнил, как в институте на собраниях группы по праздникам девчонки-однокурсницы играли в «спички-брички-ящики-хрящики».

Профессор раздал слова. Фира должна была сказать: «Спички!» Ирина: «Брички!» Святослав: «Ящики!» Лев: «Хрящики!» Дети насторожились, но пошли на эксперимент. Когда все они произнесли эти слова одновременно, раздался оглушительный звук: «Я-а-пчхи!!!»

– Будьте здоровы! – вежливо отозвался профессор. Секунду все молчали, а потом легко и по-детски захохотали.

Это глупое, но искреннее занятие по воспроизведению слов и звуков сняло напряжение и сблизило всех. С тех пор к ним прилипли смешные прозвища: Святослав стал Ящиком, Фира – Спичкой, Ирина – Бричкой, а Лев – Хрящиком.

Много раз посещали театры и концерты. Особенно любили органную музыку и джаз.

Играли в лото. Эта медленная тихая русская игра успокаивала брата и сестру.

– Ни одно горе не длится вечно. Прежде всего, не делайте ничего, чтобы продлить его. Сделав этот простой первый шаг к его окончанию, вы пройдете половину пути, – говорил за игрой Святослав Валерьевич. И взрослые дети прекрасно понимали его.

* * *

Ирина прекрасно готовила и радушно откармливала двойняшек. Но тема голода и борьбы за выживание в кошмаре войны, с которым им пришлось столкнуться на своем опасном пути, казалось, не покидала детей. Периодически она прорывалась всплесками воспоминаний, вырываясь наружу из глубин памяти.

– Большое спасибо! Всё очень вкусно! – как-то сказал Лёва, выходя из-за стола. Помолчал, а потом добавил: – Здорово, что уже нет нужды шариться по разрушенным домам в поисках еды. Знаете, Ирина Валентиновна, в одном разрушенном посёлке мы нашли ход в подвал. Внутри было почти абсолютно темно. Очень пахло плесенью. Сначала в темноте мы ничего не видели, а потом, когда глаза попривыкли, то в середине небольшого зала заметили, что кто-то сидит. Честное слово, показалось, что опять там мертвец. Прислушались и поняли, что это непонятная «тень» что-то шепчет: «Если такое, то как же? Если так можно, тогда уж... Что уж тогда... Тогда уж... Что уж... Всё тогда... Тогда уж всё... Если такое, то как же? Если так можно, тогда уж... Что уж тогда...» – этот шёпот буквально стелился и стелился по полу подземелья. Так опавшая листва шелестит под ногами.

Я тогда подумал, что это было какое-то причитание, или страшное заклинание, или молитва, – вздохнул Лев и продолжил: – Но голод тогда был сильнее ужаса.

– Правда, правда, – поддержала Льва Фира. – Я когда поняла, что старик живой, стала его упрашивать подать сиротам, которые «месяц не ели досыта, три дня маковой росинки во рту не было». Но он на нас не сразу внимание обратил. А когда до него достучались, то он зашептал: «Детишки... Детишки, берите всё... Там в углу – консервы. Берите

всё... Мне уже не нужно... Если такое, то как же? Если так можно, тогда уж... Что уж тогда... Тогда уж... Что уж... Всё тогда...»

— Мы нашли его консервы и действительно забрали всё, что смогли унести, — совершенно спокойно, незэмоционально говорила Фира. — Стыдно? Не было стыдно... Просто не смогли ничего оставить. Там были и тушёнка, и каши с мясом, и паштет. Голод делает своё дело. Голова уже не работает. Голод съедает всё. Ни одно живое чувство не спасётся от его жёлтых острых зубов. Мы тогда объелись. Я помню, как нас рвало с невыносимой болью, выворачивало наизнанку. Так может рвать колючими сосульками. А ещё такое чувство ледяного страха!

— Вы, наверное, думаете, что мы такие злые и бессердечные? — обратился Лёва к Ярославу Валерьевичу. — Всех слабых обирали, последнее отнимали? А что нам было делать? Нас самих постоянно хотели сожрать!

— Как это?! — вскрикнул Святослав, нарушив видимое спокойствие, которое профессор пытался сохранить, слыша эту исповедь ребят.

— Да так это! — в тон ему отреагировала Фира и повела еще одну жуткую историю.

Как-то в своих военных скитаниях, пробираясь по лесополкам, двойняшки вышли к селу, с прилично сохранившейся цепочкой огородов, редкими следами разорений и грабежей. Было тихо, только изредка слышалось квохтанье и кудахтанье кур. Сам местный люд будто ожидал чего-то и на улицу не показывался.

Дети крались вдоль стены сарая, хотели подползти ближе к дому, и вдруг их схватили за шкирки. Повернувшись, как могли, почти подвешенные в крепких руках, детишки-воробышки увидели доброе круглое лицо полной пожилой, но очень сильной женщины.

— Внучики мои! Откуда же вы такие хорошенькие? А отощали-то как!

Женщина надёжно, но мягко приобняла их и увлекла к высокому, солидного вида дому. Они и оглянуться не успели, как оказались в большой светлой комнате: красивые стулья стояли у стен; на широком столе — хрустальная ваза с конфетами.

— Я сейчас вас накормлю! — пела женщина-старушка. — Молочка нет, а компотиком из сухофруктов побалую. Только с голодухи не налегайте, а то животики заболят.

У слабых от постоянного голода детей закружились головы, а полная старушка с невиданной сноровкой накрыла стол. Поставила картошку с тушёнкой, огурцы с огорода, налила компот и даже отрезала по ломтику сала.

Не спрашивая ни о чём, двойняшки принялись есть, торопливо и боязливо. Они поели. Бабушка, суетясь, выпроводила их из-за стола, подталкивая детей к чуланчику, притаившемуся за печкой.

— Идите туда, детки, — она широко и ласково улыбалась, — чужие люди придут. Спрячьтесь от них. Мало ли что надумают. Сидите тихонько. Пospите, и всё будет хорошо! — и она опять по-доброму улыбнулась.

Дети спрятались в чулан. Старуха дала им воду и большой ночной горшок. В чуланчике был мягкий матрас и одеяла — уставшие дети забылись тревожным сном.

Через некоторое время комната начала наполняться незнакомыми людьми в камуфляже. Началась пьянка. У «героев, которым слава»

так удушающе пахли ноги, что дети стали задыхаться в маленьком чуланчике.

– Москаляку на гиляку! – слышалось из комнаты. – Москаляку на гиляку! Кто не скачет – тот москаль!

Дальше мужики просто запели украинские песни, но больше всё Верку Сердючку.

Вдруг Лев и Фира услышали сквозь шум пьяного гвалта змеиный шёпот:

– Свеженькие... Дорого тебе встанут – самый тот возраст, – пел голос старухи.

– Не жмись, такого товара сейчас бохгато, – прохрипел сорванный мужской голос.

– Дёшево не отдам. Стволовые в самом соку. Сам лови, если умеешь!

– А они не сбегут? – усомнился Сиплый.

– Куда там. Голодные как зяблики. Отъестся останутся. Никуда не денутся. И запирать не надо, а то беспокоятся.

– Смотри!

– Смотрю.

Детки притихли.

– Лёв! – прошептала Фира. – А ведь это – ведьма пряничного домика! Она нас сожрёт!

– Да что ты говоришь! Какая ведьма? Сказки какие-то.

– Нет! Это они про нас говорили.

– А что говорили?

– Не знаю, но бежать нам надо.

– От еды?

– От беды! Убьют нас!

Две крохотные тени проскользнули на крыльцо и по огородам, по курстарникам, стали удаляться от «гостеприимного» домика.

Тут они услышали звуки погони. Старуха и Сиплый бегали, рыскали по их следам. Дети спрятались под досками разрушенного сарая, который ещё не успели пустить на дрова.

– Дурра! – хрипел Сиплый. – Я по органу из тёплых разодранных трупов хозяевам доставляю; шкурой рискую. А ты два полных набора ливера упустила! Говорил, надо запереть! Отъедятся! Отъелись! Ищи их теперь ночью! Дуррра! Негодная!

– Я думала, они напуганные! Из рук ели! Может, ещё найдём!

– Конечно, искать будем! Такое мясо! Пальчики оближешь! За них столько зелени у англичан можно взять. Вон Скот скупает!

Тут мы не впервые сталкиваемся с предприимчивым последователем Киплинга, гордо несущим «бремя белого человека» и утилизирующим аборигенов.

Преследователи прошли мимо.

– Я же говорила! Людоеды, – прошептала Фира.

– Почему все хотят нас сожрать? – спросил Лев.

– Мы ценные, – отозвалась Фира. – Мы пока живы, а там, где смерть, живые – ценные.

– А зачем им мясо на зелень менять?

– Для приправы!

– Они ещё скот какой-то скупают!

– Пусть! Нам бы выбраться...

Когда погоня удалилась в сторону, они пустились наутёк по тёмной обочине дороги.

Опять профессор не смог ничего ответить этим, уже увидевшим кошмар военной жизни, детям.

Часто Фира повторяла: «Вы счастливые! У вас тепло и есть вода».

В одну из ночей все проснулись от страшного крика Фиры. Ирина и Святослав кинулись в комнату детей.

Фира сидела вся в слезах и крепко обнимала Лёвушку.

– Мне приснилось, что я тебя потеряла! – всё повторяла и повторяла Фира.

Настал день, когда двойняшки пошли в школу, и казалось, что их жизнь входит в мирное русло. Но как-то, вернувшись из школы, Лев, несколько смущаясь, спросил Пандавова:

– Святослав Валерьевич, мы с Фирочкой всё думаем, а почему вы нас пригласили пожить у вас? Почему вы нам помогаете? Мы что, вам понравились?

– Конечно, понравились! Такие шустрые!

– А чем?

– Всем.

– Но мы же с Украины, а Украина сейчас вам враг, – не унимался Лёвушка, – так один мальчик нам в школе сказал.

– Почему же враг?

– Хохлы вас убивают! – почти вскрикнул Лев.

В этот момент подошла, услышав начало разговора, Фира.

– Левая рука может быть врагом правой? – спросил уже у обоих профессор.

– Нет.

– А мы растём из одного корня. Средняя генетическая парадигма идентична. Короче – братья мы!

– Так как же может брат убивать брата? – вступила в разговор подошедшая Фира.

– Ещё как! В Египте брат Сет убил брата Озириса. В Библии Каин убивает брата Авеля. У викингов один брат отталкивает лодку без вёсел, в которой остался другой брат, и отправляет его на гибель в бурное море. В Индии братья Кауравы воюют с братьями Пандавами. Нет народа без подобного эпоса! А в жизни это встречается ещё чаще. Почти в любой группе людей есть хорошие и плохие: кто-то – за, кто-то – против; кто-то – беленький, кто-то – чёрненький; темнее – белее; более – менее.

– Так кто же победит?

– В легендах побеждает тот, кто прав. В жизни – по-разному, – грустно констатировал Святослав.

– А как так получилось?

– Просто на Украине сейчас оказалось больше нехороших или обманутых фашистской идеологией людей... Да вы и сами все видели.

Отношения двойняшек со Святославом и Ириной потихоньку наладились. Пандавовы вместе с детьми часто навещали в госпитале их приемного отца, который понемногу шёл на поправку.

<...>

Ирина и Святослав подолгу серьёзно общались с детьми и находили в них взрослых умных собеседников, которые стремились к знаниям. Все рассказы о жизни и об истории воспринимались ими с полным пониманием.

Святослав Валерьевич любил рассказывать и о медицине, и о науке вообще.

– Ваш отец не только добр и храбр, он ещё и большой учёный, математик, физик, программист, создатель новых концепций. А фашисты, против которых он борется, те, что убили ваших родителей и его жену, не раз проигрывали, потому что отличались невежественностью и не уделяли достаточное внимание науке.

И как старый радиолог профессор привёл яркий исторический пример:

– Отчего проиграла фашистская Германия? История фашизма не написана и никогда не будет написана. Слишком много заинтересованных лиц. Родился фашизм в Англии в оправдание массовых убийств аборигенов, которым англичане несли «культуру». Чарльз Кингсли не стеснялся в своих высказываниях о расовом превосходстве. Ещё Оливер Кромвель называл британцев «народом Бога». В Британии родилась евгеника. Френсис Гальтон, двоюродный брат Дарвина, называл низкосортными даже кельтов-ирландцев. Он стал одним из «отцов-основателей» евгеники – это такая наука о расовом превосходстве.

Итак, в Германии, оправдывая её реваншистские потуги и «генетическую избранность», образовалось тайное общество Туле. Тут и началась обработка германского мифологического наследия, трудов богословов, типа Блаватской и ницшеанских неоплатоников, и создание из них шипучего коктейля, о котором говорили, как «будто поворошили палкой в тухлом горшке». Томас Манн в 1941 году писал: «Очень важно выбить из интеллектуального фашизма его мифологическую составляющую. Миф, поставленный на службу идеям фашизма, мутировал, чтобы сделать фашизм привлекательным для народа».

Тайное общество Туле, раньше называлось «Исследовательская группа германской древности», было немецкой оккультной группой, основанной в Мюнхене вскоре после Первой мировой войны и названной в честь мифической северной страны из греческих легенд – Гипербореи. Члены общества занимались созданием синтетических мифов из настоящего наследия древних германцев и способами воздействия на массы, вплоть до элементов гипноза, а также предсказаниями будущего тысячелетнего Рейха. Чрезвычайно полезной для нацистской идеологии оказались работы генетиков и умозаключения механика Гёрбигера.

Ганс Гёрбигер был богатым человеком, честно заработавшим состояние своими патентами. Талантливый механик, он не имел ничего общего с физикой, но именно ею и собирался заняться. Когда-то Ганс видел, как ковш расплавленного металла пролился на лёд. Произошёл взрыв. Это настолько впечатлило Гёрбигера, что он создал теорию «огня и льда». Согласно ей, наша Вселенная возникла из столкновения сверхсолнца с бескрайним льдом. После взрыва образовалось Солнце, Земля и ещё тридцать планет, вращающихся вокруг Солнца. Дальние планеты, как и кометы, состоят из льда. Гораздо позже это (как ни странно) подтвердилось для Цереры, Плутона, Хаумеа, Макемаке, Эриды, Урана и Нептуна. Млечный путь по Гёрбигеру состоял также из льда. Периодически Земля ловит очередную луну, всего их было четыре. Когда Луна приближается к Земле, на нашей планете возникают гигантские насекомые, рептилии и животные. Человек становится высоким сверхчеловеком с огромной умнейшей талантливейшей головой. В нём возрастают воля, ментальная сила и экстрасенсорные способности, он левитирует и передвигает предметы силой разума. Последний Король людей некоторое время держит

разумом Луну и не даёт ей упасть на землю. Но в конце концов Луна падает. Катастрофа – жизнь частично гибнет; сверхлюди – высокие, плечистые, белобрысые – укрываются на Тибете, а из болот выползают маленькие, чёрненькие, тупые и злобные недолюди. Они постепенно улучшают свою породу. Земля ловит новую Луну, и всё повторяется вновь. Всё это было бы смешно, если бы не было так грустно. Доказательств теория «огня и льда» не имела никаких. Ганс подавал её как прозрение. Но, учитывая то, что в мифологии германцев есть ледяные великаны, фашистам всё это очень понравилось. Гёрбигер вступил в партию Гитлера, и его назначили ответственным за науку. И наш Ганс-механик стал рассылать свою галиматью письмами всем немецким ядерным физикам, как чёткую инструкцию, не терпящую возражений.

Как на грех, большинство ядерных физиков в Германии были евреями. Так что они были вынуждены переехать в Америку по нескольким непреодолимым причинам.

Представляете, что натворил бы Гитлер, имея ядерную бомбу. Вы думаете, фашизм бы не удержался? А как он удержался на десятки лет в Испании?

Так что дети с удовольствием слушали не только сказки.

А однажды Святослав Валерьевич задал им такой естественный для подрастающих людей вопрос. Он надеялся на простой ответ, а открыл «ящик Пандоры» и ужаснулся.

– Что вы хотите сделать, когда вырастете?

– Я хочу стать красавицей и выиграть много конкурсов красоты, а потом я хочу семью и детей – мальчика и девочку, похожих на нас. Чтобы всё продолжалось, – сразу ответила Фира.

А Лев вдруг сорвался с места, убежал в детскую комнату и вернулся с кинжалом.

– А я хочу воткнуть этот кинжал в тех, кто убил моих папу и маму! – и он сделал движение, настолько агрессивное, что проткнул бы кого-то насквозь, оказался он рядом.

Фира понимающе кивнула головой. Её глаза выражали одобрение.

– А кто они, эти убийцы? – спросил профессор.

– Хохлы!

– Украинцы совсем не те, кому это было выгодно, и не те, кто этого по-настоящему хотел. Их скорее обманули. Способствовали этому больше, наверное, англичане и немцы, которые, кстати, и сделали этот кинжал. И делали то оружие, которым воюют украинцы.

– Значит, воткну и в них. Но я хочу сделать это сам. С хохлами я уже почти рассчитался. Почти. А этих буду убивать сам. Пусть в них попадёт всё то оружие, которое они сделали!

– Как же их найти?

– Я найду!

– Их много.

– Значит, убью много.

– Но они так распределили ответственность, что непонятно, кто виноват. Одни делают винтик, другие – пружинку, третьи собирают оружие, четвёртые его везут, пятые на этом наживаются, десятые пишут речи так, что стравливают народы, двадцатые эти речи произносят. Ложь выглядит как правда, и начинается война, но воюют совсем не они, а те, кого они заставили.

– Значит, виноваты все!

– Много народу получается.

– Что же, мне их простить?

– Я не знаю... – честно прошептал профессор. – Еще когда-то маршал Победы Георгий Жуков сказал маршалу Константину Рокоссовскому: «Мы их освободили, и они нам этого никогда не простят. Тем более они не простят нам, что мы их победили». Поэтому и не знаю.

– А я знаю! – твёрдо сказал мальчик.

Спустя восемь месяцев Михаил выписался на амбулаторное долечивание. Однажды, зайдя в госпиталь для контрольного наблюдения, он встретил в холле своего сослуживца. Долго они тогда стояли возле высоких госпитальных часов и делились новостями, которые накопились у каждого, пока восстанавливался и учился заново говорить Михаил. И уже когда медные стрелки знаковых часов закончили считать последние минуты их двухчасового разговора, Михаил узнал, что где-то на Украине его собеседник, боец штурмового подразделения, ворвавшись на самый глубокий уровень трёхэтажного дзота, застал там офицера в форме с характерными опознавательными знаками. Там, где-то «за ленточкой», в глубоком дзоте состоялся очень короткий разговор между двумя военными, которых никогда не должно было там быть.

– Ай эм... Я есть английский подданный – майор Скотт, – залепетал офицер, почему-то забывший свой хороший русский язык.

– Скот – резать пора, однако... – сказал штурмовик, выхватил большой якутский нож и полоснул иностранца по горлу. Голова майора задралась, откинулась назад, и из горла весело забил алый фонтан...

Писатель-гуманист и большой демократ возмущённо воскликнет в этом месте:

– Ну, разве так можно писать?! Это неэстетично, нетолерантно, несовместимо с образом просвещённого человека! Варварство какое-то!

– Ты выбери, наконец, сторону! – отвечу я, автор. – Речь идёт о выживании нации! Все это – правда, амёба ты ангажированная, мастер перевоплощений, Рыцарь Клопиного Образа! А то читаешь твой «объективный» материал и кажется, что это жёваные сопли!

<...>

Вернемся к Михаилу. Он снял рядом с домом Пандавова квартиру, и дети переехали к своему любимому отцу. Они часто приходили к Ирине и Святославу в гости, просто так, поговорить, рассказать о своих успехах.

Но пока они жили в семье профессоров, был еще один инцидент, о котором мы не можем не упомянуть.

Через короткий промежуток времени после того, как брат и сестра поселились у Пандавовых, Святослав и Ирина заметили, что у них пропадает хлеб и маленькие, но очень ценные вещи. Воспользовавшись случаем, в момент отсутствия детей два профессора нашли хитроумный тайник. В него детишки сложили и сухари, и драгоценные трофеи.

– Мы должны им сказать, не ругать, но всё честно объяснить, – оценивая ситуацию, решила выбрать тактику взаимодействия с детьми Ирина.

– Нет, – начал Святослав, – этот тайник в их понимании – гарантия независимости, основы выживания. Он стабилизирует их личности, даёт спокойствие. Этого ни в коем случае нельзя нарушать. Если возникнет

противостояние и они увидят в нас врагов, вот это будет ужасно. Последствия непредсказуемы. Они честны, ведь они ничего не унесли из дома и не продали. Это просто их возможность скрыться при бомбёжке, при наступлении врага. А они всё время этого ждут, их мир крайне нестабилен. Мы с тобой никогда такого не испытывали, а они готовы ко всему, и неизвестно, кто из нас прав. Оставим всё как есть.

Ирина сомневалась, но поступила так, как советовал муж.

К чести Льва и Фиры, когда они покидали дом профессоров и переезжали в новую квартиру, снятую Михаилом, они тайно вернули все вещи на их места. А вот сухари всё равно взяли с собой.

Миша снова нашёл работу айтишника. Из дома почти не выходил. Только вечером прогуливался в балаклаве. Но дети безумно любили его таким, какой он есть, а силы к нему вернулись. Потом он отпустил бороду, и последствия травмы и операций стали почти незаметными. Он вновь научился свободно говорить. Вот тогда-то Святослав и Ирина подробно узнали его историю.

Михаил родился и жил в городе Гайсин, да-да, в том самом месте, где родилась в советское время Ирина; он – долгожданный внук тех Леви, у которых любила гостить маленькая Иронька – так её называла хозяйка дома.

Миша – айтишник, получивший свое образование не где-нибудь, а в Санкт-Петербургском политехническом институте. Этот великий город на Неве очаровал Михаила, он считал его своей второй родиной, здесь жили его родственники по отцовской линии – блокадники, здесь он нашел свою любовь. Молодой специалист хотел здесь остаться и работать, но здоровье пожилых родителей вынудило его вернуться домой.

Человеком он был довольно нелюдимым и самодостаточным. Нет, не то чтобы он выглядел, как тощий подслеповатый ботан с хилой ручкой, «заточенной под мышку». Дома у него были гантели по пуду, беговая дорожка, шведская стенка с турником, но на прогулки он выходил преимущественно поздним вечером – соседи его накачанную фигуру почти не видели. Музыку слушал в наушниках, фильмы смотрел из интернета, а большую часть сознательного бодрствования проводил в написании программ, решении математических задач, частых командировках, преимущественно в Санкт-Петербург. Но к 2014 году все его командировки закончились, а после начала эпидемии ковида работу полностью пришлось перевести на удалёнку.

Родственников у него было много, но близких не осталось. Удивительно, что при таком образе жизни он сумел найти свою любовь, женился. Поговаривали, что жена – это однокурсница, которую он привёз из очередной командировки в Питер. Его избранница охотно разделила с молодым мужем уют большой гайсинской квартиры, доставшейся ему от родителей, с советской мебелью и бесконечными полками книг. Девушку звали Роза. Она была какой-то трогательной, надломлено красивой и тихой. Воистину, подобна цветку.

Они с наслаждением гуляли по улицам Гайсина, иногда ездили в Винницу в ресторан. Интересовали их и библиотеки, хотя у Михаила было достаточно богатое собрание книг, ещё родительских. Оба неплохо готовили и радовали друг друга изысканными блюдами. Михаил зарабатывал вполне достаточно.

Идиллия их не знала бурных проявлений соперничества сильных характеров. Но, как говорили в Древней Греции: «Боги завистливы!».

Однажды за Михаилом пришли людоловы. Пьяному офицеру понравилась Роза, и он стал насиловать её на глазах Михаила. Айтишник разметал державших его шавок, ринулся на офицера, но тот, почти не глядя, выстрелил и попал ему в голову. Пуля прошла вскользь, содрав приличный кусок кожи, от сотрясения Михаил потерял сознание. Когда он очнулся, Розы уже не было...

Провалившись в больницу, Михаил вышел в таком состоянии умопомешательства, что стал вести бомжеватый образ жизни, постепенно продавая по интернету то, что осталось от родителей, запил и совершенно никого не хотел видеть – на него опустилось покрывало безумия и горя. Этих дней он совершенно не помнил.

Через несколько месяцев на Винницу посыпались российские снаряды, и в числе многих офицеров и наемников украинской армии подох насильник и убийца Розы – подонку оторвало все содержимое промежности, и он в муках скончался.

Михаил воспринял известие как знак свыше – значит, им можно сопротивляться; значит, месть возможна! Айтишник, тихоня и философ предпринял все усилия, чтобы попасть за линию фронта, на сторону российских войск. Как он туда добирался, как перешёл её и сдался в плен, – об этом можно написать отдельный роман. Скажем только, что в дело шли и дальнеродственные связи, и взятки, на которые так падки хохлы, и убийства фашистов. Ведомый одной мыслью о мести, Михаил не видел преград и шёл буквально по трупам. Он жаждал воевать, но теперь уже на стороне истинной Родины – России!

Чтобы приблизиться к передовой, он прошёл подготовку на дроневода ВСУ. В учебном центре особенно впечатлил его инструктор по фамилии Скотт – настоящий англичанин, реальный скот. Когда Скотт улыбался, а улыбался он на людях почти всегда, казалось, что обнажает свой белоснежный керамический оскал для сильнейшего укуса себе-седника. Его лекции-внушения запечатлелись в памяти Михаила очень ярко, в них всё было пропитано «здравым смыслом».

– Господа! Эффективность, эффективность и ещё раз эффективность! У современной войны нет времени. Она движется со скоростью курьерского поезда, со скоростью ракеты. Мгновенное замешательство – проигрыш. Стоит вам замешкаться на мгновение, и вас постигнет моментальная смерть.

Эффективность, эффективность и ещё раз эффективность! Куда вы будете бить в уличной драке? В горло, в глаза и по тестисам, и лучше ножом! Вы же не проявите ложного гуманизма. Благотворительностью стоит заниматься, имея большое состояние. Для бедных она недоступна. Времени у вас в обрез!

Кого должно уничтожать, нападая на страну? Вооружённых солдат, готовых защищаться? Конечно, нет! Это неэффективно! Противника надо ошеломить! Ошеломить его можно только максимальной болью! Вы должны убивать женщин, детей и стариков! Убивать их публично, лучше всего демонстрируя это потом в интернете. С максимальной жестокостью, изобретательностью и инициативой. Интернет – это тоже война! Нужно посеять страх у покоряемого народа. Женщины, испугавшись, убедят мужей в необходимости, жизненной необходимости – прекратить сопротивление! Противник должен бояться вас! Итак, кого вы должны убивать в первую очередь? Наладим обратную связь в нашем занятии! Это должен быть интерактив. Вот ты, солдат!

– Дивчин! – осклабился узколобый хохол; его толстые губы, казалось, от испытываемого им удовольствия и предвкушения покрылись маслом.

– Нет, это неверно! Ты должен убивать детей самым кровавым способом! Стариков можно вообще не трогать! От них не будет потомства! Их убийство – это уже ваше личное дело, необходимое исключительно для тренировок и проведения досуга. Кому, так сказать, что нравится. Они всё равно обречены и являются экономической обузой для государства и армии. При отступлении выгоднее оставлять им их никчёмные жизни, а вот при наступлении – они, конечно, являются обузой, если только не способны обеспечивать быт настоящих воинов.

А дети – будущее нации! И убивать детей нужно наиболее кровавым способом! Это сильнее испугает их матерей, а матери что?

– Матери или будущие матери, испугавшись, убедят мужей в необходимости, жизненной необходимости прекратить сопротивление! – выкрикнул радостно довольный тем, что усвоил предыдущий урок, пресмыкающийся узколобый хохол.

– Ол райт! Противник должен бояться вас! А для этого вы должны придумывать всё новые виды мучений и смертей! Ну кого сейчас напугает отсечение головы или повешенье! В мире каждую минуту гибнет бесконечное количество человеческого материала. Этим уже никого не удивить! А вот новые виды смертей... Вот ваши предшественники и коллеги из УПА были изобретательны. К примеру, они вешали гроздь маленьких детей на столбах, обматывая их колючей проволокой. – Тут Скотт показал, как он это делает. – Ребёнок при этом задыхается постепенно, к тому же железные колючки впиваются и впиваются в его тело! – Инструктор даже сглотнул слюну. – Вот вам пример эффективности! Не сомневайтесь, сомнения погубят вас. Всё уже продумано до вас в английских институтах, где доктора психологии взвесили все «за» и «против», подсчитали статистические погрешности. Это высочайшая наука. Вам остаётся только исполнять. Промедление сделает вас слабыми, вы не среагируете вовремя, и вас просто убьют. Вы же хотите победить ради Украины и насладиться заработанными деньгами и теми благами, которые гарантирует вам весь демократический просвещённый мир. Мыслите позитивно! Позитивизм – это великое изобретение западного мира, того самого западного мира, который ждёт вас в свои объятия с победой.

Дальше этот Скотт-скот перешел к следующему вопросу своей лекции на реально убийственную тему.

– Разрушать объекты необходимо те, которые нужны прежде всего для гражданского населения, а лучше двойного предназначения. Из взрослого мужского населения уничтожению подлежат прежде всего медики и служители культа, такой поход вызовет наибольший резонанс.

Это была достаточно длинная лекция, и она оставила неизгладимый след в жизни Михаила.

Той же ночью он добрался до линии боевого соприкосновения. Ему стреляли в спину, травили дронами, но он всё просчитал заранее и знал, как преодолеть эти препятствия. У него не было страха за судьбу близких, оставшихся на Украине, – не осталось там никого. Переход через специальные каналы на российскую сторону был не спонтанным решением, а глубоко осознанным выбором.

В рядах российской армии к этому времени уже сформировано четыре полноценных подразделения из числа бывших солдат Вооружённых сил Украины (ВСУ). В батальонах имени Богдана Хмельницкого и имени Максима Кривоноса, в отрядах Мартына Пушкаря и Матросова успешно воюет более тысячи человек, которые считают себя русскими, потомками бойцов времен Великой Отечественной войны, и хотят получить российское гражданство. Их объединяет общее желание — свергнуть фашистскую власть в Киеве.

Вот и Михаил после тщательной многоуровневой проверки российскими силовыми структурами стремился только на фронт, на «ноль», и преуспел в этом. Это был хороший солдат: ходил на штурмы укреплений, зачистки позиций и захват пленных; с его природной и накачанной силой легко резал хохлов, был нечувствителен к холоду и голоду — в бою он был настоящим героем, нередко под шквальным огнем рисковал своей жизнью ради спасения раненых товарищей. Когда наладил дронводство, его трофеи стали исчисляться десятками объектов фашиков, как подвижных, так и стационарных. А его вклад в разработку беспилотников и программное обеспечение к ним был просто неоценим.

Андроник РОМАНОВ

Родился в 1967 году в Казахстане. Учился в Карагандинском и Казахском государственных университетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Работал на Первом канале, в телекомпании «Класс», возглавлял ряд коммерческих структур. Основатель и главный редактор с 2014 по 2019 год журнала «Литература». Основатель и главный редактор журнала «Атма», председатель оргкомитета международной литературной премии им. Юрия Левитанского.

Автор книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Нижний Новгород», «Дети Ра», «Сибирские огни» и других. Лауреат XV Международного Волошинского конкурса и других литературных конкурсов и премий. Стихи переведены на английский, французский, арабский языки.

Живет в Москве.

ДЕТИ СЕРЕБРЯНОЙ РЕКИ

Ему оставалось два дня. Об этом ты узнаешь утром. Кривоногий прапор, хлопая по карманам его лагерной робы, усмехнётся:

— А мог бы завтра того, ту-ту в свой Китай. Придурок!

Смотришь, зевая, на азиата со второго яруса шконки. Внизу громко тарыхтит носом дед. Костя и Давид спят. У них беруши. Только тебя разбудило это ночное переселение народов.

— Чё встал?! Заходи, — толкает китайца в спину из коридора продольный. — Чё вам, сука, не спится? Ломился бы днём!

Орудийным затвором захлопывается стальная дверь. Тут же за окном этажом ниже:

— Четыре два пять! Малой!

— Говори!

— Принимай!

И ползёт на витом шнурке, прижимаясь к стене, скудная арестантская почта — сигареты, малявы, глупарь. Вверх, в 425.

Ночника над дверью едва хватает, чтобы рассмотреть жёсткие свалывшиеся волосы, что-то типа усов под коротким приплюснутым носом и, когда он оглядывает тесную камеру, рассеянный взгляд с улыбкой — ни к месту, ни ко времени — на плоском подростковом лице. Как говорил один твой путешествующий приятель: «С азиатами никогда не поймёшь, сколько ему или ей лет. Там у них или девочка, или сразу старуха». Ты так не думаешь. Ты против таких обобщений, но, глядя на мешковатую робу, на непропорционально большую скрутку со свисающими из-под пластов новенького матраса краями одеяла и простыни, вспоминаешь именно это: «С азиатами никогда не поймёшь...» Китаец замечает тебя:

— Здоёв. Можно куда?

Ты вяло киваешь на свободную шконку в углу, отворачиваешься, натягиваешь простыню на голову, пытаешься заснуть. Сознание плывёт, зати-

хает, и становится слышен привычный фон: храп старика, гудение подъёмников, стук и жужжание перфораторов и шуруповёртов – напротив, через сквер, круглосуточно свинчивают, сваривают, штукатурят, обшивают гипсокартоном и стеклом двадцатипятиэтажный многоквартирный дом. Этажом ниже цинкуют: в трубах отопления – цокот тюремной морзянки. Снизу орут:

– Четыре два пять!

– Говори!

Да, ёж твою медь, мля! – бесишься ты. Поворачиваешься на левый бок. Китаец расстелился, но не лёг. Сидит на шконке, смотрит в пол. Неожиданно для себя спрашиваешь:

– Чаю хочешь?

Китаец, не поднимая головы, кивает:

– Душа.

Ты спрыгиваешь на прохладный линолеум, влезает в резиновые тапки и идёшь к «камазу» – грубо сваренному железному ящику с переборками, посаженному в угол на саморезы на уровне человеческого роста. Хлеб, сгуха, колбасная нарезка из вчерашней давидовской дачки: не съесть – пропадёт. Всё на длинный, привычный к полу стол.

– Ща сообразим тебе пожарть. Кругаль есть?

Китаец достаёт из лепня небольшой пластиковый стакан, ставит на край стола, сам садится поближе к нарезке. Голодный. Тянешь за шнур из «камаза» кипятильник, берёшь литровый контейнер из-под майонеза. Нацедил из крана воды, включил кипятильник в розетку.

– Как тебя звать? – поворачиваешься к китайцу.

– Хан.

«Наверное, всё-таки, Хань», – думаешь ты. Здесь с мягким знаком нельзя, сожрут. Закон джунглей.

Вода закипает быстро. Четыре пакетика «Липтон» из картонной коробки опускаешь в кипяток гроздьё. Они мокнули, горячая влага запирает воздух внутри, и ты аккуратно прижимаешь их алюминиевой ложкой к стенке контейнера.

– Просто чай, – киваешь ты на литряк. – Я не чифирю. Режь хлеб, делай бутерброды. Заточка здесь, – касаешься ты края столешницы.

Он молча ест. Запивает густым чаем на сгущённом молоке. Ты начинаешь вопросом:

– Что за беда? – в котором и «как ты сюда попал?», и «по какой статье?», и «почему в лагерной робе здесь, на СИЗО», и всё о его жизни, о чём он хочет или ему придётся рассказать.

– Стоодинасать, – длинное русское слово он проговаривает запинаясь, с набитым ртом; хлебные крошки сыплются на исцарапанную туповатой клинописью поверхность стола, на выдавленный в толстом слое масляной краски женский силуэт и недотёртую мыльной тряпкой воровскую звезду.

– Ука, топой, – Хань откладывает недоеденный бутерброд – ломоть хлеба из тюремной пекарни с толстым надкушенным куском вольного сервелата – показывает, как отсёк крайние фаланги пальцев. – Похой. Девушка обижать. Бить. Гандон сука, – мат у него без акцента, чувствуется практика.

– Откуда сам? – отпиваешь крохотный глоток крепкого чая; кофе он не заменит, но выбирать не приходится.

– Улаанбаатар. Монгол Улс.

– Ты монгол?

– Нет. Я – хань. Лудилса в Бэйцзин.

– Пекин? Родился в Пекине?

– Ши да. Учил в унивесити. Москва. Потом похो. Дзона. Два лет. Сяс касатка. Суд. Два лет менсе. Воля иди.

– Скостили срок по касатке?

– Да. Воля, – кивает китаец и снова берётся за бутерброд. – Ты?

– Два два восемь. По глупости. Продал аккаунт «ВКонтакте». Знаешь такую соцсеть?.. Вот. Год в СИЗО пока следствие. Дали три года. Жду законку. Говорят, здесь будут тестить какой-то новый режим. За участие скостят срок типа. Посмотрим. Если успею до этапа.

Хань кивает, но по виду – не понимает ни хрена, и ты пробуешь:

– Ду ю спик инглиш?

– Ес! – широко улыбается китаец и дальше, уже по-английски: – Немного лучше, чем русский. Ты наркоман?

– Нет, – мотаешь ты головой, сдерживая улыбку: вот и поговорили. – Менты мониторят переписку «ВКонтакте» и раскручивают дела. Меня подставили.

– Я понимаю. Я видел такие люди.

– На каком факультете ты учился?

– Во цзай... Я петь. Тенор.

– В университете?

– О, нет-нет. Московская консерватория. Мой русский есть очень плохо.

– Лондон есть столица Великобритании, – не выдерживаешь ты, улыбаясь.

– Да, – непонимающе хлопает ресницами Хань.

– Шутка. Как ты оказался в Москве?

Он рассказывает, ломая грамматику, сразу на трёх языках, ввинчивая китайские слова, больше похожие, как тебе кажется, на забавные фонетические упражнения.

Родители Кан Тао – это настоящее имя Ханя – работали в Дворцовом музее, бывшей резиденции императоров Минской и Цинской династий. Оба выпускники Пекинского университета. Отец – Лян Тао – историк, довольно молодой для четырёх серьёзных монографий по истории династии Цзинь. Мать...

Хань достает из нагрудного кармана маленькое, потрёпанное по краям фото:

– Чжэ ши во мама... * Май мамми. Та цзяо** ...

Её звали Ли. Она писала долгую, со множеством цитат диссертацию по лирике Синь Цицзи. Неизвестно, кто кого завёл в цзинские времена: историк филолога или филолог историка, но если они и спорили, то только о том, что было написано или сделано значительно позже.

– Весь ваш распиаренный «Распад»*** не стоит одного иероглифа истории А-кью****, – Хань помнит, как отец размахивал руками, то ли стараясь быть убедительней, то ли пытаясь взлететь.

В таких спорах между отцом и матерью – по сути, между Мао Дунем и Лу Синем – последний аргумент веселил обоих. Отец сгребал маленькую, притворно отбивающуюся от его больших рук мать и негромко говорил:

– «Ураган».

Этот пропагандистский панегирик Чжоу Либо, дальнего родственника Ли, они ненавидели оба.

* Это моя мама... (кит.)

** Её звали... (кит.)

*** Роман «Распад» известного китайского писателя Мао Дуня (1896–1981).

**** «Подлинная история А-кью» – повесть китайского писателя Лу Синя (1881–1936).

– «Ураган»?! – темнели карие глаза Ли.

В 2004-м – Кану как раз исполнилось шесть – строительство новой гидроэлектростанции в одной из провинций спровоцировало массовые протесты. Местные чиновники собирались переселить десятки тысяч семей, чтобы на месте полей, деревень и пастбищ устроить водохранилище. Протестующие устроили сидячую демонстрацию на стройплощадке. Из Пекина приехали чиновники рангом повыше, разумеется, в сопровождении военных. Туда же, «на помощь протестующим», в компании бывших однокурсников собрался и Лянь Тао.

Накануне его отъезда – Хань очень хорошо помнит тот вечер – родители спорили и ругались. Отец долго говорил, убеждая больше себя, чем замолчавшую тень его прежней весёлой Ли. Что-то там о свободе...

– Мы свободны, – отвечала она ему. – У нас достаточно денег, любимая работа...

– Свободен только тот, кто ничего не боится и ни на что не надеется...

– Шагуа!* Подумай хотя бы о сыне!

Когда через несколько дней демонстранты покатали волной на административные здания, военные начали стрелять. Методично, по-человечески бессмысленно. Лян Тао был среди первых убитых.

Хань говорит: «Кто ненавидит то, что лишено милосердия, сам проявляет милосердие. Кто полон милосердия, обязательно обладает мужеством. Это Конфуций». Ты не понимаешь этот странный симбиоз ненависти и милосердия...

Потом мягко, со множеством извинений Ли попросили убраться с работы. Отобрали служебную – как вдруг оказалось – квартиру, они были вынуждены переехать из Пекина в Ляньчжоу, к тётке – бесцветной, медленной и глухой на правое ухо. Кан помнит, что когда она с кем-нибудь говорила, она слегка поворачивала голову и вытягивала шею, как черепаха.

Протекция помогла Ли устроиться в школу учительницей начальных классов – пришлось сделать пару унижительных звонков уже бывшим знакомым. После столичной квартиры комната, в которой теперь они жили, казалась Кану такой же тесной, как и пальто его семилетнего цзюфу**, шуплого школьника с испуганными глазами. Кан так и не научился называть его дядей. Для Ли – без мужа и любимой работы – маленькой и унылой была сама жизнь в Ляньчжоу. Она захотела уехать из Китая. Год добивалась разрешения, писала в разные международные организации, но только потеряла место в школе. Однажды – Хань говорит: «Кажется, это было в конце июля» – она ему сказала: «Мы скоро отсюда уедем».

Представь: летний вечер, лёгкий тёплый дождь, на перроне женщины в синем ситцевом платье со старым кожаным чемоданом. Рядом – маленький Кан.

– Дождь – это хорошо, – улыбается она ему.

Дальше – долгая дорога через полстраны в Урумчи, и потом автобусами до приграничного городка, названия которого Хань не помнит потому, что на автовокзале они сразу пересели в зелёную «ниву» к молчаливому монголу, который отвёз их далеко за город, в степь с неожиданной одинокой юртой и стреноженной белой кобылицей на холме.

На шум мотора из юрты выглянула маленькая старушка – длинный выгоревший когда-то пурпурный халат, седые волосы, заплетённые в тугую толстую косу. Увидев Ли, она вскинула руками, широко улыбнулась беззубым ртом:

* Дурак! (кит.)

** Дядя, брат матери (кит.).

– Хонгор минь!*

– Эмээ!** – Ли подошла, обняла её.

Пока Кан, устроившись на лоскутном стёганом одеяле, пил солоноватый кумыс из большой фарфоровой пиалы, покрытой изнутри несмываемой чайной патиной, Ли на улице о чём-то вполголоса договаривалась с мужчиной.

Ближе к ночи они засобирались. Ли переложила вещи из чемодана в брезентовый рюкзак. Белая кобылица у входа была уже под седлом, рядом с ней возбуждённо похрапывал высокий вороной жеребец. Мужчина помог Ли взобраться на лошадь, приподнял Кана – мать посадила его перед собой, – пошёл к жеребцу, вставил одну ногу в стремя, слегка подпрыгнув, перекинул другую через круп. Всё это время старуха молча, прикрыв рот ладонью, смотрела на них ровным, сухим взглядом, и только когда мужчина стегнул жеребца камчой – «Чу! Чу!» – что-то крикнула. Слов Кан не разобрал, но одной интонации хватило, чтобы сразу стало и грустно, и тревожно, и очевидно, что они с мамой уезжают куда-то очень далеко и сюда уже никогда не вернуться.

Кан помнит долгую ночную дорогу под безлунным небом с таким количеством звёзд, какого никогда не видел раньше, – голубых, белых, желтых, почти красных – в огромном множестве в пахнущей полыньёю шелестящей ленте Серебряной реки***, света которой хватало, чтобы видеть друг друга и различать тонкие линии холмов на горизонте. Через час пути Кан уже спал, обняв тёплую душную шею белой лошади. Ему снились большие хищные птицы, от которых он прятался под пыльным конским каштаном на заросшем седым веерником поле.

На той стороне у грунтовой дороги они расстались. Солнце едва оторвалось от вытертой до бурой основы обветренной плоскости. Издалека – две разномастные точки – темная и светлая – обозначившие на короткое время изгиб наезженной пыльной линии, разделились. Много позже Ли скажет Кану, что это был её двоюродный брат Басан.

Дальше – маленькими обморочными автобусами, провонявшими бензином, кашмой, вяленным мясом и человеческим потом – из аула в город, из города в другой город или аул, с пересадками на пыльных крохотных автостанциях – в Улаанбаатор.

Через год Ли вышла замуж за такого же, как и она, но более удачливого перебежчика. Доскональные знания литературы двух эпох Древнего Китая негодились. Ли решила посвятить себя воспитанию сына. Оказалось, у Кана идеальный слух, и для полноценного образования, со всеми льготами и бесплатными возможностями от государства одного вида на жительство и таланта недостаточно. Брак с директором школы, в которой Ли работала уборщицей, бывшим пекинцем Му Фу, эту проблему решил.

Новый муж был значительно старше, но в целом оказался человеком добрым, молодую жену любил и о Кане заботился, как о родном сыне.

Кан окончил музыкальную школу по классу хорового пения, участвовал в нескольких национальных конкурсах, на правах лауреата одного из них поехал в Москву, попал на вокальный мастер-класс Ильдара Ганеева, где широким свободным диапазоном – от тенора до контральто – заинтересовал маэстро настолько, что получил приглашение поступать в Московскую консерваторию, в которой Ганеев преподавал.

* Родная моя! (монг.)

** Бабушка! (монг.)

*** Название Млечного Пути в Китае.

Дорога домой тогда ему показалась особенно долгой, зал прилёта аэропорта Чингисхан – слишком уж маленьким и провинциальным после Шереметьева, а сам Улаанбаатор – по сравнению с пёстрой полифоничной Москвой – однообразным и монохромным городом одной октавы.

К печальной радости Ли, Кан рвался обратно – торопливо собирал документы, стоял в очереди в русское посольство – теперь всё сам, без её помощи. Складывалось как она хотела, и вроде бы хорошо, если бы не так быстро: вот она провожает его в аэропорт – скромного, нерешительного подростка, и вот он уже обнимает её, улыбаясь: «Я всё сделаю, мама, не волнуйтесь». Вылитый отец.

В консерваторию Кан поступил легко, но первые занятия обозначили сразу – школьных курсов английского и русского недостаточно. Пришлось искать репетитора и потом ездить через пол-Москвы в Текстильщики к интеллигентному старичку, бывшему сотруднику дипкорпуса, знавшему десятка два языков и потому периодически заплывавшему за границы русской или английской грамматики: «Спрягаем. Je parle. Tu parles. Il parle...»

На занятиях и в общаге стремительно разворачивалась новая жизнь – фонетически трудные имена, фантастически лёгкие отношения. Через полтора месяца Кан написал матери в Ватсап*: «У меня есть девушка». Ли тут же позвонила, выяснила: девушка – китаянка, зовут её Хун, ей восемнадцать, и она его очень любит. А через неделю, двадцать пятого октября...

Хань замолкает, опускает голову.

– Есть сигарета? – спрашивает он то ли у тебя, то ли у безголового силуэта на поверхности стола.

– Да, – кладёшь перед ним пачку «Явы» и спички; китаец закуривает.

– Мы с моей девушкой были у моего друга Абдалла из Палестины. В его комнате вечером...

В коридоре началась драка. Два залётных хмыря, проскочившие в общагу «знакомиться с флейтистками», напоролись на певчего гиганта Саврасова, по-сибирски прямого и бесцеремонного. Саврасов баса-нул «Какого хрена?!» и тут же привалился к стене, сбитый коротким хлестким хуком. В коридор подтянулся боевой авангард звёзд вокального факультета. Пошла жара. Среди первых – по давней семейной традиции – был Кан. Хун преданно кинулась за ним следом и тут же в завязавшемся экшнере попала под крепкий крюк в челюсть. А дальше... Дальше Хань плохо помнит. Ему рассказывали, что он куда-то убежал, вернулся с пожарным топором и домахался им до того, что отсёк одному из гастролёров крайние фаланги пальцев. Дальше – полиция, ИВС, СИЗО, полгода под следствием, слёзы матери по телефону, суд, два с половиной года общего режима, лагерь под Рязанью.

Через год отрядник передал Кану письмо от отчима, написанное по-английски. Отчим писал и раньше, но письма не пропускали – не было среди цензоров ФСИНа обученных иероглифическому письму и бусурманским языкам.

Когда Кана отправили в лагерь, через неделю – писал отчим – у матери случился инсульт. Он был на работе, а Ли почему-то не вызвала скорую. Вечером он нашёл её лежащей на диване с той старой фотографией...

– Там моя мама, я и папа в Бэйхай, – Хань затягивается сигаретой; голос спокойный и тихий.

* WhatsApp принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Ты замечаешь: все посторонние звуки кончились – храп деда, стройка за окном, только долгий выдох, смешанный с горечью сизого дыма.

– Через два года, – продолжает Хань...

Через два года Кану, теперь уже – после туповатой шуточки отрядника про монгольское иго – Хану, тюремный библиотекарь, видимо, из постатейной солидарности, написал касатку с просьбой о смягчении приговора. Судьям зачем-то понадобилось личное присутствие осуждённого, и Ханя привезли в Москву. Суд был недолгим – «просьбу удовлетворить» – сняли полгода – «освободить, депортировать». И теперь – поездом через всю Россию – дорога домой, который и не дом уже вовсе без матери.

– Надо поспать, – ты встаёшь из-за стола.

Хань кивает, сметает в ладонь крошки, идёт к раковине, моет кругаль. «Странно, – думаешь ты, – за два года не научился нормально говорить по-русски».

Хань стоит у окна. Над неровным городским горизонтом маркерная полоса рассвета.

– А как же твоя девушка? – спрашиваешь ты, забираясь на шконарь.

– Нашла другого.

– Понятно.

Ты залезаешь под жёсткое одеяло, накрываешься по привычке с головой и слышишь тихое, вполголоса – как будто поёт, что ли... И уже во сне – тревожном, с лязганьем замков, всадниками над чёрной монгольской степью и пресным лицом твоего адвоката в тесном аквариуме комнаты для служебных свиданий: «Передай китайцу, его мать жива» – видишь Ханя. Он стоит в камере под окном. Чёрные волосы его искрятся утренним солнцем. «Кан, – говоришь ты, – твоя мама жива, ты с ней скоро увидишься». Хань улыбается: «Я знаю». Там, во сне ты не боишься сказать это: «Пусть хотя бы у тебя...»

Просыпаешься от резкого толчка в плечо. Открываешь глаза. Напротив – помятое лицо деда:

– Чё это, – растерянно кивает он поверх твоей головы.

Ты поворачиваешься. Сначала кажется, Хань стоит спиной к стене с опущенной головой под окном, полном яркого летнего неба, но этот вертикальный штрих, белая полоска шнура от кипятильника, отрезок между сварной решёткой и его шеей... В замке громко поворачивается ключ. С воем «Подъём!» в камеру вваливается кривоногий прапор и упирается стекленеющим взглядом в стену:

– Ух ты ж, твою... Повесился, что ли? – и, выхватив из кармана рацию: – Двадцать первый седьмому! Ответь! В три два восемь жмур. Зови Саньча.

Прапор подходит к Ханю осторожно, будто боясь его разбудить, осмелев, хлопает его по карманам, заглядывает в лицо:

– А мог бы завтра того, ту-ту в свой Китай. Придурок! Мля-а-а, он ещё и обоссался! – и, повернувшись к тебе: – Где его вещи?

Под шконкой китайца – тощий целлофановый пакет. Прапор вытряхивает содержимое на запровленную кровать. Носки, одноразовый станок для бритья, ложка и тоненький сборник стихов Ли Бо в русском переводе.

Александр ПОНОМАРЕВ

Родился в 1970 году в Москве. Окончил Институт инженеров водного транспорта. Работает в страховании.

Публиковался в журналах: «Наш современник», «Нижний Новгород», «Сибирские огни», «Нева», «Бельские просторы», «Смена», в «Литературной газете» и других изданиях. Лауреат премии Союза писателей России «Щедрое слово» им. Салтыкова-Щедрина (2025), литературных конкурсов им. В.Г. Короленко (2024), «Медвяный звон» им. Шаповалова (2025), Финалист Литературной премии «Данко» (2025).

Живёт в Москве.

ЕДИНСТВЕННАЯ УЛИКА

В кафе на Сухаревской, куда любил наведываться трудившийся неподалеку Артур Семенов, подавали отменный чай. Возможно, даже самый лучший в городе. За чайные церемонии отвечал су-шеф, комичного вида обрусевший китаец без трех передних зубов, зато с заплетенной на макушке гламурной косичкой. Где-то к десяти утра в заведение, стилизованное под чайную первого Московского общества трезвости, начинал подтягиваться, чтобы побаловать себя отменным чайком, от пуэра до матчи, в сочетании с фисташками, соевым медом, курагой и лимонным желе, служилый народ из близлежащих офисов. Ближе к полудню стоявшие в три ряда столики уже были заняты, в основном, уважаемыми господами в строгих серых костюмах, с глубокомысленным видом устремившими взгляды в свои ноутбуки. Те же самые господа, но уже в протертых до дыр джинсах и заляпанных кетчупом футболках *Dreams come true*, широко отмечали здесь свои сделки, юбилеи и назначения. Но это уже вечером, часов эдак в шесть. Примерно в это время в помещении приглушался свет, с маленькой сцены в дальнем углу начинала звучать живая музыка (гитара и саксофон), а вместо утреннего чая и обеденного салата с курицей в ход шли разливное пиво (привет Обществу трезвости) с жареными креветками и божоле нуво со стейком. Цены кусались, но Артур как незаменимый руководитель отдела урегулирования убытков преуспевающей страховой компании «Доверие» позволить себе такое мотовство мог.

Неудивительно, что первым понедельничным утром после отпуска Артур уже сидел за столиком в любимом кафе и слушал доклад своего заместителя – а также институтского еще друга – Сергея Шипилова о том, что плохого случилось в «королевстве Артура» за период его, Артура, отсутствия. Перед коллегами стоял небольшой заварной чайник и тарелка с остатками яблочного штруделя. Артур слушал доклад вполуха, рассеянно косясь на плазму с третьим каналом, по которому передавали сводку утренних новостей.

– Пожар на московской складской базе, – монотонно бубнил Сергей, в унисон с телевизором. – Заминусовалась партия киндер сюрпризов от «Ферреро».

– Сгорели напрочь, хочешь сказать?
– Вообще ни разу. Даже не нагрелись. Огонь был, конечно, но далеко, в соседних секциях. Согласно заключению экспертов, имела место контаминация продуктами горения, просочившимися через приточную вентиляцию.

– Что там с потребительскими свойствами?
– Только если под пиво теперь, – хохотнул докладчик, потряхнув двойным подбородком.

Сергей был для своих тридцати по-мужицки обрюзгло грузноват, правда излишняя округлость черт его не портила, а, наоборот, добавляла лицу простоты и добродушия. Хотя сам он предпочел бы променять простоту на благородную элегантность и презентабельность. Чтоб как у Артура.

– Понятно. Полная гибель. Впрочем, страхового случая это или нет – тут еще бабушка надвое сказала. На застрахованной территории пожара ведь не было? Не было. Вот и я думаю... Ладно, давай дальше.

– Обрушение крыши на складе запчастей «Тойоты». Двое в реанимации.

– Бедолаги. Что из имущества наше? Здание, запчасти?

– И то и другое. Насчет ущерба зданию пока трудно что-то сказать, ждем. Как раз ведутся работы по расчистке завалов.

– А по запчастям?

– Тем более. Дефектовку и активирование начнут эдак через неделю, когда уйдет МЧС. Но полагаю, там полный пипец.

– Пипец – это сколько?

– Миллионов сорок где-то. Рублей, конечно.

Серега после выходных был не особенно разговорчив, так что Артура из него приходилось клещами вытягивать нужную информацию. Артур относился к этому снисходительно. Полгода назад у Сергея родился третий. Няню на выходные отпускали, возлагая ее рутинные обязанности на счастливого папашу. Иначе никак – ипотека, приходится экономить. А расходы, как известно, растут пропорционально количеству принесенных из роддома детей. В отличие от зарплаты.

– Пожалуй, закажу себе еще чайничек черного с бергамотом, – сказал Сергей, клонув носом. – Ты со мной?

– Чай? – недовольно поморщился Артур. – Кофе возьми.

– Вот у тебя вкусы изменились. Раньше дул чай литрами, а последнее время, смотрю, на кофе налегаешь. Столько кофе, дружище, потреблять вредно. Одно из двух: или мотор посадишь, или поджелудочную.

Надо же. Если б не наблюдательный подчиненный, Артур даже внимания бы не обратил на изменение вкусовых пристрастий. А ведь действительно, точно отрезало. Интересно и когда только эта метаморфоза с ним произошла?

Пока Сергей распоряжался насчет напитков, Артур до скрипа в извилинах пытался вспомнить, когда он последний раз пил чай.

«Неужели еще тогда... с ней?..»

Артур непроизвольно поежился. Если это так, то, значит, он уже месяц как перешел на кофе.

Впрочем, начался тот день обыкновенно. С чая.

Это была бодрящая утренняя чашка зеленого чая с жасмином, который, хорошо изучив вкусы своего шефа, поднесла ему на блюде с конфеткой в виде сердечка Людочка Соловьева – тайно (впрочем, так думала только она) влюбленная в Артура практикантка из отдела промышленных убытков. Дальше была традиционная понедельничная на-

хлобучка в кабинете директора по страхованию, потом подоспел чай с мелиссой от Людочки – призванный более-менее привести в порядок растрепанную нервную систему, – и встреча с инженерами. Устанавливали причины возгорания промышленного трансформатора на металлургическом комбинате.

Артур собрался уже идти на обед, когда раздался звонок. В динамиках грянуло что-то из Вагнера, затем музыка резко оборвалась.

– Из холдинга «Планета чая» входящий, – доложила дежурная секретарша, которой поступали все входящие в компанию звонки. – Вас, кажется. Соединять?

– Позже, всех позже. Обед.

– Там замдиректора...

Отфутболить замдиректора серьезного международного холдинга – грех. Обед может и подождать. Для непосвященных, звонок такой персоны в бизнесе похож на то, как если бы управляющему какой-нибудь захудалой районной управы лично бы набрал, к примеру, замминистра финансов. Даже расхаживая в начальниках, Артуру не слишком часто приходилось общаться со страхователями на столь высоком уровне. С «Планетой чая» все коммуникации и вовсе происходили письменно. Курьер доставлял согласованный договором пакет документов по убыткам (в основном это были пострадавшие грузы, всякий чайный импорт), документы проверялись, и возмещение отправлялось на указанный расчетный счет. Все предельно просто, рутинный, отлаженный за годы практики механизм. Примечательно, что фактическим контрагентом страховщика являлась не собственно «Планета чая», а связанные, или как это принято говорить, аффилированные с ней микрокомпании, носящие вычурные англосаксонские названия: «Клиффорд», «Лестер» и тому подобное, хотя, если судить по их фактической роли в процессе, этим недолговечным компашкам больше подходило исконно русское наименование «Рога и копыта». Впрочем, никого это не смущало. Компании исправно платили страховую премию, а после предоставления документов по своим (формальным, конечно) грузовым убыткам, принимали полагающиеся им возмещения где-то на карибских оффшорных счетах. Обычное явление в крупном бизнесе, удобнее минимизировать «непроизводительные» затраты. Тем не менее все прекрасно понимали, что за всеми этими несерьезными одноразовыми конторами стоит огромный транснациональный холдинг.

– Ну что ж, переводы.

В динамиках опять раздался «Полет валькирий», который почти сразу же был прерван голосом. Приятным женским голосом с жесткими нотками человека, привыкшего повелевать. Разве встревоженным только. Самую малость. Артур попытался представить себе, как могла бы выглядеть обладательница чарующего сопрано. Эффектная, наверное, ухоженная, от кутюр.

– С кем я говорю? – спросила женщина, не удостоив Артура приветствия.

Артур поздоровался и представился по форме: ФИО, должность.

«Не баре, не сломаемся, – усмехнулся он, подавив желание положить трубку. – Не уподобляться же господам в их великодержавном шовинизме».

– Отлично, вы-то мне как раз и нужны. Только хочу предупредить, это не телефонный разговор. И да, меня зовут Маргарита Евгеньевна фон Дитц.

– Очень приятно.

«Ишь ты какая фря. Наверное, что-то действительно серьезное произошло, раз такая цаца снизошла до простого смертного да еще и на встречу позвала. Интересно».

– Что скажете?

– Хорошо, Маргарита Евгеньевна, подъезжайте к нам в офис в удобное время. Я подстрою под вас свой график. Впрочем, если необходимо, могу и сам подъехать куда надо.

В другой раз Артур не стал бы делать такие беспрецедентные реверансы в адрес сотрудника страхователя и подобрал бы время и место встречи, исходя из собственных предпочтений. Не ему же, в конце концов, надо. Только ведь тут не абы кто, а настоящая фон, понимаешь, Дитц. Ну и что самое главное, ему стало просто любопытно.

– Предлагаю пересечься на нейтральной территории, – сказала Дитц. – Прямо сейчас. Лучше где-нибудь в ваших краях, если у вас есть на примете приличное заведение.

«Вот, значит, как. А разговор-то предстоит совсем деликатный. С чего бы вдруг?»

Артур, естественно, решил пригласить ее в свое любимое кафе на Сухаревской, где подавался не только лучший чай в Москве, но и вполне себе удобоваримый бизнес-ланч. От офиса пять минут пешком, а ему все равно обедать.

Договорились встретиться через час.

Артур, прибыв чуть раньше, на правах, или скорее на обязанностях, принимающей стороны занял удобный столик для двоих у кадки с рододендромом.

Когда она появилась в дверном проеме – а Артур сразу понял, что это именно она, – в полумраке помещения стало как будто светлее, а через прокуренный насквозь воздух проступили ароматы амбры. В зал вошла женщина, впрочем, нет, лучше вот так – Женщина – изящная, стремительная, эффектная. Маргарита Евгеньевна была одета в деловой бежевый костюм, лента стягивала пышные русые волосы в изящный хвост. Лицо у нее оказалось не столь броское, как себе рисовал Артур, но правильные черты его были исполнены благородства – стоит взглянуть, и уже не забудешь.

«На вид лет тридцать пять – тридцать семь», – заинтересовано отметил про себя Артур.

Старше, чем он сам, – но разве это проблема?

Привлекая к себе внимание, Артур приветственно помахал рукой. Маргарита Евгеньевна ответила, также подняв руку. На безымянном пальце блеснуло кольцо. Значит, замужем. Проблема. А вот Артур, не смотря на свои тридцать два, холост. Может, именно потому и холост, что до сих пор не встретил ее?

Маргарита Евгеньевна смотрела с интересом, но без озорного любопытства, которое предпочел бы встретить Артур. Скорее, это был взгляд, с которым рачительные хозяйки выбирают в магазине утварь для дома, какой-нибудь фен или пылесос. Достаточно ли Артур удобен в эксплуатации? Надежен ли? А что по цене?

Через несколько минут они уже пили чай, заменивший им обед. Аппетита не было у обоих. Ничего не значащая беседа текла легко и непринужденно, словно за столиком встретились хорошие знакомые. Артур, подперев подбородок кулаком, слушал речь Маргариты Евгеньевны о тонкостях чайного дела – от выращивания продукта до его фермента-

ции и фасовки. Слушал вполуха. В другой раз, наверное, он бы по-настоящему увлекся, но сейчас из пяти органов чувств для него основным являлось зрение. Артур украдкой наслаждался мимикой, плавными уверенными жестами собеседницы, тем, как она, смеясь, запрокидывала голову. А говорят еще, что любви с первого взгляда не бывает.

– А вы в курсе – спросила Маргарита, после очередного глотка из маленькой глиняной чашки, – что мы сейчас пьем наш чай? Из последней партии.

– Вы так легко можете по вкусу определить, ваша это продукция или нет? Поразительно. Да еще из какой партии. Вот где нашел приют настоящий профессионализм.

Маргарита Евгеньевна улыбнулась. Улыбка у нее, правда, получилась несколько вымученной, неестественной.

– Хотелось бы вас удивить, конечно. Но на самом деле все гораздо проще. Мы эксклюзивные поставщики этого заведения. Хотя насчет профессионализма отрицать не буду.

– А мы, в свою очередь, страхуем их от пожара. Как тесен мир, особенно в апреле.

Артур, судя по весеннему дождю, морозящему за окном, довольно уместно процитировал строку из песни Малежика «Мадам». Интересно, зачем же они тут все-таки собрались? Ведь не о чае беседовать она его позвала.

Довольно скоро его любопытство было удовлетворено. Даже более чем.

– Я могу... вам доверять, Артур Владимирович? – вкрадчиво спросила Маргарита Евгеньевна, приблизив к Артуру свое ставшее вдруг серьезным и озабоченным лицо. Обеденное время давно закончилось, а к сути дела разговор все не подходил.

– Вы уже доверяете нам свои финансовые интересы. Не так ли? – на всякий случай уклончиво ответил Артур, не представляя себе, о чем может пойти речь.

– В данном случае речь идет исключительно о вас лично. К тому же и интересы будут посерьезнее. Так я могу вам доверять, Артур?

Маргарита Евгеньевна впиалась глазами в раздумывавшееся лицо Артура, будто пыталась найти в нем ответ на интересующий ее вопрос.

– С другой стороны, мне ничего иного и не остается, – продолжила она после паузы. – А дело, собственно, вот в чем. В отношении нашего торгового партнера, ООО «Лестер», на днях возбуждено уголовное дело по экономической статье. Это та организация, как вы знаете, от которой ваша страховая компания получает комплекты бумаг по убыткам. Сейчас следствие проводит выемки документов, в том числе и у контрагентов. Так что это и вас коснется.

«Так себе новость, – разочаровано пожал плечами Артур, – можно было бы и по телефону».

Поработав, наверное, с доброй половиной российского бизнеса, Артур давно уже научился не обращать внимания на такие мелочи. Уголовные и административные разбирательства в отношении клиентов страховых компаний происходили, происходят и будут происходить. Строго в правовом поле в России работать сложно, если возможно вообще. Обычная практика.

– Спасибо, что предупредили. Только нам скрывать нечего.

– Зато нам есть. Точнее им. То есть нам.

– Понимаю, – сочувственно покачал головой Артур. – А от меня-то что вам понадобилось, Маргарита Евгеньевна?

– Маргарита, можно просто Маргарита. Да сущий пустяк.

Она подвинула к Артуру тоненькую папочку, которую до сих пор не выпускала из рук.

– Это акты приемки чая на складе, которые «Лестер» в свое время направлял вам в обоснование убытков.

Артур быстро пролистал акты, наметанным глазом определяя их суть: «Недостача, подмочка, плесень, прошлый год, позапрошлый... Дела давно минувших дней».

– И к чему мне это, если точно такие же бумаги у нас уже есть?

– Не совсем.

– Что вы хотите этим сказать?

Маргарита замялась, осеклась. Блеснула зелеными глазами из-под челки, пристально рассматривая, изучая Артура. Стоит – не стоит? По-медлив, она, наконец, рискнула.

– Таможенная стоимость нашего чая, – сказала она, сделав глубокий выдох. – Как вы, наверное, догадываетесь, она в декларации несколько занижена. Вот так. Собственно, самим нам пока бояться нечего. Риски лежат на фирмах-контрагентах, которые являются получателями груза на таможне, на таких, как «Лестер». До «Планеты чая» груз доходит уже чистым от таможенных проблем, формально пройдя через договора купли-продажи с тем же «Лестером». Ну что я вам объясняю? Правда, в безопасности мы только пока. А точнее, до тех пор, пока следствию не удастся доказать, что под прикрытием «Лестера» работают те же сотрудники «Планеты чая». Понимаете?

Еще бы Артур не понимал. Обычное дело, снижение таможенных издержек путем изготовления дублирующих документов. На товар меньшей суммы, естественно. Штрафы как минимум, а в крупных объемах – УК. Но предъявлять обвинения, когда дело доходит (вот ведь какая тавтология) до дела, обычно бывает уже некому. Лишь только вскрываются злоупотребления, как фирмы-прикрытия, в чей адрес по бумагам идет из-за рубежа товар и которые соответственно подставляются под разбирательство, исчезают как дым. Для того, собственно, и нужны. Непонятно только, при чем тут новые акты.

– И-и...

– Короче, я прошу вас вложить эти документы в ваши папки со страховыми делами по чаю, а находящиеся там вернуть мне.

– Но, может быть, вы все-таки объясните в чем подвох?

Маргарита достала из сумочки пачку сигарет.

– Огонька не найдется?

Артур с готовностью щелкнул зажигалкой. Маргарита прикурила, глубоко затянулась, прикрыв чуть дрожащими веками глаза.

«Как красиво она курит», – подумалось не совсем кстати Артуру. Женщин, которые умеют курить настолько красиво, как Маргарита, он до этого видел только в кино. Если дама умеет курить красиво, то и все остальное ей дано делать красиво, артистично. Такая с кошачьей грацией садится в машину, элегантно пилит ногти, картинно надевает чулки и даже моет полы, наверное, тоже с особой эстетичностью. Впрочем, за мытьем полов Артур представить себе Маргариту, как ни старался, не смог.

«Интересно, а какая она... хм...»

– Единственное, что формально связывает те не совсем легитимные поставки «Лестера» с нами, – нехотя выдавила из себя Маргарита, тщательно подбирая слова, – это фамилии приемосдатчиков склада «Планета чая». В тех актах, что имеются у вас, они реальные, черт их

возьми. Другими словами, у вас в страховых делах настоящие фамилии и подписи наших работников. Как-то так...

Теперь Артуру стало понятно, ради чего Маргарита его позвала. Приемосдатчики, подписавшие акты от имени Лестера, – это живые реальные люди, и они числятся в штате «Планета чая». Они принимали на складе этот «уцененный» товар, отмечали его повреждения и недостатки, подписывали все собственноручно, после чего ставили на акт печать получателя груза – какого-нибудь камикадзе «Лестера», что у них всегда была под рукой. И эти акты с реальными фамилиями по чьей-то дурости ушли в страховую. Но кто ж тогда думал наперед, что дело обернется таким шухером? И теперь Маргарита боится, что через эти акты докажут причастность к махинациям «Лестера» не эфемерного алкоголика дяди Васи, на чей потерянный десять лет назад паспорт учредили этот самый «Лестер», а сотрудников самого холдинга. Привяжут их к поставкам, а там и до Маргариты Дитц недалеко. Чего уж тут неясного? Не бином Ньютона.

– Если я вас правильно понял, – стараясь выглядеть равнодушным, сказал Артур, – вы предлагаете мне изъять те акты, в которых фигурируют реальные фамилии ваших сотрудников из страховых дел и вложить на их места, точно такие же, но...

– ...С другими фамилиями. Видите, как все просто.

– Фамилиями под стать самому Лестеру: Герцог Бекингем, адмирал Нельсон и Карл XXII. Совершить подлог, проще говоря.

– Не такой уж это и подлог, просто небольшая коррекция. В остальных актах точь-в-точь.

– А если я скажу, что это все-таки незаконно и откажусь?

– Тогда у нас будут проблемы.

– У вас, – уточнил Артур, с интонацией Балбеса из «Операция «Ы»». – А вот если я соглашусь, то при оказии проблемы будут уже у нас. Только мне этого почему-то совсем не хочется. И потом, с какой такой стати я должен идти вам навстречу?

Произнеся эту жесткую, но по сути справедливую отповедь, Артур смутился и вспотел, словно его застали за чем-то непотребным. А ему еще пять минут назад так хотелось произвести приятное впечатление на Маргариту. Вместо же этого приходится труса праздновать. Последняя фраза, так вообще выглядит, словно вымогательство. Черт, черт, черт...

Не обидевшись, Маргарита вместо ответа подсела к Артуру ближе, настолько близко, что ему показалось, что он слышит биение ее сердца. В руке у Маргариты оказался телефон с фотографией двух очаровательных девочек лет семи-восьми, обнимающих за лохматую шею большую белую собаку на фоне указателя с надписью: «Роттах-Эгерн».

– Это мою дочери, вот Анна, а это Мари, – сказала она дрогнувшим голосом. – Возвращаемся домой с водной прогулки по Тегернзее.

– Милые какие девчушки. Возвращаетесь в гостиницу?

– Почему? В собственный дом.

– Не совсем понял.

– Он у нас неподалеку. Мы живем в Баварии.

– Вот оно как? Удивительно.

Артур с невесть откуда взявшейся нежностью посмотрел на девочек, так похожих на свою красивую мать.

Готовая вот-вот накалиться атмосфера за столом, словно по мановению волшебной палочки, начала принимать доброжелательный, если не близкий, интимный характер. Неожиданно для себя Артур понял,

что его уже взвесили, измерили и теперь упаковывают, словно плитку какого-нибудь черного чая. Ему бы сейчас по-хорошему восстановить дистанцию, а еще лучше и вовсе откланяться, но противиться чарам Маргариты (надо же, даже имя ведьмовское) у Артура не было моральных сил, впрочем, как и желания.

— Очень удивительно, — кокетливо улыбнулась Маргарита. — Хотя я сама русская, уроженка славного города Подольска, но фамилия у меня, как вам известно, фон Дитц, и она, скажу вам по секрету, досталась мне не от родителей.

— А от кого же, в таком случае? — недоумеваю, брякнул поплывший Артур, с лица которого, словно мартовский снег с крыши, сползала последняя солидность. Видел бы его Серега сейчас — щенок, глупый щенок, заигравшийся со своим хвостом.

Глядя на смущенное лицо Артура, осознавшего, что сморозил глупость, окрыленная Маргарита рассмеялась. На этот раз уже от души. Глаза ее блеснули озорным огнем, словно изумруд заиграл на солнце.

— Как это вам попроще объяснить? Я уже десять лет являюсь законной супругой господина Рихарда фон Дитц. Да-да, баронесса Маргарита фон Дитц к вашим услугам. Мой муж — совладелец и управляющий международной торговой сети, специализирующейся на так называемых колониальных товарах. Нам принадлежит почти треть всего европейского бизнеса кофе, чая и специй. В России у нас лишь небольшое отделение, торгующее чаем. Меньше пяти процентов от общего оборота.

— Тогда почему бы вам не собрать по-быстрому чемоданы и не рвануть домой к любимым детям, к мужу и к девяноста пяти процентам оборота? — удивился Артур.

— Если б все было так просто. С каким наслаждением я бы сейчас обняла моих бедных крошек. Но, увы, слишком поздно. Дело возбуждено. Для всех сотрудников введен временный запрет на трансграничные перемещения. Пока я прохожу формально, как свидетель, слава богу. И если мы с вами найдем общий язык, то им и останусь. У них по сути ведь на нас ничего нет. Единственная улика — эти ваши проклятые чертовы акты.

Стоило Маргарите вспомнить про акты, как ее лицо стало непроницаемо-надменным, а голос жестким, сухим. Но только на мгновение. Через секунду ее взгляд снова потеплел, а интонации смягчились.

— Смотрите-ка. А вот тут мы всей семьей.

Маргарита, полистав у себя в телефоне, показала Артуру еще одну фотографию.

На переднем плане очень выгодно была запечатлена сама Маргарита рядом с девочками, играющими в бадминтон. Маргарита стояла, опершись на ракетку и беззаботно смеялась. На ней были белая теннисная юбка, обнажившая по бедра красивые ровные загорелые ноги, ее бюст едва прикрывал короткий топ.

Чуть поодаль виднелся дом из обвитого плющом природного камня, не слишком большой, но очень уютный, исполненный в средневековом стиле, с башенкой над черепичной крышей и с гербом над просторным крыльцом. Усадьбу, очерченную невысокой изгородью из лавровишни, окружала красивая природа: остроконечные горы, наполовину спрятавшиеся за белесой дымкой, фрагмент озера, лазурным пятном сверкающего на солнце далеко внизу, хвоя, словно почетный караул вытянувшаяся на крутом склоне.

И что самое главное, солнечная безмятежная атмосфера любви и согласия. Повсеместно.

«А вот и глава семейства», – отметил про себя Артур, взглянув с некоторой ревностью, не ускользнувшей от внимания Маргариты, на высокого, немолодого, но подтянутого мужчину, сидящего в шезлонге. В руке – бутылка пива, в ногах развалился сенбернар. Артур долго рассматривал снимок. Он понимал, нутром чувствовал, что все происшедшее до сих пор, было увертюрой, а сейчас беседа плавно движется к кульминации. За которой неизбежно последует развязка.

– Красивый дом, – сказал Артур, чтобы только что-нибудь сказать.

– Хотите такой же?

Артур замялся, смутился, покраснел. Если быть честным, он хотел все, что было изображено на этой фотографии. И озеро, и дом, и таких же очаровательных дочек, даже сенбернара, а в первую очередь ослепительно красивую зеленоглазую Маргариту Дитц собственной персоной. Господина фон Дитца вот только не хотел. Категорически.

– Муж? – задал риторический вопрос Артур вместо ответа.

Маргарита тонким женским чутьем угадала его состояние и улыбнулась своей почти взятой партии.

– Муж, и он сейчас там, вместе с дочками, – сказала она, как бы невзначай, поправив безукоризненную прическу. – А вы Артур... вы здесь... со мной, и вы окажете мне большую, неоценимую любезность, если привезете те ужасные бумаги непосредственно ко мне домой. Но это надо сделать уже сегодня, ибо завтра может быть поздно. Отсюда совсем недалеко, проспект Мира, самое начало. Там в непринужденной приятной обстановке мы и обсудим, какие дома вам нравятся больше.

Артур молчал, не сводя замороженного взгляда с торжествующего, ослепительно белого лица Маргариты – яркая лампа за ее спиной создавала эффект софита, – чувствуя, как бастионы, которые он наспех строил в своей душе еще пять минут назад, рушатся один за другим.

Маргарита достала из сумочки ручку и написала на салфетке домашний адрес и код домофона. Потом, немного подумав, дописала чуть ниже фантастическую для Артура шестизначную цифру, поставив после нее символ, обозначающий евро. Едва коснувшись салфеткой губ – словно печать поставила, – она положила ее на стол перед Артуром.

Артур не сразу даже понял, что за пакет предложений стоит за таким смелым действием, а поняв, задрожал от нахлынувших эмоций.

«Даже покупает меня эффектно», – ошалело констатировал он, глядя на следы губной помады.

– Можно я... я подумаю?

– Тогда ровно в девять жду тебя, Артур, дома, – ласковым, но не терпящим возражений тоном распорядилась Маргарита. – Как раз в это время уходит горничная. Попрошу ее накрыть на две персоны. Ведь пообедать нам так и не удалось. Ты, кстати, какое вино предпочитаешь?

Всю дорогу до офиса Артура обуревали сомнения, и чем ближе он подходил к месту будущего «преступления», тем сомнения становились сильнее.

В случаях вроде того, что выпал ему, у нормальных людей принято советоваться. Чтобы дел не натворить. Артуру сейчас особенно нужна трезвая голова. С его-то наваждением. Хорошо, что такая имеется. С Серегой они бок о бок с незапамятных времен, братья, можно сказать. Команда. Столько рабочих мест на пару сменили. Более энергичный и деловой Артур всегда таскал Сергея за собой, тянул к лучшим условиям

и ни разу еще об этом не пожалел. Серега – соратник, профессионал, каких поискать, да и опыта в самых разных сферах ему не занимать.

Уже на крыльце Артур, достав телефон, высвистал своего зама покурить на улицу. И, задыхаясь от возбуждения, рассказал о разговоре с Маргаритой. О предложении, от которого очень трудно отказаться. Если вообще возможно.

– Ну и что думаешь? – спросил он Сергея. – А то я в сомнениях. Дело, сам понимаешь.

– Ну и что тут думать? Я бы помог. Это будет верно во всех смыслах: и стратегически, и по-человечески, и по-мужски. Особенно по-мужски. Ха-ха. Тем более не за спасибо все-таки. Да и не вижу особого риска. Поди разберись, что за документы нам представили сто лет назад. Поменять и забыть. Доказательств сговора никаких. Триста штук евро на дороге не валяются. Не будь дураком – делай, что просят, и бери, что дают. Ха-ха.

– Уверен?

– Как в том, что твоя зарплата больше моей в два раза, – снова хохотнул Сергей.

Артур откинул последние колебания. Красноречивое выступление друга укрепило его в принятии решения.

– Ты прав, дружище. Как всегда прав.

– Тебе это... может, помощь какая нужна?

Артур, подумав, решил не втягивать друга в лавстори с криминальным оттенком. Сам заварил, сам как-нибудь разберется.

– Не в этот раз.

– Конечно, зачем нам кузнец, – хрюкнул Сергей и понимающе подмигнул другу. – Ладно, завтра за чаем жду доклад о том, как прошла ночка, тьфу ты... деловая встреча.

Дождавшись, когда все отпущенные им сотрудники разойдутся, Артур, воровато оглядываясь, прошел в кабинет отдела урегулирования грузовых убытков. Электронные часы на стене показывали семь. Первый раз он был рад, что все ушли с работы вовремя, а не сидели как обычно, недовольно пыхтя и отдуваясь, вместе с ним до позднего вечера. Наметанным глазом выцепил на полке папку «Корона» с надписью: «Лестер». Раскрыл. О, да, тут убытков-то с десяток-другой, не больше. На пять минут работы.

Артур быстро поменял документы, изъятый компромат подшил в ту же папку, что дала ему Дитц. Понюхал и, учуяв тонкий запах амбры, провел с нежностью по шероховатой поверхности, словно саму Маргариту погладил по плечу.

– Здесь мой дом, благополучие и....

Артур поймал себя на мысли, что больше думает не о доме, а о Рите. Вот сейчас он к ней придет и возьмет ее, как те деньги, что она ему посулила. Мерзко. Она купила его, он купил ее. Дважды мерзко. А разве в жизни бывает по-другому? Все друг друга покупают по большому счету. Не обязательно за деньги, но все. Может быть, и престарелый Рихард фон Дитц ее в свое время купил. Даже как пить дать купил. Но все равно мерзко. Интересно, а чего Артур должен такого сделать, чтобы Рита посмотрела на него не так, как в кафе, а с настоящим женским интересом. Удивить? Отказаться от денег? Глупо. Она просто рассмеется ему в лицо. Да уж, ситуация. Ладно, будь что будет. До встречи еще два часа, можно и чайку заварить.

– Соловьева ушла. Все сам, все сам, – бурчал Артур, ковыряясь в шкафу с бакалеей. Дело сделано, теперь можно и посетовать, что со-трудники разбежались так рано.

Вместе с закипевшим чайником раздался звонок на стационарный телефон.

Внешний вызов, отметил про себя Артур, замерев в мучительном сомнении. Брать или не брать? Вот в чем вопрос. Рабочий день уже больше часа как прошел. Ладно, может, действительно что-то важное. Пожары не смотрят, понимаешь, сколько времени на часах.

– Артура Владимировича можно услышать?

Уставший мужской голос в трубке был официален, строг и учтив одновременно.

– Он самый.

– Вас из Управления экономической безопасности беспокоят. Подполковник Стрижак Валерий Антонович.

– Вот даже как. Чем обязан?

– Хотел предупредить, что завтра я к вам планирую подъехать – надо забрать документы, полученные вами от ООО «Лестер» в рамках урегулирования грузовых убытков. К двенадцати. Удобно? С ордером, естественно. Так что заранее приготовьте бумаги, чтоб время зря не терять.

Подполковник смущенно кашлянул в трубку.

– И да, теревить файлы и менять находящиеся в них бумаги на аналогичные не советуем.

– С чего вы взяли, что я их буду менять? – закашлялся в свою очередь Артур.

– Ну мало ли. Вдруг вам предложение поступит, от которого трудно будет отказаться. Или уже поменяли, Артур Владимирович? Я, конечно, понимаю, симпатичная дамочка в сложной ситуации. Наверное, жалость и все такое. Только учтите, ответственность за соучастие никто не отменял.

Артур замялся. Хорошо, что подполковник не видит, как набухли вены у него на висках и выступил пот. Черт, знает он что-то или берет на понт?

– А зачем вы мне об этом говорите?

– Да так, просто хорошо себе представляю, как оно в жизни бывает. Опыт, знаете ли, жизненный. Не вы у меня первый, не вы последний.

Артур молчал, ибо не знал, что следует говорить в таких случаях и следует ли что-то говорить вообще. Подполковник понял его замешательство правильно.

– Давайте поступим так. Я к вам сейчас подъеду в офис и все расскажу. Честно, как есть, расскажу. Вы не торопитесь? Мне с Житной до вас пятнадцать минут с мигалкой. А дальше, если вы еще не натворили дел, то сами примете решение. Я не буду вам мешать, да и не смогу, конечно. Просто выслушайте.

Подполковник приехал, наверное, минут через десять. Артур даже не успел допить свой чай. Заходить в офис Стрижак наотрез отказался, пригласив Артура в машину. Тот в свою очередь отрицательно помотал головой, не желая предоставлять противнику преимущество своего поля. Слишком уж серьезный разговор. Стал накрапывать мелкий весенний дождь, они укрылись под козырек поста охраны офисного центра. Какое-то время стояли молча. Подполковник, глядя в недружелюбное апрельское небо, затянутое серыми тучами, протянул Артуру пачку

«Мальборо», которую давно уже тискал в руке. Артур молча вытащил из нее сигарету. Закурили оба. Тоже молча.

– Вы, кажется, что-то хотели мне сказать? – не выдержав томительного молчания, спросил Артур, стараясь казаться как можно более безразличным.

– Я думал, что вам, Артур, будет интересно узнать, какое дело расследуется в отношении компании «Лестер» и иже с ним.

Артур пожал плечами.

– Наверное, что-нибудь о занижении таможенной стоимости. Такое у них через раз.

– Не угадали, молодой человек. Если бы все было так просто, я бы тут с вами не стоял под дождем. Всех подробностей я вам, конечно, не поведаю, но так, в общих чертах, просвещу. Для общего развития.

И он, глубоко затянувшись, рассказал о сумасшедшей схеме, от которой даже у выдавшего виды Артура округлились глаза. Рассказал, как контейнеры с чаем, поступавшие в Россию, заворачивались получателем «Лестер» обратно в Финляндию без приемки и растаможивания. Оформлялся возврат или переадресация. Причины указывались разные, от переуступки прав требования до отказа от сделки. В действительности же содержимое контейнеров исправно выгружалось на таможенном посту, и обратно они возвращались за таможенными пломбами абсолютно пустыми. Обнаружилось это обстоятельство случайно, на взвешивании. В схеме, понятно, была задействована уйма лиц, сами сотрудники таможни, таможенные брокеры, получатели. Преступный синдикат.

Подполковник прикурил третью сигарету.

– И сейчас мы видим, даже знаем, что за всем за этим стоит верхушка «Планеты чая», но для того, чтобы предъявить им обвинения, доказательств, увы, недостаточно. Понятно, что таможенные инспекторы, оформлявшие фиктивный возврат, под давлением улик уже признались и активно работают со следствием. Они получают свое. Но кто они такие? Мелкая сошка. Вчера были одни, завтра будут другие. Чтобы пресечь схему на корню, нам нужны заказчики, а они формально тут ни при чем. Таможенный брокер, который занимался оформлением возврата от имени получателя закрылся сразу же, как только началась проверка. «Лестер» – это вообще фикция, только печати и расчетные счета. Ни одного живого человека, зацепиться не за что. Директор таможенного брокера, который мог бы дать на «Планету чая» показания, за день до ареста фатально для себя перешел через дорогу по зебре – попал под машину. Странно, не правда ли? Его зам, который мог бы нас, в свою очередь, вывести на сотрудников «Планеты чая», как не сложно догадаться, тоже скончался. Сердечный приступ. Будем, наверное, проводить эксгумацию.

– Я-то здесь причем, – пожал плечами Артур, – проводите ради бога.

– Вам самому-то не страшно?

– А чего мне бояться? Я законопослушный гражданин, тружусь на благо Родины, исправно плачу налоги.

– Вижу, вы так ничего и не поняли. Те махинации, о которых я вам рассказал – это контрабанда в чистом виде. Надеюсь, вам не надо объяснять, что такое контрабанда? Подрыв экономической безопасности страны. В советские времена за подобное деяние полагалось наказание вплоть до высшей меры. Сейчас судят помягче, но все равно. В особо крупном размере, в составе организованной группы можно свободно хлопотать и 20 лет лишения свободы. Вы, наверное, не думаете, что

такая фактурная женщина, как госпожа фон Дитц, занималась всякой мелочевкой? За пять лет через таможенную границу РФ с ее легкой руки были беспошлинно перевезены тысячи тонн товара. А это, сами понимаете, десятки, если не сотни миллионов долларов. Вы отдаете себе отчет, куда лезете?

Артур вспомнил их с Маргаритой встречу. Как она уверенно держалась, улыбалась, кокетничала. Даже голос не дрогнул ни разу. Кто бы мог подумать, что дела у нее настолько серьезны, что столько на кону. Жизнь, можно сказать, на кону. Удивительная, сильная женщина.

– Не совсем понимаю, для чего вы это мне говорите?

– К тому, что если в актах приемки товара, что вы завтра мне передадите, будут фигурировать несуществующие в природе люди или фамилии каких-нибудь новопреставленных граждан, то сами понимаете... Если из окна раньше не выпадете. Ну да ладно, мне пора, а то еще рапорта до полуночи писать. До завтра.

Подполковник щелчком отправил окурок в урну и, не раскрывая зонтика, пошел к машине.

– Вы сначала докажите, что я что-то подменил, – неуверенно осклабился ему во след Артур. Сказал тихо, чтобы подполковник не услышал, одними губами.

Отойдя на десяток метров, подполковник, хлопнув себя по лбу, обернулся к застывшему с сигаретой в зубах Артуру.

– Ах да, чуть не забыл. Ваш разговор с фон Дитц писался. Я, конечно, не должен бы вам об этом говорить. Просто очень хочу, чтобы завтра, нет, даже сегодня до девяти – слышите, до девяти, – вы приняли правильное решение.

Сигарета выпала у Артура изо рта.

Артур проводил отрешенным взглядом машину подполковника до ворот и с трудом переставляя вдруг отяжелевшие ноги поднялся к себе в кабинет, где его ждала папка с изъятými актами и остывший зеленый чай. Там он с отвращением понюхал кружку, после чего содержимое отправилось под выдавший всякое фикус на подоконнике. Нашарив в столе бутылку подарочного виски, Артур наполнил кружку до краев и залпом выпил, орошая пересохшее и растрескавшееся, как пустыня Атакама, горло...

– ...Короче, все как обычно, пожары, обрушения, вертолет эмчээсовский еще в Раменском грохнулся, – донесся до него, как издалека, голос Сереги. – Кофе будешь пить? Остынет.

Артур пропустил половину доклада зама, но зато, наконец, точно вспомнил, когда он последний раз пил чай.

– Эй, ты где сейчас?

Сергей провел рукой пред лицом Артура, пощелкал пальцами:

– Ты вообще слышишь меня?

– Слышу, слышу.

– Ну так вот, – продолжил Серега свой доклад. – А еще, представляешь, одной гражданке ногу электрокаром отдало в Ашане. Перелом голеностопа. А эта бедолага, не будь дура, оценила ущерб от нетрудоспособности в миллион долларов. Обнаглела, за какую-то ступню. Коза.

– Многовато что-то за потерю трудоспособности, – безучастно сказал Артур. – Можно б еще понять, если бы балериной была.

– Ты будешь смеяться, но она действительно балерина...

По телевизору пустили сводку криминальных новостей. Симпатичная женщина в кителе с погонами полковника бодрым голосом комментировала видео.

– Погоди, Серег...

– ...В офисе холдинга «Планета чая» в настоящий момент проводятся следственные действия, – с застывшим безучастным, как у рыбы, выражением лица читала телетекст представитель ГУВД. – Уже задержана заместитель директора холдинга гражданка Германии Маргарита фон Дитц. В течение двадцати четырех часов ей будет предъявлено обвинение.

Артур не отрываясь смотрел на экран: двое в штатском усаживали, аккуратно держа под руки, изящную респектабельную женщину в машину с надписью «Следственный комитет» на борту.

В какой-то момент камера показала крупным планом сильно постаревшее лицо Маргариты фон Дитц со скорбно, до белизны сжатыми губами.

Артур вздрогнул. Ему показалось, что она смотрит прямо на него. Смотрит не с осуждением, а как-то обреченно, смиренно и понимающе.

Артур как замороженный вглядывался в это красивое, полное немого страдания лицо, словно пытаясь сохранить в памяти каждую его черточку, каждый штрих, понимая, что больше никогда его не увидит...

* * *

Начальнику Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ. От заместителя начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями подполковника Стрижака В. А.

Рапорт

...19 апреля 2011 года на горячую линию МВД поступил звонок от сотрудника страховой компании «Доверие» Сергея Шипилова. Информатор, проявив гражданскую сознательность, рассказал о предполагаемой встрече начальника отдела урегулирования убытков страховой компании «Доверие» Артура Семенова и подозреваемой по делу № 231-ЭП Маргариты фон Дитц с целью передачи последней компрометирующих документов (оригиналов актов приемки груза), хранившихся в страховой компании «Доверие». Встреча должна была состояться на квартире фон Дитц в 21.00 того же дня. Вместо того чтобы задержать Семенова с поличным в момент вручения им документов подозреваемой, мной было принято решение, предоставить потенциальному фигуранту уголовного дела шанс отказаться от намерения совершить преступление, с тем чтобы не ломать жизнь добропорядочному парню (изучил характеристику), случайным образом оказавшемуся замешанным в преступной схеме. Я отдавал себе отчет в авантюристичности и спорности своих действий, в особенности с учетом того обстоятельства, что, кроме тех актов, никаких прямых улик в отношении фон Дитц у нас на тот момент не было. Тем не менее я пошел на определенный риск и открыто предостерег Семенова от попытки передачи, либо уничтожения улик, заметив ему при личной встрече, что его разговор с Дитц, состоявшийся в момент их преступного сговора, прослушивался и записывался (чего в реальности места не имело). В итоге операция была проведена успешно, необходимые оригиналы документов были получены. Осознаю степень опасности, которой я своими непрофессиональными действиями подверг проводимое расследование, готов понести соответствующее наказание....

Дмитрий БИРМАН

Родился в 1961 году в Горьком. Окончил Горьковский инженерно-строительный институт, а также Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (экономический факультет). Работал инженером, затем занимался бизнесом. Неоднократно избирался депутатом Нижегородской городской думы, занимал пост заместителя главы Нижнего Новгорода.

Поэт, прозаик, автор шести книг, лауреат премии «Писатель XXI века», литературной премии имени Эрнеста Хемингуэя и других.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ПТИЧКИ ПЕВЧИЕ

Все произошло стремительно и как-то противоестественно для Даши. Четкая, понятная картина мира, в которой она прожила свои тридцать восемь лет, сначала стала расплывчатой, а потом вообще изменилась до неузнаваемости.

То есть, конечно, она понимала, что все это случилось с ней, Дарьей Дмитриевной Скворцовой, но когнитивный диссонанс, в котором она пребывала последние два месяца, создавал иллюзию фильма о ее жизни, от которого невозможно было оторваться.

Но, обо всем по порядку!

Они дружили со Светкой Дроздовой всю сознательную жизнь, с того самого момента, когда в детском садике Славик Морозов выхватил у неё совок и начал энергично копать в песке яму.

«Птички певчие», как потом стал их называть Славик, дружно навалились на обидчика, вернув совок и прихватив, в качестве трофея, серебряную обертку от шоколадки – Морозов хотел закопать ее в песок, чтобы получился клад.

Так сложилась их троица, в которой Светка была заводилой. В школе они попали в один класс, потом вместе поступили в университет, на экономический факультет.

После четвёртого курса, летом, они всей группой пошли в поход. Байдарки, палатки, приготовленная на костре еда. Вечером песни под гитару Славика, блики пламени, отражающиеся в его глазах, влюбленно смотрящих на Дашу и зажигающие в ее душе огонь ответного чувства.

Там, в палатке, под легкий шум струящейся ночной реки, она стала женщиной.

Славик был очень нежен и аккуратен. Ей казалось, что это не вспыльчивый и резкий Морозов, а Морозов другой, истинный, настоящий, который признаётся в своей вечной любви.

– Скворец, ты уверена? – Светка выпустила сигаретный дым через нос.

– Да! – ответила Даша.

– Ты же знаешь его! – напирала Дроздова. – Он же мгновенно с катушек слетает! Помнишь, как Макс тебя просто за руку взял, а Мороз сразу ему втер?

– Ну и сам получил в результате, – усмехнулась Даша, мечтательно глядя поверх головы подруги.

– Ну что за глупый Скворец! – пропела Светка, подражая Макаревичу.

– Мы слышали, как поют дрозды! – ответила Даша, слегка переиначив строчку известной песни. – Пойми, ты не знаешь, никто не знает, какой он на самом деле! Он любит меня и станет со мной другим!

– Дай-то бог! – тяжело вздохнула Дроздова и аккуратно опустила докуренную почти до фильтра сигарету в чашку с остатками кофе.

Проводив Дашу, она села на диван, ссутулилась, уткнулась лицом в ладони и некрасиво завывала, сотрясаясь всем телом.

Впервые она завидовала подруге, завидовала без злости, по-белому, жалея себя, непонятую и неоцененную.

Осенью Даша и Славик сыграли свадьбу, а летом, в тот день, когда они впервые были близки, родился Васенька.

Даша не могла надышаться на сыночка, посвятив ему всю себя, но умудрилась при этом получить красный диплом.

– Зачем тебе на работу? – Славик пытался говорить спокойно. – Я сейчас производство раскручу, вообще в шоколаде будем, – он сжал пальцы в кулак и стукнул себя по коленке.

– Слав, – Даша улыбалась, – я работать хочу, с людьми общаться! Я хочу зарабатывать на косметику, стрижку, маникюр, чтобы не просить у тебя деньги.

– А что такого у мужа денег попросить? – нахмурился Морозов. – Не чужие же! Уж как-нибудь прокормлю вас с Васяткой!

– И себя, – продолжала улыбаться Даша.

– Что себя?

– Не только нас прокормишь, себя тоже, – она обняла его и прошептала на ухо: – Я люблю тебя!

Через пятнадцать лет Дроздова отмечала свои тридцать восемь в банкетном зале ресторана «Модильяни».

Дата была не круглая, но Светку только что назначили управляющей филиала Бетта-банка, и она решила отметить все сразу.

Из их троицы она была то ли самой удачливой, то ли самой умной. После университета пошла работать в Бетта-банк. Не торопясь, разборчиво, выбрала будущего мужа. В тридцать родила Зою, в тридцать пять – Сою.

Каждый раз в декрете была не больше трёх месяцев, а любящий и всё понимающий муж обеспечивал надежный тыл в виде заботливой Гали из Белгорода, которая постоянно жила в гостевой комнате их дома, присматривая за детьми и помогая по хозяйству.

Дроздова бросила курить, три раза в неделю ходила в ВИП-зал модного фитнес-клуба и была частой гостьей телепередач.

Даша пришла с огромным букетом красных роз и подарила имениннице их детсадовское фото в красивой серебряной рамке. На фото серьезная Светка и хохочущая Даша тянули, каждая к себе, скорчившего рожу Славика.

Гости залюбовались подругами, когда те позировали фотографу.

Высокая, длинноногая, широкая в плечах и узкая в талии жгучая брюнетка с восточными чертами лица (ее бабушка была татаркой) Светка, а рядом миниатюрная Даша, с точеной фигуркой, вьющимися густыми волосами, большими зеленоватого оттенка глазами и правильными чертами лица, которые не портил чуть длинноватый нос.

Даша ушла от Морозова полгода назад, когда он вернулся домой в первом часу ночи, пьяный и пахнущий дамским парфюмом. Он начал кричать, что вынужден искать секс на стороне, потому что она его избегает и больше не любит, а потом замахнулся. Она молча пошла в гардеробную, быстро побросала в сумку одежду, сказала Васеньке, чтобы бежал в машину, и уехала.

– А я тебя предупреждала! – Светка усмехнулась и покачала головой. – Он в момент с катушек слетает, и не остановить!

– Причём тут это? – резко спросила Даша.

– При том! – рублено ответила Дроздова. – У Славика все должно быть как он хочет! Как ему нравится!

– У тебя не так? – сощурилась Сковцова.

– Так! – Светка снова усмехнулась, откинула со лба прядь волос и закурила. – Только так, как мне хочется.

– Супер! – Даша изобразила подобие улыбки. – Только тошновато, наверное, без любви?

– А что тебе дала твоя любовь? Ты вон даже фамилию не сменила! – раздраженно выкрикнула Светка.

Сковцова прожила с Морозовым душа в душу первые десять лет. Эти годы она была абсолютно счастлива. Память об этой радости любви поддерживала ее после развода.

А фамилию, действительно, она так и не сменила, хотела отдать долг папе, который ее вырастил.

Дашина мама закрутила роман с французом и уехала в далекий Льеж, где тот был совладельцем известной фабрики, выпускающей дизайнерскую посуду. Мама познакомилась с Тьерри в Париже, когда любовалась огнями Эйфелевой башни. Она просто попросила проходящего мимо мужчину сфотографировать ее на модный в те времена Canon.

Высокому, с копной кудрявых волос французу сразу приглянулась миниатюрная блондинка с зелеными глазами. Он улыбнулся, пощёлкал фотоаппаратом и на ломаном русском предложил очаровательной мадам чашечку кофе в ближайшем бистро.

Дело в том, что мать Тьерри была полькой и неплохо говорила на русском языке, которому, на всякий случай, учила и сына.

К чашке кофе добавилась рюмка кальвадоса – того самого, который пили герои «Триумфальной арки» Ремарка – любимого писателя Дашиной мамы.

Потом была ещё рюмка и ещё...

Лет до двадцати Даша часто думала о том, как бы сложилась ее жизнь, сумей папа поехать тогда в Париж. Накануне вечером его вызвали на работу – аварийная ситуация, сдача объекта под угрозой срыва.

Ещё она думала о том, как же ее любимая и любящая мама могла вдруг бросить все, оставшись навсегда во Франции.

Маленькое предприятие по производству медицинской мебели, усилиями Славика, превратилось в фабрику, продукция которой продавалась по всей стране.

Они переехали из двухкомнатной квартиры в загородный дом, путешествовали по миру и радовались жизни.

Два раза были в гостях у Дашиной мамы и Тьерри, которые жили в Париже, в самом престижном, шестнадцатом округе. Окна их роскошной квартиры выходили на Булонский лес.

Славик тогда сказал:

– Молодец тёща, вовремя сориентировалась!

– Да?! – вспыхнула Даша. – Ты тоже так смог бы?

– Мне зачем? – рассмеялся Славик. – Вот ты сейчас бросишь работу, и настанет у нас идиллия.

Идиллии не случилось. Даша продолжала работать заместителем директора страховой компании, мужественно выдерживая крики Славика по поводу того, что надо бросать работу, следить за большим домом и воспитывать сына.

– Дура ты, Скворец! – шептала Светка, обнимая подругу.

Они решили устроить девичник – пить просекко и петь караоке.

– Сидела бы дома, собой занималась, любовника бы завела!

– Заводят собачек и кошек.

– Ха! Ага! А ты любовника!

– Зачем? Я Славика люблю!

– Ха! А он тебя?

– Это ты к чему, Дроздова?

– Да пофиг, подруга! – Светка поцеловала Дашу в щеку и протянула очередной бокал с золотистыми пузырьками.

Вскоре случилась история с «Бентли».

– Мы едем в Москву на несколько дней, возьми отгулы или административный, – сказал Славик за ужином, наливая в Дашин бокал «Мальбек». Они любили сухое красное вино и часто за ужином выпивали по бокалу, а потом обсуждали его вкус.

– Ура! – обрадовалась Даша. – Сходим в театр и музеи.

– Не! – поморщился он. – Поедем «Бентли» покупать.

– Зачем? – она вскинула брови и удивленно посмотрела на него.

– Затем, что я так хочу! – резко ответил Славик, отодвигая от себя тарелку.

– Слава, милый, – Даша говорила тихо и спокойно, – конечно, если ты хочешь и есть возможность, то я не возражаю.

– А как ты вообще можешь возражать?! – взвился Морозов. – Я деньги зарабатываю, семью содержу, тебе подарки – то шуба, то часы, то ювелирка! Я что, разрешение у тебя должен спрашивать?!

– Нет, – ещё тише ответила Даша.

– Другая бы радовалась, что муж столько денег заработал – всем нос можно утереть и показать, какие мы крутые! А эта – зачем?!

– Другие? Эта? – почти шепотом переспросила она.

– Да! Другие! Кто ценит таких мужиков, как я! – он швырнул на пол бокал, мелкие осколки разлетелись по всей кухне, а остатки вина кляксой растеклись по плитке.

«Совсем не похоже на кровь», – подумала Даша.

– Я же сказала, хочешь – купи! Но я не поеду! – она резко встала из-за стола и вышла.

Славик уехал в Москву один и вернулся на «Бентли Континенталь», цвета нави, со светло-бежевым салоном.

Что-то изменилось в муже после этой покупки. Он стал чаще задерживаться на работе, уезжать на встречи с партнерами в другие города.

Очень скоро Даше стало казаться, что в постели появился кто-то третий.

Как-то, выпив и дурачась, Славик предложил Даше пригласить девушку, чтобы она присоединилась к их любовным играм.

– Не, – говорил он, – она только с тобой станет, а я буду смотреть! Ты заведёшься, я заведусь, представляешь, как классно!

– А почему ты думаешь, что я захочу с женщиной? – спросила Даша, краснея.

– Тебе же нравятся красивые и сексуальные женщины, – засмеялся он и звонко шлепнул ее по тугой попке.

Даша тогда восприняла это все как шутку или розыгрыш, но стала замечать, что он как-то по-другому ведет себя в постели. Славик начал настойчиво пытаться сделать то, чего она не принимала.

– Ты понимаешь, что если ты так не дашь, то кто-то сочтёт за радость? – вспыхнул он, не получив в очередной раз желаемого.

Вскоре, когда они ехали в гости к партнеру Славика по бизнесу, она выронила телефон.

– Вот ты вечно, а! – хохотнул он. Даша наклонилась и стала шарить рукой под сиденьем, пальцы наткнулись на предмет, который оказался сережкой из белого золота. Точно такие же муж подарил ей недавно на Восьмое марта.

– Это что?

– Сережка, не видишь, что ли?

– Чья?

– Не знаю! Может, финансового директора.

– А ты возишь финансового директора?

– В банк!

– У вас же машина с водителем есть!

– Ты что допрос мне устроила?! Что тебе опять не нравится?! Это же сережка, а не использованный презерватив!

Потом начались бесконечные СМС, которые вечером приходили Славику и на которые он сразу же отвечал. Как-то его позвал Васенька, телефон остался на столе, блямкнуло, и на экране высветился текст сообщения: «Я очень скучаю и хочу тебя!» Видимо, новоявленный Казанова не отключил в настройках экранные уведомления.

Она, взяв в руки телефон, молча показала текст вернувшемуся Славику.

– Ты что хватаешь мой телефон? Ты что туда лезешь? – взвился он и замахнулся на Дашу.

Неожиданно для себя и тем более для мужа она влепила пощечину, которая едва не сбила его с ног.

Список рассадки гостей на Светкином дне рождения был вывешен рядом с гардеробом. Стол номер два стоял рядом со столом именинницы,

а Дашиным соседом был импозантный мужчина в возрасте, который показался ей смутно знакомым.

– Павел Бармин! – кивнул он ей и улыбнулся

– Дарья Дмитриевна Скворцова! – сухо ответила она

– Очень приятно, Дашенька! – ещё шире улыбнулся Павел.

Даша на минутку замерла. Ей хотелось сказать, что никакая она ему не Дашенька, что если хочется пофлиртовать, то пусть идет в клуб «Кому за пятьдесят», что....

Серо-голубые глаза смотрели на нее иронично-доброжелательно и, неожиданно для себя, она тоже улыбнулась.

На Даше было чёрное коктейльное платье, оставлявшее открытыми плечи. Сверху оно, фактически, держалось на груди, а подол доходил до середины икры.

Через три года после рождения Васеньки она «сделала» грудь. Ей попался прекрасный пластический хирург, который не стал, как многие его коллеги, ставить имплантат через разрез под грудью или сосок, после чего остаётся видимый шрам, а завёл его через подмышку, и установил за мышцей.

Было страшно, больно, восстановление шло небыстро, зато потом Даша нарадоваться не могла на свою красивую грудь, скромного второго размера.

За те шесть месяцев, что прошли после ее ухода от Морозова, она похудела на шесть килограмм и платье приходилось периодически чуть подтягивать. Она пыталась делать это незаметно, но то и дело ловила на себе заинтересованный взгляд Павла.

Даша вспомнила, где его видела, когда Бармин вышел поздравлять именинницу, представленный ведущим как любимый клиент банка.

Она ещё тогда, несколько лет назад, обратила внимание, как красиво и одновременно просто он рассказывал в популярной телепередаче о предпринимателях и предпринимательстве. Его часто показывали по телевизору, печатали в журналах его интервью с портретом на развороте.

Потом был какой-то скандал, в результате он оказался ни при чем, но, видимо, как говорится, «осадок остался», и Павел исчез из медиапространства.

Даша подумала, что Бармин совсем не изменился, разве что прибавилось седины, которая, как известно, украшает мужчину.

Вскоре начались танцы, и Павел пригласил ее. Под «Отель Калифорния» «Иглз» он уверенно обнял Дашу, и та кожей почувствовала энергетику сильного, уверенного в себе мужчины. Причём, в ее случае, «почувствовала кожей» не было фразой в переносном смысле – по всему телу побежали мурашки, а соски стали твёрдыми.

Конечно, Даша танцевала с другими мужчинами, Славик не ревновал, но сейчас ей казалось, что Павел как-то по-особенному обнимает ее. Тепло его ладоней проходило сквозь тонкую материю платья и спускалось в низ живота. Она положила ему руки на плечи и не заметила, как обняла за шею. Закончилась песня, а они еще стояли, замерев на несколько секунд.

Павел предложил подвезти ее до дому, и она согласилась.

Ей понравилось, как он подавал шубу, поддерживал за локоть, когда они спускались по лестнице, открывал дверь и помогал сесть в машину, а когда подъехали, вышел и открыл дверь с ее стороны.

Он записал номер ее телефона, прощаясь поцеловал руку и не уезжал, пока не убедился, что она зашла в подъезд.

СМС от Павла пришло во время совещания у директора, Даша сначала не смогла его прочитать, а потом забыла. Только в конце рабочего дня она вспомнила о нем:

Дашенька, добрый день! Вообще, чудесное платье произвело на меня неизгладимое впечатление, и я хотел бы пригласить его на ужин, в удобные для него (платья) день и время)).

Она ответила:

Я сейчас ожидаю своей участи в химчистке, а вот моя хозяйка может составить Вам компанию завтра в 20:00.

Сразу же пришёл ответ от Павла:

Жаль. Я подумаю над этим предложением))

«Офигевший Казанова в возрасте дожития!» – пронеслось в голове Даши, и она, быстро перебирая пальчиками по экрану телефона, написала:

Хозяйка передумала. Ужинайте с другими платьями!

Павел прочитал сообщение и умолк.

Скворцова, победно усмехнувшись, стала собираться домой.

Следующий рабочий день был очень насыщенным. За час до его завершения телефон блямкнул:

Дашенька, сегодня в 20:00, все тот же «Модильяни».

Она покраснела от негодования и коротко ответила:

Нет!

Столик на мое имя)). – Она убрала телефон в сумочку и пошла делать себе американо.

«В конце концов, надо поставить на место этого Павлика и вкусно поужинать за его счёт!» – Скворцова улыбнулась своим мыслям и толкнула стеклянную дверь модного ресторана.

Восковая хостес, со словами: «Вас ожидают!», провела Дашу в центр зала, к столику у окна.

Первым, что она увидела, был букет бордовых роз на высоких стеблях, стоявший в вазе.

Улыбающийся Павел (Даша машинально отметила, что улыбка приятная), поздоровался, приобнял, коснулся губами щеки и, отодвинув стул, предложил ей присесть.

Он сразу начал говорить, и Даша подпала под обаяние его голоса. Ей стало легко и спокойно.

Приносили заказанную еду, в бокалах пенилось просекко, за соседними столами сменялись посетители.

Скворцовой казалось, что она уже сто лет знакома с этим обаятельным мужчиной, который был великолепным рассказчиком.

После ужина Павел отвёз ее домой, галантно поцеловал руку, чуть задержав в своей:

– Дашенька, вы извините за мою неудачную шутку про приглашение платья поужинать, и спасибо вам за чудесный вечер!

– Вам спасибо! – ее уже не раздражало «Дашенька» и почему-то не хотелось уходить.

Дома она обняла выбежавшего навстречу ей Васеньку и немного посидела в прихожей на пуфе, прежде чем разуться и вымыть руки, чуть пахнущие парфюмом Павла.

Потом она позвонила Дроздовой.

– Привет! Как ты?

– Все хорошо, Дашуль! Как ты, как Васенька?

– Свет, а что за человек Павел Бармин?

– Та-а-ак! Скворец попал в сети?

– Нет, конечно, просто спрашиваю!

– Подруга, ты давай аккуратнее! Он известный ловелас. Немолод, но чертовски обаятелен! – хохотнула Дроздова.

Даше послышалось в этом смехе что-то искусственное, ненастоящее.

– А у тебя, подруга, случайно, ничего с ним не было?

– Случайно ничего не бывает, – многозначительно ответила Светка.

– Значит, рекомендуешь? – хмыкнула Даша.

– Дарю! – отозвалась Дроздова. – Ты извини, мне детей пора укладывать.

Даша вздохнула, потом покрутила головой, провела ладонью по волосам и, дерзко посмотрев в глаза невидимому собеседнику, прошептала тягуче:

– Вперед, глупый Скворец!

Они сидели на веранде ресторана, который занимал первый этаж гостиницы, стоящей на недавно отремонтированной к юбилею города набережной.

Коротко стриженный, загоревший, подтянутый Павел в белой льняной рубашке навыпуск, светло-серых льняных брюках и белых мокасинов на босу ногу, выглядел моложе своих лет, и Даша невольно залюбовалась им.

– Всем бывшим привет! – рядом с их столиком стоял Славик и держал за руку юное создание модельной внешности.

Даша кивнула, а Павел усмехнулся:

– Привет!

Славик с девушкой присели за соседний столик и погрузились в изучение меню.

– Вы знакомы?

– Да. Строили один объект вместе, – снова усмехнулся Павел. – А вы?

– Так, немного, – Даша выдержала паузу, – это мой бывший муж.

– Забавно!

Они снова пили просекко, и она, опять попав под обаяние собеседника, живо реагировала на его слова, то задумывалась, то смеялась. Даша ловила боковым зрением взгляды Славика – это добавляло ей драйва и хорошего настроения.

– Даша, я хотел пригласить вас к себе, – серо-голубые глаза внимательно смотрели на неё.

– Куда?

– Можно ко мне домой, или поднимемся в гостиницу. Я забронировал люкс. На всякий случай.

Вот это «на всякий случай», которое точно должно было ее оттолкнуть, тогда почему-то стало ключевым.

Скворцова смотрела кино, в котором под удивленно-растерянным взглядом Славика она, взяв за руку Бармина, заходила в гостиницу, в лифте поднималась на последний этаж и там, в просторно-богатом люксе, снимала с себя одежду, аккуратно складывая на итальянское кресло, шла в душ, выходила в белом пушистом халате и ложилась на широкую (тоже, видимо, итальянскую) кровать с мыслью: «Ну, давай, старая гвардия, не подкачай!»

Старая гвардия не подкачала. Даша, у которой не было мужчины почти год, лежала на спине с закрытыми глазами:

– Ну, вы, Павел, вообще...

– Все для вас, Дашенька!

– Да? А вам не надо было?

– Очень надо! – усмехнулся Бармин.

Даша резко поднялась и пошла в душ, сопровождаемая его недоуменным взглядом.

Когда вышла, то сразу стала молча одеваться.

– Что-то не так?

– Мне не нравятся такие усмешечки! – не глядя на Павла, резко ответила Даша.

– Тогда не уходи! Я буду медленно и печально! – сказал Павел, вставая с кровати.

Когда Даша, вспыхнув, повернулась к нему, чтобы ответить, он обнял ее, крепко прижал к себе и прошептал:

– Ты очень хорошая, Даш, особенно когда сердишься.

Она как-то сразу обмякла, обняла его за шею и почувствовала себя в уютном коконе, который защитит от всех бед и напастей.

Неожиданно Сергей Перюдко – директор и собственник страховой компании, заместителем которого работала Даша, стал оказывать ей знаки внимания, выходящие за рамки рабочих отношений.

Все началось с того, что Павел прислал ей на работу очередной букет.

Каждую неделю курьер привозил ей роскошные букеты, которые она ставила в вазу на своем рабочем столе. У Даши давно был отдельный кабинет, и, учитывая, что в офисе она проводила намного больше времени, чем дома, то предпочитала, чтобы цветы радовали ее в течение рабочего дня.

Как-то Сергей зашел к ней, начав что-то говорить про спорный страховой случай и умолк, наткнувшись взглядом на букет.

– У вас день рождения? – он нахмурился.

– Нет! – улыбнулась Скворцова. – Один человек присылает мне букеты.

– Кто? – еще больше нахмурился Перюдко.

– Сергей Викторович! – перестала улыбаться Даша. – Это находится за рамками моего договора о найме!

– Кстати! – он неожиданно улыбнулся. – Я хочу предложить вам партнерские отношения и двадцать процентов в моей компании!

Пока Даша, застыв, стояла с открытым от удивления ртом, Сергей вышел, аккуратно прикрыв дверь.

– И что ты будешь делать с дедушкой Пашей? – прищурившись, Светка внимательно разглядывала Скворцову.

– В смысле?

– В смысле, какие перспективы? Тебе тридцать восемь, ему шестьдесят! У него внуку тринадцать, а у тебя Васятке пятнадцать! Занимательная, блин, арифметика!

– Мне с ним хорошо! – мечтательно улыбнулась Даша.

– Ага! А через десять лет ухаживать и судно выносить? – хохотнула Дроздова.

– Блин, я терпеть не могу эти хохотунчики твои!

– А сама-то, чего на него запрыгивала? У тебя же идеальная семья?

– Заскучала я, подруга, встряхнуться захотелось! А он мужчина харизматичный, умный и в постели еще ого-го!

– Славик тоже тебе в постели нравился? – усмешка застыла на губах Даши.

– Ну... – Светка выдохнула дым, закашлялась, положила вейп и внимательно посмотрела на Скворцову, – и давно ты знаешь?

– Когда сережку в его машине нашла, сначала думала на финансовую, а потом вспомнила, как ты сказала, что такие же купила, да только одну где-то потеряла!

– Даш, у нас было один раз! По дури моей! Прости!

– Не! Спасибо, подруга! Может быть, я бы этот хомут так и тащила, время теряла! А так – жить заново начала! – Даша потянулась с мечтательной улыбкой.

– Так найди нормального! – выкрикнула Светка.

– Уже!

Даша ехала домой и улыбалась. Сладкий август струился через опущенное стекло, делая воздух плотным, вкусным, наполненным запахами арбуза, дыни и ещё чего-то ароматного и манящего.

«Может быть, так пахнет любовь?» – подумала она и резко затормозила.

«Так! – продолжила она внутренний монолог, включив аварийку. – значит, я влюбилась в Бармина? В дядю, у которого внук ровесник моего сына?»

Она подняла глаза, внимательно посмотрела на своё отражение в зеркале заднего вида, подмигнула ему и рассмеялась.

Когда Дашу спрашивали про хобби, она отшучивалась, что любит вышивать крестиком. Просто не хотелось ей, чтобы ее ответ про любовь к поэзии вызывал ухмылку и умное покачивание головой. Тем более что вкус у Скворцовый был своеобразным. Ее любимыми поэтами были Высоцкий, Есенин, Бродский и Надсон. Причём именно в такой последовательности.

Собственно, тем, что Бармин любил и знал творчество Высоцкого, он и зацепил ее на первой встрече.

Еще у него был «Мерседес GLE-купе», черного цвета с белым салоном.

Она давно уже мечтала о таком. Именно черном, именно с белым салоном.

К сожалению, ее доходы совсем не успевали за бешено прыгнувшими ценами на европейские бренды машин.

Дашин начальник неожиданно активизировался.

– Тут у меня два билета на Таганку, премьеры «Гамлет», новое прочтение, интересный режиссёр...

– Настоящий Гамлет случился на Таганке пятьдесят четыре года назад, – перебила его Скворцова, – других не признаю!

– Новое прочтение же, пьеса по мотивам Шекспира, – продолжал мямлить Сергей.

– По мотивам? – усмехнулась Даша. – Не дожил Уильям до светлых дней, – она хотела продолжить, но вдруг замолчала.

Перед ней стоял высокий, статный сорокапятилетний мужчина, с модной прической «наголо», правильными чертами лица, волевым подбородком и выразительными карими глазами. Растерянный взгляд этих глаз остановил насмешливый поток Дашиных слов.

«А что! – пронеслось у неё в голове. – Неплохой экземпляр, плюс доля в бизнесе!»

– Значит, сходим, порадуемся за Шекспира! – неожиданно для себя ответила Скворцова и, повернувшись, пошла в свой кабинет.

Там, уставившись ничего не видящим взглядом в монитор компьютера, она думала о Павле, как с ним хорошо, и о том, надо ли ему сказать, что она идет с начальником в театр.

– Скворец, вот это – лотерейный билет! Не упусти свой шанс! – Светка сидела на Дашиной кухне, курила и пила эспрессо.

– Свет, хватит курить, Васятка из школы сейчас придёт! – Даша открыла форточку и замахала руками, выгоняя дым.

– Да ты с темы не съезжай, Дашуль! – Дроздова затушила сигарету. – Ну классно же – партнёрство и мужик приличный! Так сказать, секс и бабло в одном стакане! Ты, кстати, проверь его!

– В смысле?

– Попроси беспроцентный кредит на «мерс», ты же давно о нем мечтаешь. Чтобы на пять лет, например. А лучше, пусть подарит!

– Как это, Светка? Я даже его не люблю!

– А деду Пашу любишь?

Часто жизнь приподносит нам сюрпризы, когда мы совсем их не ждём. «Как Бог даст!» – часто говорим, не подозревая, как и, главное, что он даст.

Бывает, что случайная встреча делает жизнь счастливой, а иногда случайная связь разрушает счастливую жизнь.

Да что там встреча, связь!

Простое СМС может перевернуть мнение о человеке и разрушить представление о нем.

– Как ты, принцесса? – бархатный голос Павла окутывал Дашу магией тепла и покоя. – Я весь день думал о тебе... Мы завтра встретимся?

– Я тоже, – прошептала она в телефонную трубку и закрыла глаза. – Да.

– Я буду целовать тебя и ласкать, – бархатные нотки его баритона мурашками пробежали по ее телу и отозвались острым желанием.

– Да, – выдохнула она.

– Я хочу исполнять твои желания, – продолжал ворковать Бармин.
И тут Даша вдруг вспомнила слова Скворцовой.
– Милый, давно хотела тебе сказать, – она сделала паузу, не решаясь продолжить.
– Милая, я превратился в большое ухо, – улыбнулся Павел.
– Дело в том, что я давно мечтаю об автомобиле. Таком, как у тебя. Он мне часто снится. Я хотела попросить тебя одолжить мне на пять лет восемь миллионов рублей, – Скворцова выдохнула и зажмурилась. – Беспроцентно!
В разговоре повисла пауза...
– Дашуня, конечно! Без проблем! Завтра я тебе перезвоню!

Павел не перезвонил ни на следующий день, ни на второй, ни на третий.

А потом пришло сообщение.

Она, улыбаясь, приготовилась прочитать что-то, типа «Это было не просто, все деньги в бизнесе, но для тебя, конечно, я их нашёл! Безвозмездно!» и ещё волшебный рассказ о том, чем они будут заниматься в выходные.

Но...

Ее так влекло к Павлу, что ни разница в возрасте, ни рассказы о его мужской активности, ни усмешки ее лучшей подруги не смогли бы ее остановить, но...

Ох уж это «но»...

Почему оно появляется, когда все хорошо, когда кажется, что жизнь прекрасна и удивительна?

Разве нельзя обойтись без этого гадкого «но»?

Зачем оно, это «но»?

В аудиосообщении от Бармина, красивым литературным слогом была изложена его жизненная позиция, в которой духовная связь превалирует над всеми материальными потребностями. Он говорил о том, что без ума от Даши, вне зависимости от того, во что она одета и какая у неё машина. А дальше:

«Специально для тебя, милая, мое любимое стихотворение Надсона...»

И проникновенное прочтение текста, пожалуй, лучшего стихотворения Семена Яковлевича Надсона, которое она знала с детства.

Папа очень любил этого забытого нынче поэта, тиражи которого когда-то превышали издания Пушкина.

Даша зажмурилась, потрясла головой, но ничего не изменилось.

И тогда она стала смеяться, смех был неудержимым, громким, залившимся.

– Mamочка, ты чего? – заспанный Васенька с тревогой смотрел на неё.

– Ни-ни-чего! – еле выговорила Даша, уткнулась в подушку и накрылась с головой одеялом.

На утреннем совещании директор устроил презентацию нового проекта, который обещал вывести их компанию на новый уровень.

– Нам удалось стать участниками большой государственной программы, так что работы будет много! – победно завершил свою речь Сергей, пока сотрудники, с открытыми ртами, смотрели на последний

слайд с итоговыми цифрами. – Скворцова, задержитесь! Всем остальным – продуктивной недели!

Когда сотрудники, оживлено обсуждая космические перспективы, вышли из кабинета, Перюдко подошел к Даше:

– Дарья Дмитриевна, в свете вышесказанного, вы примите мое предложение о партнерстве?

После этого он церемонно встал на одно колено и поцеловал ее руку.

Губы были влажными, и у нее возникло желание поскорее смыть этот поцелуй.

– И прошу принять мой скромный подарок, – весь потный от волнения Перюдко махнул рукой в сторону окна.

Ошарашенная Даша подошла к окну. Во дворе стоял Мерседес GLE купе... красного цвета. На крыше новенького автомобиля красовался огромный красный бант.

«Кстати, можно будет поменять на черный», – пронеслось в голове у Скворцовой, когда она услышала свое:

– Да, Сергей Викторович, конечно!

Она бесцельно ехала по дороге, ведущей неизвестно куда. Низкое небо, тучи, которые цепляясь за кроны деревьев, караваном уходили в будущее, словно слайды презентации нового проекта их страховой компании.

Она затормозила, съехала на обочину, остановилась и вышла из машины.

Воздух бабьего лета был пьяняще свеж, и Даша вспомнила, как такой же осенью их дружная троица сидела на скамейке в парке, разложив на пакете недавно открывшегося супермаркета «Стар» почищенную воблу.

Они пили пиво из горлышка, ели сочащиеся жиром спинки волжского деликатеса и беззаботно смеялись.

Славик смотрел на нее влюбленными глазами, а Светка точно так же, как сейчас она, провожала взглядом плывущие в никуда облака.

Александр ОРЛОВ

Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 им. И.П. Павлова, Литературный институт им. А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Наш современник», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность». Автор сборников поэзии и прозы и книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси».

Лауреат всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки (2012), С.С. Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2019), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2020) и других, обладатель «Золотого Витязя», а также специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017).

Живет в Москве.

НЕ УСНУТЬ В БАТАЛЬОННОЙ САНЧАСТИ...

Любимая

Просто ты умела ждать...

Константин Симонов

Мы присели, обнявшись, на лавке.
Я так много сказать не успел...
Три минуты у нас до отправки,
Я вернусь, не попав под прицел,

Ты волнение скрываешь умело,
Будешь ждать, как умеешь лишь ты.
Это главное женское дело,
В нём секрет неземной простоты.

Ты опустишь задумчиво веки,
И кружочек пришлёшь мне в ВК.
Моё сердце от нежной опеки
На мгновенье заколет слегка.

В час печали молитвой одёрни,
Дай поверить, что мне повезёт.
Нам сыграет судьба на валторне,
Подарю тебе весь небосвод,

Когда ночью, приехав с Донбасса,
Напишу, что я дома, живой...
Твоего ожидаю приказа,
Словно спутник, пленённый звездой...

Гумконвой

*Его высокопреподобию
иеромонаху Августину (Пирогову)*

По дороге ни к чему горячка,
Едем из Москвы на передок.
Дома ждёт любимая соплячка,
Две недели не смертельный срок.

Гумконвой: дороги и обстрелы,
Краток сон, неприхотлив ночлег.
Трое нас, мы веселы и зрелы,
Впереди на фронт автозабег.

Радость встреч и братские объятья —
Будет всё, когда приедем в полк.
Только смерть здесь смотрит на распятье,
Словно одинокий старый волк.

Умный зверь, чья перебита стая,
Хочет отомстить, ведь он вожак;
Рыщет волк от ада и до рая,
И не изловить его никак.

Хищник снова вышел на охоту,
В этот раз, я думаю, что зря.
Мы сегодня покидаем роту —
Васнецовских три богатыря.

* * *

Протоиерею Евгению Rogozинскому

Много раз в эти тёмные степи
Я смотрел, не считая минут.
Размышлял о Борисе и Глебе,
О врагах, что внимательно ждут,

О любимых с надеждой и верой,
Что сюда проводили солдат,
О земле этой пепельно-серой
И об ангелах, что сторожат

Наши души. Хотя не скрываю,
Видел сам, и, бывало, не раз,
Грязных демонов чёрную стаю,
Что неслась и дышала на нас.

Дикий крик и горящие пасти
Не забуду, хоть хочется мне
Не уснуть в батальонной санчасти,
А воскреснуть в луганском огне.

Красно-белый

Ты будешь спать, а я уеду,
Не расцелованный никем...
Я привезу стране победу,
С тобой останусь насовсем.
Ну а пока ты спи, родная,
В дороге дальней я с тобой,
И в нашей схватке затяжной,
Твой сон с оружием охраняя,
Я снова в роте штурмовой.
Наступит ночь, и мы на дело
Пойдём, как было, и не раз,
Мне близость смерти надоела,
В неравный бой вступил спецназ.
Я буду жить, ты будь покойна,
Но если вдруг случится так,
Что ты не встретишь больше воина...
Люби Россию и... «Спартак»!
И знай, что я навеки рядом,
И с первым солнечным лучом
Стою у дома с автоматом.
Меня здесь помнят пацаном.

* * *

Иерею Дмитрию Трибушному

Пробьётся луч из темноты,
Заполнит солнце неба щели.
Мы в эту зиму уцелели
И, словно тощие кроты,
Потянемся на звон капли.

Вокруг – движение новых рас,
И время строит казематы,
И смерти крепкие обхваты
Знакомы нам не в первый раз –
Нас поджидает час расплаты.

Но, силы обретая в храме,
В объятьях многоликих свеч,
Мир предстаёт – широкоплеч!..
И слышно, как над всеми нами
Царит Желаящий сберечь.

Анна СЕНИЧЕВА

Родилась в 1986 году в Хабаровске. Окончила факультет международных отношений Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.

Автор книг «Бег от цунами», «Черничное небо», «Бумагия» и «Рыба-память». Лауреат I степени V межрегионального слёта молодых литераторов (2018) в направлении «Поэзия», Российского бард-фестиваля «Музыка сердец» в номинации «Автор стихов» (2017).

Живёт в Нижнем Новгороде,

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ БОГИ

Полынья

Нам бы идти по жизни — плечом к плечу,
брать высоту и собирать по нитке,
с дальних материков друзьям посылать открытки,
кроме свободы, я мало чего хочу.

Думать о смерти, даже когда горит
твой поцелуй и зацветают вишни,
«я тебя люб» —
лю, но слова излишни,
через влюблённых — Боженька говорит,

будь со мной рядом, пока за черту не вышли,
будь со мной родом.

Кроме кусочка бренного бытия,
что нам дано: лишь охнуть да оглядеться,
корочкой покрывается — полынья
недолюбившего сердца.

Сжать бы тебя до хруста и целовать,
помнить о не-возможности, не-возврате,
в небо моя запрокинута голова:

времени всё равно,
всё равно не хватит.

Состояние абсолютного непокоя

Посмотри, как крутится колесо:
состояние абсолютного непокоя,
засыпай на моих руках, и всё,

засыпай – и всё,
я тебя прикрою.

Там минируют аэропорты, метро, ТЦ,
наступают конём и ломают Трою,
миллиарды живут с бессонницей на лице,

засыпай, засыпай,
я тебя прикрою!

Наплевать, что про это писали все –
на открытках, в дешёвых сборниках
и на партах,
я кручусь на чёртовом колесе
и вчера, и надеюсь, что буду завтра,

и поэтому нужно тебе сказать,
объяснить, что есть на земле такое
состояние (господи, как мне его унять?)
состояние абсолютного покоя.

Засыпай,
мы можем не говорить,
делать вид, что любви нашей нет в помине,
только так нестерпимо внутри горит
пламя выживших в ядерной Хиросиме.

Я люблю смотреть на твоё лицо,
невозможно нежное и родное.
Спи, пусть крутится адово колесо,

я прикрою тебя,
прикрою тебя,
прикрою.

Провинциальные боги

Случайная станция, пять минут,
незнакомый город,
где люди живут, где дети их ходят в школу,
заборы латают, песком посыпают дороги,
обычные люди, провинциальные боги.

Торговые центры, проспекты героев, скверы,
и если огонь – то вечный,
а выстрел – верный,
сотрудница пункта выдачи спит в подсобке,
коробки товаров, коробки домов, коробки.

Пока не сгорело время, не сбились даты,
пока не вернулись выцветшие солдаты,

пока чернозём прилипает к советским берцам,
у незнакомого города бьётся сердце –

за тех, кто по белому снегу ушёл в столицы,
за тех, кто разносит суши, бигмаки, пиццы,
за тех, кто снимает видео для подкаста,
за вдовье сиротство и разбитное братство.

Застрявшие в лифте, в займе, в плену экрана,
послушник, закрывший на ночь все двери храма,
учительница, проверяющая тетрадки,
подросток, сквозь зубы кинувший «всёв порядке»,
налогоплательщики, неплательщики,
кто угодно –

богоподобны.

Взрослым

Убежавшее молоко, улетевший мячик,
поломалась машинка, кукла,
давай починим,
плачет девочка у плиты, у обрыва – мальчик,
да святится имя твоё,
да святится имя.

Через тысячи – «не хочу, но зачем-то буду»,
выбегая на красный свет, засыпая злыми,
предавали в себе огонь, золотого Будду,
да святится имя твоё,
да святится имя.

До разбитых коленок, до хрипоты и сажу –
ералаш, абордаж, бытовая драматургия,
воспитательница придёт и плохих накажет,
да святится имя твоё,
да святится имя.

Побежали кораблики, воины из картона
проиграли сражение и не пришли живыми,
взрослых нет, никого не осталось дома,
да забудется имя твоё,
да сотрётся имя.

На линии горизонта

А когда мы проснёмся, будет гореть закат,
облака – бесконечное белое-белое кружево,
из друг друга живыми
мы не возвратимся назад,
мы лежим –
обнажённые, опустевшие, безоружные.

Мы лежим, а за нами взрываются города,
наша линия жизни –
становится линией фронта,
между нами грохочут товарные поезда,
облака полыхают на линии горизонта.

Облака полыхают, небо стучит навзрыд,
самолёты задержаны, не принимает столица,
я смотрю на тебя, и солнце в тебе горит:
нам живыми из этой страсти –
не возвратиться.

Из неволи, из невозможности удержать
это страшное счастье –
вне времени и закона,
мне приснилось, что я могу тебя потерять
и трава, и трава, и трава
возле нашего дома.

Высоковольтное

Не говори,
не сокращай дистанцию,
пусть между нами мелькают вокзалы с лицами,
вывески магазинов и бубны с танцами,

только бы не касаться и длиться,
длиться бы.

Не подходи,
разметки, границы, линии
высоковольтного нашего напряжения,

там, где мы были, мы были,
однажды были мы,
память пространства с нашими отражениями.

Пыль на асфальте,
город в бреду неоновом,
только не исчезай, исчезай из доступа,

летними ливнями, розовым солнцем, золотом
будешь со мной, не будешь со мной,
не досыта.

Мы распадаемся искрами, эсэмэсками,
тянемся голосовыми и держим паузу,

я продолжаюсь смехом, стихами, текстами,
если читаешь, не отвечай,
пожалуйста.

Ирина ЦВЕТКОВА

Родилась в Херсоне. Окончила Херсонский индустриальный институт. Долгое время работала в Херсонской областной писательской организации. Автор 6 бумажных и 18 электронных книг. По мотивам романа «Жребий судьбы» снят 4-серийный художественный фильм. Живет в Нижнем Новгороде.

МОЯ МОЛИТВА ТОЛЬКО О ТЕБЕ...

Тем, кто погиб, оставшись верным присяге

Стая птиц белоснежных поднимется ввысь,
Наберёт высоту и уйдёт в облака.
Так и мальчики наши отправятся в жизнь,
Что из детства казалась им так далека.

Все уходят в полёт, но не все долетят,
Кто-то рухнет на землю с подбитым крылом.
Потеряв одного из своих лебедят,
Стая птиц закурькает грустно о нём.

Этой новой потерей пополнится счёт,
И тоскою и болью сожмутся сердца.
И мальчишка, взрослея, однажды поймёт,
Что он будет в полёт уходить без отца.

Одинокая волчица

Одинокая волчица
Прислонилась к валуну.
Отчего тебе не спится,
Молча смотришь на луну?

Может, жажда или голод
Не дают тебе уснуть?
А быть может, это холод
Заморозил волчий путь?

Переводишь дух порою,
Задохнувшись на бегу.
Не даёт тебе покоя
Боль в ободранном боку?

Иль грустишь о сером друге,
Обитателе лесов,
Что остался в чёрном круге
При охоте на волков?

Обессиленные лапы
Скоро вновь продолжают путь.
Пусть они разбиты, слабы,
Волчью тропку не забудь.

Отцу

*«Зная, как ты ждал этого ребёнка, я
тебя наказываю – ты никогда не увидишь
свою дочь».*

(Из письма моей матери моему отцу)

Когда смотрю на стаи облаков
И уходящих в небо птиц,
Как избавленья от оков,
Ищу тебя средь незнакомых лиц.

Не довелось с тобою нам, отец,
При жизни говорить начистоту.
Поговорим с тобою наконец
Теперь, когда ушёл ты за черту.

Мне было мало трёх заветных встреч,
Что выделила нам судьба.
А я ждала, хотела слышать речь,
Хотела, чтоб ты был со мной всегда.

Ты Расскажи, как в мае брал Берлин
И как поставил подпись на рейхстаг...
Ты для меня единственный, один,
А мне сказали, что ты враг.

Моя вина перед Вселенной в чём,
Что выпало нам порознь жить?
Мой приговор заверен сургучом,
Я ничего не в силах изменить.

Но мы же встретимся с тобою там,
Где ты находишься сейчас.
Приду к тебе и к белым облакам,
Лишь там есть территория для нас.

* * *

Полумёртвая, полуживая
В безнадёжности дней и ночей
Я бродила не в поисках рая,
Я устала всегда быть ничьей.

Я искала родные мне души,
Отозваться никто не хотел.
Тишину там никто не нарушил,
Мои руки никто не согрел.

И когда, обессилев от мрака,
Я ползла на границах миров,
Поняла беспощадность я знака,
Что принять меня мир не готов.

* * *

*О чём захочешь, можешь думать днём,
А ночью – только обо мне одном.*

Е. Евтушенко «Заклинание»

Я буду думать только о тебе
В крошечной тьме и мареве ночном.
В глухом лесу и в полуночной мгле
Я буду думать о тебе одном.

В предутреннем тумане, на заре,
В разливах рек и зареве огня,
С судьбой своею в роковой игре –
Всегда я буду вспоминать тебя.

И там, где лишь клубится пыль дорог,
И над обрывом на крутой скале,
И даже с болью в кровь разбитых ног
Моя молитва только о тебе.

Пусть на паркете танцевать одной,
Пусть падает вуаль с озябших плеч,
Всегда я буду думать под Луной,
Как для тебя огонь во тьме зажечь.

И на холодном полюсе Земли
Со мною в мыслях будешь только ты.
И я уйду по Млечному Пути
В Галактике искать твои следы.

Олег ЗАХАРОВ

Родился в 1961 году в селе Новоликееве Нижегородской области. Окончил Волго-Вятскую академию государственной службы. Учредитель и главный редактор издательского дома «Земляки».

Поэт, публицист. Автор книг «Кстохмы» (2006), «Нежданный гость» (2011), «Иронист.ру» (2016), «Есть повод!» (2016). Лауреат Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» 2007 и 2012 годов. Призер международного литературного конкурса «Жизнь прекрасна!» (г. Аахен, Германия). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси», литературной премии Нижегородской области им. А.М. Горького.

Живет в Кстове.

ТО МЫСЛЕЙ СБРОД, ТО СВОРА РАЗМЫШЛЕНИЙ...

Пародии

Виталий с Байкита

...Молоткастый, серпастый советский паспорт.

...Я достаю из широких штанин

Дубликатом бесценного груза.

Читайте, завидуйте, я – гражданин

Советского Союза.

Владимир Маяковский, «Стихи о советском паспорте»

Вам не кажется горьким:

Доставать из штанин,

Жить на самом пригорке

И не видеть равнин?..

Виталий Неизвестных, село Байкит, Эвенкия

Мне момент этот дорог:

Средь бескрайних равнин

Выхожу на пригорок.

Достаю из штанин.

В этом радостном виде,

Весь такой гражданин

Всем народам я виден

С этих самых равнин.

Просто маслом картина,

Как у всех на виду

Я засуну в штанины

Да с пригорка сойду.

И распишет элита,
Не жалея чернил:
«Вновь Виталий с Байкита
На пригорке чудил».

О кратких прилагательных

*Горизонт то грязн, то чист,
И в загрузке снова, снова:
«Ах, поэт и шахматист,
Голова твоя садова...»*

Виталий Неизвестных, село Байкит, Эвенкия

Наш язык и трудн, и сложен –
Просто правил частоколы.
Всё запомнить невозможен,
Это знаю я со школы.
Так зачем учить слова,
Знать про то и знать про это?
Лишь садова голова –
Всё, что нужно для поэта!

Светить наоборот

*Солнце светит прямо в уши,
Светит в нос, в глаза и в рот.
И, конечно, это лучше,
Чем когда наоборот.*

Наталья Арбатская, Красноярск

Пристают ко мне с вопросом:
«У тебя ведь неспроста
Льется свет из глаз, из носа,
Из ушей и изо рта?»

Фонарем свечу в чулане,
Ночником служу к тахте.
Освещаю путь в тумане
И мерцаю в темноте.

До утра горит оконце -
Свет-то льётся как-никак!
И поэзии я солнце,
И писателям – маяк!

Мне тоскливо раньше было,
А сейчас такой успех! –
Говорят, что я светило,
Красно солнышко для всех!

Ну, светило так светило!
Посвечу со всей душой,
Раз уж сдуру проглотила
Я фонарик небольшой.

Муромская строчь

*Нерожденного стиха бесстрочье
Обжигает холодом тоски...*

*...И в тиши согреет чью-то душу
Непокорно вышитая строчь.*

Марина Шагина, Муром, «Поэту»

Если вас замучило бесстрочье
И никак тоску не превозмочь,
На бумагу выплесните срочно
Непокорно вышитую строчь.

Чтоб тоска холодная утихла,
Запиши, душе не прекословь, –
Непослушно сделанные рифмы,
Несмиренно сложенную строфь.

Пусть они корявые при этом!
Ты, читатель, думаю, простишь.
Скажешь, вот так в Муроме поэты!
Что за чудо – муромская стишь!

Коварный рассудок

*То мыслей сброд тревожит мой рассудок,
То пусто, словно в небе голубом.*

Николай Майоров, альманах «Современные записки», 2025

В обычной жизни я, наверно, гений:
Ведь у меня не всё как у людей –
То мыслей сброд, то свора размышлений,
То сборище безумное идей.

В моем рассудке всё довольно чётко:
Он предоставил каждому приют –
Там помыслы устраивают сходку,
Тут думы тараканами снуют.

Таит в себе рассудок и угрозу,
С его я этой подлостью знаком:
Лишь стоит сесть за стих или за прозу,
Там пусто, словно в небе голубом...

Всего по чуть-чуть

*Из нас двоих никто не виноват –
Я то смею, то вдруг струшу.
И льется, льется сладкий яд
В чуть-чуть распахнутую душу.*

Владимир Реут, г. Реутов Московской обл.

Тебя увидев вполглазка,
Как ты легонько улыбалась,
Я душу распахнул...
Слегка.
Ты сердце приоткрыла...
Малость.

Едва-едва вздымалась грудь.
Почти не чуя дрожи в теле,
Я полюбил тебя...
Чуть-чуть,
Ты согласилась...
Еле-еле.

Теперь тот день от нас далёк,
Но нас не зря свела дорожка:
И я расслабился чуток,
И ты беременна немножко.

О множественном числе

*Я тоже радуюсь успехам
Скоропалительной весны
И поспешаю к новым вехам,
Забыв про отдыхи и сны...*

Александр Курлени, Петропавловск, Казахстан

Стихи пишу я без сомнений.
Мне своды правил не нужны.
Страхнул усталости и лени,
Забыл про отдыхи и сны.

Творю бессонными ночами.
Зачем мне нормы языка?
Расстался с грустями, тосками,
Хандрам сказал: «Пока-пока!»

Какое всё-таки блаженство
Писать, не чувствуя оков,
Ведь нет предела совершенству
Могучих русских языков!

Юрий БУЙДА

Родился в 1954 году в поселке Знаменск Калининградской области. Окончил Калининградский университет, работал в СМИ, пройдя путь от фотокорреспондента районной до заместителя главного редактора областной газеты. Работал в «Российской газете», «Независимой газете», в журналах «Новое время», «Знамя», обозревателем газеты «Известия».

Публиковался как прозаик в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и других. Его произведения переведены на немецкий, польский, финский, французский, японский языки. Лауреат премии «Большая книга» (2013, 2023) и других литературных конкурсов.

Живет в Москве.

ДЕВЯТЬ КИРГИЗСКИХ ЛАМПОЧЕК

– Как тебя зовут? – спросила женщина. – Ты кто?

– Азат, – ответил мужчина. – Никто.

– Водку пьешь, Никто? – Она налила в пластиковые стаканчики водку. – За знакомство.

Азат выпил залпом и снова склонился над тарелкой.

Он был высоким, сухощавым, белозубым и немногословным. Пошел во дворе к Лере, копавшейся в двигателе своего старенького «лендровера», и сказал: «Дай-ка». Через час машина снова была на ходу. Лера пригласила его к себе: «Перепачкался весь, прими душ». Когда он вышел из ванной, Лера прищурилась: у мужчины была красивая мускулатура, длинные крепкие ноги и мощная гладкая грудь. Лера предложила ему поужинать вареными макаронами и жареной колбасой.

– Человек не бывает никто, – сказала Лера, снова наливая в стаканчики. – Даже кошка и та – кошка.

– У тебя нет кошки, – сказал Азат.

На запах еды пришла дочь – толстоногая рослая девушка лет шестнадцати-семнадцати, с крашеными черными волосами, все лицо в пирсинге – губы, нос, брови, на шее татуировка, на руках браслеты, все пальцы унизаны кольцами. На ней была короткая черная майка с пауком и шорты, обтягивавшие крепкие ягодицы.

– А это моя Оливия, – сказала Лера.

– Никакая я не Оливия, – сказала девушка. – Что ты все врешь и врешь, а?

– Оливия, – повторила Лера. – Не любит своего имени. А ее отцу нравилось...

– Ну что ты врешь, а? – Девушка вся передернулась. – Никакого отца у меня не было. Не было. Никогда не было. Я из плесени завелась, как моль завелась.

– Трудный возраст, – сказала Лера. – Стихи пишет...

Оливия плюнула в тарелку, грохнула стулом и вышла.

– Непочатая девушка – нет ничего хуже, – сказала Лера. – А у тебя дети есть, Азат?

– Нет. Были, теперь нет.

– Врешь, конечно. Все вы врете. В Киргизии у тебя жена, дети, а в Москве ты холостяк. Все вы такие, черные.

Азат промолчал.

– Оливия – красивое же имя, – сказала Лера. – А ей не нравится. Ей ничего не нравится. Я все ради нее делаю, а ей – не нравится. Злая как змея.

– Змеи не злые, – сказал Азат. – Они змеи.

Лера вздохнула.

– Ляжешь здесь, в кухне. Завтра-послезавтра освободится мужское место – займешь, а пока – в кухне. Помоги-ка.

Пока она мыла посуду, Азат разобрал кухонный стол и расстелил на полу матрац. Лера принесла одеяло, простыню, выключила свет и заперлась в ванной.

Азат не спал, когда она вернулась и легла рядом, горячая, влажная и пахучая.

– А ты ничего, – прошептала она. – Что значит – Азат? Валерия – это значит сильная, здоровая, я такая и есть, а Азат – что значит?

– Просто Азат, – сказал он, проводя рукой по ее животу. – Имена ничего не значат.

Сорокадвухлетняя Лера Ярошевская была крупной, рыхловатой и белокурой. Когда-то она работала в психоневрологическом диспансере, защитила диссертацию, вела семинары в мединституте и палату в институтской больнице, а когда наступили смутные времена, занялась лечением алкоголиков на дому. Выставила свой телефон в интернете, ей звонили, она приезжала по указанному адресу, выводила человека из запоя, получала гонорар.

Денег все равно не хватало, и она стала сдавать квартиру гастарбайтерам. Установила двухэтажные нары, на полу свалила матрацы. В одной комнате жили восемь женщин, в другой – мужчины. Все они были торговцами с Кандауровского рынка, расположенного неподалеку.

Лера ночевала в кухне на полу.

Третью комнату не трогала – там жила Оливия. Ради нее, ради их будущего Лера была готова терпеть неудобства, откладывая и откладывая деньги.

С жильцов она брала по-божески – пять тысяч с человека в месяц. Плюс те деньги, которые ей платили за выведение из запоя. В разных банках у нее были счета в рублях, долларах и евро. Мало-помалу суммы росли, мечта становилась все ближе: Лере хотелось отправить Оливию в Оксфорд и купить дом в Испании, неподалеку от Марбельи, дом с террасой, с которой она будет любоваться средиземноморскими закатами, потягивая риху.

А пока – пока приходилось терпеть. Терпеть эти запахи, утреннюю толчею в кухне, очередь в туалет и ванную, терпеть вечернюю толчею,

склоки подвыпивших жильцов, приставания мужчин. Иногда ей везло – среди постояльцев находился нормальный мужчина, который становился постоянным партнером хозяйки и следил за порядком в доме. Но рано или поздно эти мужчины не выдерживали – начинали приставать к Оливии, и Лере приходилось гнать партнера взашей. Она просила дочь пореже выходить из своей комнаты, одеваться не так вызывающе, но Оливия в ответ только презрительно фыркала. Она ненавидела мать, ненавидела всех этих вонючих торговков, всех этих липких мужчин. Ей хотелось другой жизни, какой угодно, лишь бы не такой, как эта.

Особенно люто она ненавидела тех мужчин, которых мать делала своими любовниками. Уже после первой ночи эти мужчины начинали вести себя как хозяева, покрикивать на жильцов, совать свой нос куда не надо и по-отечески покровительствовать Оливии, хотя она прекрасно понимала, чего на самом деле они от нее хотят.

Азат не был похож на прежних любовников матери: он не пил, не корчил из себя хозяина и почти не обращал внимания на Оливию. С нею он был вежлив, сух, деловит, как и с остальными, никогда не повышал голос, но всегда добивался своего. Люди слушались его чуть ли не с удовольствием. Азат говорил по-русски правильно, почти без акцента. Он умел чинить электропроводку, водопроводные краны, он отремонтировал ноутбук Леры и собрал из какого-то старья проигрыватель для виниловых дисков, о котором давно мечтала Оливия.

У Азата было высшее образование, в своей Киргизии он работал ветеринарным врачом. Это обрадовало Леру: ветеринар – все равно врач, который легко научится выводить алкоголиков из запоя. Они стали работать на пару. Вскоре Азат купил подержанную машину, теперь они могли выезжать по разным адресам, что увеличивало их общий доход вдвое. Вечером Азат сдавал выручку Лере.

После ужина Лера принимала душ, Азат раскладывал матрац на полу в кухне, а Оливия надевала наушники, чтобы не слышать стонов и всхлипов матери.

Оливия не верила Азату. Она ждала, когда же он сорвется. Но он не срывался. Что бы она ни вытворяла, он только смотрел на нее своими непроницаемыми черными глазами и молчал. По ночам, когда Лера спала, Оливия приходила в кухню. Она наливала воды из кувшина в кружку и поворачивалась к Азату, чтобы он мог рассмотреть ее голое тело, ее бедра и грудь. В ее пупке поблескивало колечко с камешком. Оливия презрительно улыбалась. Азат переворачивался на живот и натягивал одеяло на голову.

Лера чуяла неладное и как-то предупредила Азата: «В детстве она наблюдалась у психиатра: было подозрение на эпилепсию. Но тогда обошлось...»

Лера почувствовала недомогание, ее обследовали и уложили в больницу.

Тем же вечером Азат навестил ее.

– Надо же, – сказала Лера. – Родной дочери мать по хрену, а киргизу не по хрену.

– Тебя скоро выпишут, – сказал Азат. – Полечат и выпишут.

– Знаю. – Лера отвернулась к стене. – Это нервное. Я-то знаю. Надо управлять всем этим... этим ужасом... а я не умею... не научилась...

я врач-невролог, а не научилась... хлопну водки – вроде легче... характер такой... жизнь такая... а ты? Тоже водкой?

– Нет, – сказал Азат. – Лампочкой.

Лера повернулась к нему.

– Лампочкой, – повторил Азат. – Закроюсь в комнате, суну лампочку в носок – и молотком... или кулаком...

– Надо же. – Лера улыбнулась. – А зачем закрываться?

– Чтоб никто не видел.

– Надо же... а в Киргизии есть лампочки?

– Есть, – сказал Азат. – Когда мне совсем плохо, я бью лампочки. Бью и бью, пока стекло не превратится в порошок. Потом выбрасываю.

– Носков не жалко?

– Не жалко.

– И что?

– Ничего. Легче становится.

– И много лампочек разбил?

– Восемь.

– И все помнишь? Каждую?

Азат кивнул.

– Надо же... – Лера помолчала. – Ты там поосторожнее с Оливией, Азат. Она сейчас запросто может себя разбить... как лампочку... разобьет – не склеишь...

– Она взрослая...

– Нет, – сказала Лера. – Она пока никто. Прежде чем стать человеком, человек становится зверем... иногда... чаще, чем мы думаем, киргиз... Поэтому я и говорю: побереги ее. У меня никого нету, кроме нее. Ты не в счет, ты же понимаешь. Ты честный человек, должен понимать: ты не в счет. Твои киргизские лампочки в счет, а ты – нет. – Усмехнулась. – Про лампочки не соврал?

– Нет.

– Восемь киргизских лампочек... надо же... это не лампочки, Азат, а любовь...

– Это лампочки, Лера. Лампочки.

– Одна лампочка – это лампочка, а восемь – это любовь.

– У меня ничего не получится, Лера, – сказал Азат. – У меня была семья, она погибла, я не смог... у меня правая рука дрожит, когда я... я на том свете живу...

– Тот свет – тоже свет.

– Лера...

– Потом расскажешь. – Лера помолчала. – Поцелуй меня, Азат.

Он поцеловал ее и ушел, придерживая правую руку левой.

Врач сказал ему, что Лере осталось жить полтора-два месяца.

Домой он вернулся поздно, постояльцы уже спали на своих нарах и тюфяках.

Азат включил в кухне свет и увидел Оливию. Она разложила матрац, взбила подушки, легла под одеяло и закрыла глаза.

– Нет, – сказала Азат. – Иди к себе.

– Нет, – сказала Оливия, не открывая глаз. – Я буду спать здесь.

Азат выключил свет и лег в коридоре, подложив под голову ботинки.

На следующий день Оливия подралась с Николаем, рослым белокурым парнем. Николай утверждал, что Оливия предложила выпить,

а потом сама стала раздеваться, но когда парень попытался обнять ее, ударила его будильником по голове. Будильник разлетелся вдребезги, детали – все эти колесики и пружинки – рассыпались по полу, на лбу у Николая кровоточила рана. Оливия билась в истерике, кричала, что «этот хохол» хотел ее изнасиловать. Азат втолкнул Оливию в ее комнату, закрыл дверь и велел всем спать.

Оливия больше не приставала к Азату и вообще вела себя тихо. Правда, домой стала возвращаться поздно, очень поздно, и от нее пахло вином. Проходила в свою комнату, не глядя на Азата, и поворачивала ключ в замке.

Азат мотался по вызовам, ставил капельницы алкоголикам, вечером навещал Леру. Ей становилось все хуже. Она рассказывала Азату о доме в Марбелье, о террасе, с которой так хорошо любоваться средиземноморскими закатами, потягивая риоху, и всякий раз говорила: «Риоха – это красное вино. Риоха». И Азат кивал: «Риоха».

Утром, накануне выписки Леры из больницы, участковый инспектор полиции вызвал Азата во двор, молча проводил между гаражами к заброшенной фабрике, растолкал людей, раздвинул кусты и спросил:

– Ваша?

Оливия лежала на боку, босая, лицо ее было в чем-то черном.

– Где туфли? – спросил Азат. – Замшевые, с цепочкой.

– Не было, – сказал участковый. – Никакой цепочки не было.

Лера только вздохнула, когда узнала о смерти дочери. Сил у нее уже не было – похоронами занимался Азат.

Вернувшись с поминок, они сразу легли спать.

– Выключи свет, – сказала Лера. – Хочу в последний раз полежать голой с мужчиной, но не хочу, чтоб ты меня видел.

Азат выключил свет.

Лера выпила лекарство – Азат слышал, как булькала в ее горле вода, – и легла рядом.

– Ты обещал про лампочки, – сказала Лера. – Расскажи про лампочки.

Он стал рассказывать о своей первой лампочке, которую завернул в носок и разбил. Это случилось в тот день, когда погибли его родители, старшие сестры и дедушка. Соседи говорили, что их убили узбеки. Мы жили в Узгене, сказал Азат. Тогда там погибло много киргизов и узбеков. Азата не было дома – это его и спасло. И младшего брата Бахи тоже не было дома. Через несколько дней они вернулись в Узген, похоронили родных и уехали в Ош, к тетке. Азат поступил учиться на ветеринара, а Баха заканчивал школу. Жилось плохо, бедно. Баха познакомился с турками, они уговорили его принять ислам, после этого он уехал в Турцию, окончил исламский университет, женился на красавице Арзу. Но детей у них нет, и неизвестно, когда будут. Зимой молодые живут у родителей Арзу, а с весны до ноября работают аниматорами в Анталье. Развлекают отдыхающих – немцев и русских. Арзу танцует, а Баха – он на все руки мастер. Гимнастика, волейбол, футбол... даже уроки турецкого языка дает желающим... Платят мало, и деньги Баха и Арзу не тратят, откладывают. Спят в подвале, едят украдкой – в отеле им запрещено обедать на виду у отдыхающих. Хлеб, брынза, огурцы, чай – вот и весь рацион. В ноябре возвращаются к родителям Арзу, чтобы кое-как пережить зиму в Стамбуле, а весной – опять за дело, опять по отелям. Баха не хочет возвращаться в Киргизию, ему страшно. Азат окончил институт, женился на хорошей девушке, которая работала мед-

сестрой, у них родились две девочки. Азат хорошо зарабатывал: ветеринар на селе – важный человек. Они жили в Ферганской долине. Но два года назад узбеки и киргизы снова начали убивать друг друга. Они убили жену Азата и его дочерей. В живых остался только котенок. Только котенок остался в живых. Один котенок. Приблудный котенок выжил, а жена и дети – нет. Котенок. Серый котенок. Маленький котенок. Сердце Азата закрылось. Соседи говорили, что он должен отомстить убийцам-узбекам, но Азат не стал этого делать. Он похоронил семью, взял котенка и поехал в Ош. Тетка помогла устроиться шофером к одному важному человеку, но важного человека вскоре убили бандиты, и тогда Азат решил уехать насовсем. Он разбил восьмую лампочку и уехал в Россию, оставив котенка у тетки...

– Маленький, – сказал Азат. – Жалко его.

– Жалко, – сказала Лера. – Никого и ничего не осталось. Даже Бога. В церковь хожу, а что такое любовь – не знаю. Обними меня, Азат. Когда-то я думала: если обнять любимого крепко-крепко, он не умрет. А теперь у меня никого – ни дочери, ни любимого, только ты, только киргиз приблудный. Обними меня, Азат. Крепко-крепко.

Азат обнял ее.

– Крепче, – прошептала Лера. – Еще... еще...

Азат обнимал ее все крепче, пока она не затихла, а когда она затихла, он встал, вывернул из люстры лампочку, сунул ее в носок и прихлопнул толстой книгой.

– Девять, – сказал он шепотом.

Вернулся под одеяло, снова обнял Леру – ее обнищавшее тело было холодным – и впервые за два года заснул крепким сном. Он хотел, чтобы ему приснился котенок, и ему приснился котенок.

Осип ФУФАЧЕВ

Родился в 1985 году в Лесосибирске, Красноярский край. В 2001 году переехал в Нижний Новгород, учился в Нижегородском художественном училище и Нижегородском театральном училище. Работал грузчиком, строителем, археологом, преподавателем рисунка и живописи. Дипломированный фотохудожник, дизайнер.

Автор романа «Стекло» (под псевдонимом Осип Бес). Издатель и составитель сборника «Плохое время для героев» (2011), сборника «Души прекрасные порывы» (2017) и сборника прозы и поэзии «Мои лабиринты» (2021). Печатался в журналах «Нижний Новгород», «День и ночь», «Идель», «Невский проспект», «Перископ-Волга», в альманахе «Земляки» и других изданиях. Лауреат премии журнала «Нижний Новгород» (2022) в номинации «Проза». Первое место в номинации «Проза» на Слёте молодых литераторов в Большом Болдине и на Всероссийском форуме молодых писателей в Челябинске в 2024 году. Вошел в короткий список премии «Болдинская осень» в номинации «Проза» (2024).

Живет в Нижнем Новгороде.

МУРАВЕЙ

Почти кладу мотоцикл на асфальт, входя в поворот, но не сбавляю скорость.

Сейчас я разобьюсь.

Но нет, жалобно воя, мотоцикл выполняет задачу. Ему страшно, он не хочет умирать.

Большой неуклюжий жук шлепком врывается в визор, дрожит желто-зеленой кашицей, высыхает на ветру. Красивое, черное с переливами насекомое размазано по забралу мерзкой влажной кляксой. Не спас хитиновый покров.

Даже если мне в лоб попадет, скажем, птица – шлем выдержит. Если и меня размажет по дороге, мое лицо останется целым.

Хотя какая разница?

А темп нарастает, дорога шипит гадюкой. Пальцы на ручке газа онемели, а запястье затекло. Кровь, словно влагу, потоками воздуха выдувает из тела, остается только сухая, ломкая скорлупа.

Прислушиваюсь к себе, ловлю свои мысли, но тут же бросаю это занятие. Что за глупость себя слушать? Дослушался – хватит! Я загоняю здесь мотоцикл только затем, чтобы больше ни о чем не думать.

Я и не думаю. Я слежу высушенными глазами за дорогой, цепляюсь взглядом за ее поверхность, нахожу в ней уготованные для меня подлянки. В спину точно стальной прут вогнали, головы не повернуть. И бросается навстречу зной, и мчится навывлет сквозь перфорацию экипировки, сквозь кожу и внутренности, сквозь живую плоть внутрь грубого панциря.

Июнь обещали жарким, а на деле дожди размочили даже бетон, и он стал похож на мокрый пепел в заплеванной пепельнице. Разило от него

точно так же. Ковырни бетон пальцем, и останется под ногтем липкая вонючая субстанция, и непременно захочется бросить курить.

Ветер гнал с запада на восток серые армады туч, операция «Барбаросса» в небе развернулась значительно раньше положенного срока, и, взглянув на это безобразие двадцать второго июня, солнце, послав всех на хрен, в свой собственный праздник, вовсе отказалось показываться на глаза.

С первых дней июля положение сил изменилось. Я не вникал, почему так произошло. Быть может, парад планет привел к возникновению атмосферного фронта, который атмосферно возник, и на землю опустилась жара, и поползла по ней, горячо и лениво, подобно вулканической лаве.

Несмотря на скорость, кожаный панцирь экипировки готов лопнуть от температуры внутри и снаружи, истечь словно гноем, потом из вскрывшихся волдырей, и я выкручиваю ручку газа, стремясь сбросить с себя ядовитые щупальца солнечных лучей.

Мелькают справа и слева ржавые будки автобусных остановок, и поля, бесконечные запущенные поля простираются за ржавыми будками. Меж полей, замаскированные оазисами лесопосадок, встречаются грунтовые дороги и ручейками впадают в основное шоссе.

Машин почти нет, а те, что попадают, шарахаются от меня, как от чумного. Это меня устраивает: «Вот еще, обращать внимание на четырехколесных идиотов!» Муравей, так я ласково зову свой мотоцикл, уверенно режет густое марево колесами, словно упрямый жеребец рассекает грудью жаркие волны.

Марево, как желе, дрожит над асфальтом, над полями и остановками, искажает расстояние и очертание предметов, колыхнется лживо повсюду вокруг.

Ерзаю в седле, ищу удобное положение и немного откидываюсь назад, отыскав его. Капля пота стекает на бровь, дрожит на ней, угрожает скатиться в глаз. Система вентиляции шлема не справляется и, возможно, давно забита все тем же горячим желе. Хочется поднять забрало, смахнуть каплю ладонью и убрать, наконец, с визора налипшие останки жука.

Удара, который превратил меня и мотоцикл в единый комок костей и металла, я уже не увидел. Проснулся мгновением раньше. Я помнил лишь вылетевший с грунтовки наперерез синий потрепанный жигуленок, усатого колхозника за рулем, едкие капли пота на лице, а перед глазами на визоре мерзкую кляксу проклятого жука. Затем густое марево сна расползлось и растаяло, и я проснулся, таким же ребенком, каким засыпал. А из угла, высунув желтую морду, хитро глядел на меня круглым глазом-катафотом мой первый велосипед «Муравей».

* * *

Трехколесный «Муравей» был самым крутым велосипедом не только во дворе, но, возможно, во всем микрорайоне. Мне не исполнилось еще и трех лет, но я отлично это понимал. На фоне примитивных и уродливых «Малышей» сверстников «Муравей» выглядел произведением искусства. Покрытый желтым пластиком велосипед блестел на солнце. Украшенная по бокам красными глазами круглых катафотов пластмассовая морда-голова плавно перетекала в бугристый загрибок,

напоминавший бензобак. Голову велосипеда венчал длинный высокий руль, похожий на усы насекомого. Имелся даже кузов, в который умещались более мелкие игрушки.

Он никогда не скрипел, не дребезжал, а мягко катился по любым поверхностям, будь то пол нашей квартиры, гладкий асфальт или сырая после дождя земля, в которой махом тонули расхлябанные колеса раздолбанных «Малышей».

Сравнить «Муравья» с остальными советскими трехколесниками не представляется возможным. То же самое, что сравнивать кресло и табуретку. Я страшно гордился, когда, откинувшись на сиденье, ловил на себе восхищенные взгляды детворы.

Я повзрослел аж до полных четырех лет, и, хотя я отчаянно сопротивлялся, моего верного красноглазого друга отдали подрастающему у родительских приятелей карапузу.

Но мне опять повезло. В моей жизни появился «Мишутка», а вместе с ним само понятие – скорость. По всем показателям велосипед вновь превзошел железных коней всех моих друзей-мальчишек. Их аппараты, кроме как издевательством над детством, и назвать нельзя.

На «Мишутке» – о боги! – стояли широкие камерные колеса, не в пример конкурентам с монолитными резиновыми. Мягкое сиденье, в отличие от пластмассовых и жестких поджопников у сверстников, ручной тормоз, а самое главное – во втулке велосипеда прятались настоящие подшипники, отчего «Мишутка» мог катиться на холостом ходу. Другьям, чтобы двигаться, приходилось крутить педали постоянно.

Однажды солнечным весенним днем я, мой отец и «Мишутка», отец тащил велосипед подмышкой, вышли во двор. Двор нашей панельки не слишком подходил для детских игр, и мы отправились к дому по соседству, кирпичной пятиэтажке. Ее, как говорили жильцы нашего дома, строители спроектировали и возвели исключительно для себя, потому что она, и ее прилегающий двор выглядели значительно лучше.

Надо сказать, что «Мишутка», как и все велосипеды для детей от четырех до семи лет, оснащался двумя дополнительными колесиками, которые крепились к раме сзади для равновесия. Колеса до асфальта не доставали, и ездили маленькие велосипедисты, смешно переваливаясь с боку на бок. Разогнаться в таких условиях было невозможно.

Поставив «Мишутку» на асфальт, отец, к моему удивлению, дополнительные колеса открутил. Как он выразился, «за ненадобностью», – оставив мне только два основных. Затем, пододвинув велосипед к бордюру, скомандовал: «Полезай!»

Мой озадаченный вид ничуть не смутил отца. «Я буду держать тебя за спинку сиденья», – весело сообщил он, и я, воодушевленный его спокойствием, полез на своего «Мишутку». Оттолкнулся ногой от бордюра и поехал. Поехал и беспечно крутил педали, чуя надежную безопасность отцовской руки, пока не посмотрел назад, – отец стоял на прежнем месте и улыбался.

Я ехал сам. Задыхаясь от восторга, ехал на двух колесах, точно Эверест покорял.

Весна в Сибири тягучая, вялая, сонливая. Не весна даже, а хвост зимы какой-то, словно зима свой хвост в лужу окунула. Снег сырой и тяжелый, под снегом – вода, под водой – лед.

Но во двор строителей весна почему-то приходила чуточку раньше. Асфальт подсыхал, меж брюхатых влагой сугробов виднелись покрытые жухлой травой прогалины бурой, сладко пахнувшей земли, а с возвышенностей и бугорков, под лучами несмелого солнца, снег и вовсе сползал, и мелькала на них первая осторожная зелень.

Солнце бывало здесь чаще, заглянуло оно и сегодня, ограничив мой маршрут тенью от соседнего дома. Я мчался по двору с бешеной, как мне казалось, скоростью, открывая свой первый мотосезон.

Я единственный из сверстников научился ездить на двух колесах, и еще долго никому из них не удавалось освоить это умение.

Больше всех моим достижением гордилась почему-то мама, не упуская возможности поведать о нем подругам.

Но время шло, запросы росли, и приходилось выбирать технику мощнее.

Помню чарующий аромат свежей смазки, шелест промасленной оберточной бумаги, холодный блеск железной рамы, девственно черную резину не знавших земли зубастых колес. Велосипед «Школьник»!

Отец принес его на плече и поставил в коридоре, и вначале я услышал запах, а потом уже увидел своего нового друга.

Мы вытащили велосипед во двор, я забрался на сиденье, правда, все еще с бордюра, и, хотя мой «Мишутка» до сих пор пылился где-то на балконе, мне стало очевидно, что детство мое подошло к концу.

Я еще не знал, что «Школьник» и впрямь станет тем велосипедом, который, гремя и рассыпаясь, перевалит через невидимую границу, доставив меня в мою юность, а сам канет в неизвестность. Останется в памяти только запах свежей смазки, шелест оберточной бумаги и зеленая, железная рама.

Мои родители развелись, и поставлять мне новинки советского велопрома стало некому.

Сверстники во дворе пересели на «Уральцы», и я отчаянно крутил педали, пытаюсь нагнать их на стареньком «Школьнике», но вместо этого безнадежно катился в аутсайдеры.

Свой потрепанный «Уралец», в народе – «полувзрослик», я получил тогда, когда в нем уже не было острой необходимости, но именно на нем я отправился в свой первый «дальняк».

«Уральцы» – самые массовые подростковые велосипеды того времени – встречались в каждом дворе. Обычно голубой заводской покраски, они могли приобретать совсем чудовищный окрас в руках своих владельцев.

Не обходилось и без тюнинга. На изгиб руля обязательно вешали шнур от телефонной трубки, на спицы колес наматывали разноцветную проволоку, но самым шиком считалось установить вместо оригинального руля руль, скажем, от велосипеда «Кама». Рулевой стержень «Камы», из-за особенностей велосипеда, обладал большей длиной, чем у «полувзрослика», и если приладить такой руль на «Уралец», то последний становился отдаленно похож на чеппер, а ездить на нем можно было, откинувшись назад.

Мой же «Уралец» тюнингом похвастаться не мог. Да и уходила в прошлое сама страсть к велосипедам. Меня и моих друзей теперь интересовала рок-музыка, а она, как нам казалось, плохо сочеталась с дворовыми забавами.

Где моя мама, школьная учительница, нашла эту развалину, я гадаю до сих пор, но ржавый, обшарпанный «полувзрослик» в тот день появился перед моим подъездом.

Скептически оглядев приобретение, я поволок велосипед в квартиру. Камер в колесах не оказалось, подшипники в каретке требовали замены, а руль заржавел настолько, что я сорвал резьбу с гайки, безуспешно пытаясь хоть немного его приподнять. Но для замены камер вполне подходил изоляционный жгут, он же «колбаса». Правда, «колбасу» приходилось воровством добывать на стройке, ковыряя отверткой межпанельные швы. А такое занятие считалось делом неблагодарным и попросту опасным. Годился на роль камеры и плотный резиновый шланг нужной длины и диаметра, если запихнуть его между покрышкой и ободом колеса.

Подшипники тоже найти труда не составляло, благо «Уральцы» в окрестных дворах водились в изобилии. А руль? Да черт с ним, с рулем! В конце концов, я не собирался относиться серьезно к своему новому средству передвижения.

Но именно «Уралец» открыл новый виток моей любви к двухколесному транспорту, стал последним знаковым для меня велосипедом, а затем навсегда растворился в стенах давным-давно проданной квартиры.

Вдоль дороги тянулись бесконечные штабеля бревен, между ними, пыхтя и упираясь, месили грязь лесовозы и трактора, ругались шоферы, маячили вдалеке над Енисеем похожие на богомолов исполинские береговые краны. Многие километры ландшафт завода «Перевалка» оставался неизменным. Мы ехали уже пару часов, но никак не могли покинуть его закопченной, унылой территории. Наши велосипеды подскакивали на комьях рыжей глины или плескали в стороны колесами радугу солярочных луж, оставленных на асфальте тракторами. Повсюду висел аромат мазута и древесины.

Мой товарищ по кличке Гера обернулся через плечо:

– Дальше будет село Абалаково, а за ним уже тайга, – Гера потряхнул своей рыжей головой.

Его не столько рыжая, сколько красноватого оттенка шевелюра служила мне ориентиром, флажком покачиваясь впереди. Гера ехал на велосипеде «Урал», или, как его называли, «взрослик», потому угнаться за ним мне было сложно. Его шестьсотдвадцатидвухмиллиметровые колеса против моих пятисоттридцатитрехмиллиметровых давали ему существенную фору, но я намертво зацепился за своего ведущего и не отставал.

Тайга обрушилась тишиной на двух юных велосипедистов. Полыхнула навстречу из чащи картель рябины, шальная птица, напуганно вскрикнув, заметалась над дорогой, сдвинул брови угрюмый лес, наблюдая за нами.

Мы катились все дальше, минуя утопшие по самые трубы в тайге деревушки, безымянные реки и ручейки грунтовых дорог, что впадают в основное шоссе.

Мы не знали, куда держим путь, нам просто хотелось удрать с той вечной территории завода, в которую превратился весь наш прокопченный город.

Тогда у нас ничего не вышло, сил хватило километров на сто, пришлось повернуть обратно. И в этом не было ничего смешного, сами попробуйте проехать сто километров на резиновых шлангах вместо латексных камер под покрышками старого советского велосипеда.

* * *

Однажды у меня получилось, и за спиной остались тысячи и тысячи дорог, но я до сих пор бегу. Может быть, от себя.

Бросаю мотоцикл в поворот, не сбавляя скорости. Тяжелый круизер, жалобно воя, выполняет задачу.

– Тише, тише, я слышу тебя, Муравей, – я отпускаю ручку газа, съезжаю на обочину, останавливаюсь и глажу мотоцикл ладонью по раскаленному бензобаку, успокаивая.

Жужжа, мимо пролетает большой неуклюжий жук. Я какое-то время наблюдаю за полетом красивого, черного с переливами насекомого, затем поднимаю забрало. Жаркое марево тут же наполняет шлем изнутри, снимаю его и верчу головой. Волосы паклей прилипли ко лбу, капли пота висят на бровях, одна из них срывается вниз, скользит по переносице, стремясь закатиться в глаз. Смахиваю ее кончиком пальца.

Мотоцикл фыркает и вздрагивает всем своим стальным туловищем, но, остыв, урчит уже спокойно и мерно. Дорога плавится под солнцем, жара смешала асфальт с кислородом, получив новый элемент.

Дорога течет, пузырится и испаряется на глазах горячим туманом. Зыбкое пространство обманчиво впереди, да и время, пожалуй что, тоже.

Солнце хитро глядит на меня круглым глазом-катафотом с желтого, выгоревшего неба. «Солнечный круг, небо вокруг, это рисунок мальчишки». Я разворачиваю мотоцикл и... просыпаюсь. Из угла, высунув желтую морду, смотрит на меня мой первый велосипед «Муравей».

Михаил ТЯЖЕВ

Писатель, актер, сценарист. Родился в 1974 году в Горьком. Окончил Нижегородское театральное училище, работал в театре «Вера»; потом была учеба в Литературном институте им. Горького (семинар С.Н. Есина), затем магистратура ВГИКа.

Автор сборника рассказов «Фейерверк» (издательство «Эксмо»). Лауреат литературных премий О. Генри» (2017, 2019) за короткий рассказ, журнала «Новый мир» (2019) за цикл рассказов, Бунинской премии (2013). Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Нижний Новгород», «Новый берег».

Живет в Москве.

Миниатюра 1. ВСТРЕЧА

Свирская ощущала свой брак, как стоячую воду, в которую смотришь и ничего не видишь: ни отражения, ни дна.

Ее муж, Матвей Олегович, работал в городской администрации, и за те семь лет, что они были женаты, располнел так, что пришлось поменять гардероб полностью. Детей у них не было.

Свирская когда-то, еще в шестнадцать лет, сделала аборт. Тогда это не так страшно было и даже как-то по-бытовому легко. Забеременела от своего одноклассника Артура. Он струсил, рассказал обо всем своему отцу, и тот, лишь бы ничего не вышло наружу, нанял врача и дал ей денег. Процедура прошла успешно. Но потом она услышала, как приговор, что бездетна и виной тому – та роковая ошибка. И где-то до тридцати ее это не страшило: все отношения с мужчинами были понятны и просты, как съесть кусок рыбы. Даже если эти мужчины были богаты и старше. Среди определенного круга она считалась «хищницей», и её это звание очень занимало. Однако позже, когда начали подпирать молоденькие, она ощутила себя пробкой из-под шампанского, которая вот-вот выстрелит вверх, в никуда, Свирская стала судорожно искать выход из создавшегося положения и нашла его в лице Матвея Олеговича. Тогда ему было двадцать два, а ей тридцать. Но он, худой и застенчивый, с каким-то девичьим лицом и круглыми очёчками на носу, запал на нее, и она помогла ему устроиться на хорошую работу (к отцу Артура) и даже полюбила мужа за его чувство к ней. Тогда-то она и ужаснулась тому одиночеству женщины, у которой никогда не будет ребенка. Муж согласился, что у них не будет детей. Ее это успокоило, но потом, словно наваждение, – страх, он сковывал все ее чувства, и она подолгу лежала в большой постели. А Матвей Олегович, припадая к ее коленям, томно произносил: «Нюнечка, ты опять неважнецки себя чувствуешь?»

Она ненавидела его – все ей было ненавистно: его прежде времени лысеющая голова, руки, маленькие и полные, с пальцами как у ребенка, его стремительную карьеру, его портфель из кожи, его живот как

у беременной бабы, его ласки, извиняющийся голос, и он сам, заслоняющий солнце. И тогда она, отвернувшись к стене, шептала с присвистом, сжимая зубы: «Ос-с-ставь меня».

И вот у нее появилась новая затея. Свирская часами колесила по ночному городу на своей роскошной иномарке. Неслась на полной скорости, топя педаль газа. И в этом вихре она забывала себя. Если тормозил гаишник, она широко улыбалась ему, стараясь разжалобить, и прикидывалась беременной, мол, будущая мать-одиночка торопится к врачу, или, если не прокатывало и была такая возможность, давала ему взятку.

Часто Свирская оказывалась за много километров от дома и возвращалась затемно, и Матвей Олегович, лежа в пижаме с принтом Микки Мауса, ревновал. А она, склонившись к нему, как к обиженному ребенку, произносила:

– Лапуля! Неужели ты позволишь себе думать обо мне плохое?

Матвею Олеговичу хорошо, но он морщится и выдавливает из себя:

– Но где ты была?

– Где я была, там меня уже нет! – отвечает она. Затем моется, чистит зубы и, плюхаясь в койку, тут же засыпает.

Свирская не работала, времени было много, и она снова и снова мчалась по дороге. Движение было ее потребностью, и она не отдавала себе отчета, почему и зачем это делает.

В тот день она притормозила в общем потоке и заметила у обочины голосующую девушку с чемоданом, он был яркий и в клетку. Свирская приняла ее за дорожную проститутку и посмеялась про себя: «Теперь на дорогу выходят со своим постельным бельем».

А вечером после гонки остановилась у кафе и увидела знакомый чемодан в клетку. Ее хозяйка, больше похожая на маленькую разбойницу, сидела у входа и что-то ела из стеклянной банки.

«Сколько ей лет? – подумала Свирская. – Да какая разница сколько!»

И вдруг вспомнила себя, примерно в таком же возрасте, и папиного друга Ирека Эдуардовича, доктора физико-математических наук, и его бороду клинышком, и его редкие волосы на груди. «Если институт закроют, – любил он повторять. – Я пойду к Кремлю. Буду двойником дедушки Калинина». Мама тогда наготовила плова, а сковородка одна, поэтому сгребла в банку рис с мясом, и маленькая Свирская ела прямо из двухлитровки и слушала Ирека Эдуардовича. А он, сидя с ее отцом за кухонным столом, выпивал и разглагольствовал:

– Наша наука фундаментальна. Это как фундамент под зданием. Если его нет, то и нас нет. А они иностранцы, иностранцы! А те тоже люди. Импортзамещение. Тьфу! Чужие мозги не заменят родные бере-зы! Наша подлюдка на километр опустилась. А их на сколько?

– Иди спать, Ирек! – сказал Свирский и увел своего друга на старый продавленный диван.

– Ты чего так и не уехала? – подошла она к девушке и запросто спросила, как будто была с ней знакома много лет.

– А куда ехать? Ночь уже, и не успела.

– А куда надо было?

– В город.

– А на автобусе не айс?

Та замолчала и покосилась на Свирскую.

– А вы кто? Зачем спрашиваете?

– Ни за чем... Ехала днем, видела тебя, возвращаюсь, снова вижу. Никогда бы не узнала, если бы не твой чемодан.

- А что мой чемодан?
- Яркий он у тебя. Ты не бойся. Просто мне поговорить не с кем, я и заговорила.
- А я уж подумала... Устала отбиваться. Столько дураков!
- Пристают?
- Если бы... Обокрасть хотят!
- Мужчины, что ли?
- Да кто угодно. Всем нужны деньги.
- Ну да, ну да, – произнесла она в задумчивости. И добавила: «И все же почему не на автобусе?»
- А у меня нет денег, – сказала девушка и горько усмехнулась.
- Как, совсем? Даже на автобус?
- Даже на него.
- И куда ты вся такая без денег?
- В город.
- Свирская вышла из машины.
- Как так нет денег? А что ты делала до этого? Работала?... Родители у тебя есть?
- Есть. Только не работала я, школу этим летом закончила. А чего вы меня расспрашиваете?
- Свирская рассматривает ее: маленького роста, с каким-то неприятно некрасивым лицом, обычно на таких красивые мужики западают.
- Хочешь, я тебя довезу до города?!
- Девушка оглядела ее автомобиль.
- Мне заплатить вам нечем будет, – произнесла она твердо.
- Не надо.
- А тогда какой у вас интерес?
- Никакого.
- Тогда я не понимаю. Не поеду я.
- Как знаешь! – говорит Свирская и уходит в кафе. Там пьет кофе и смотрит в окно. Темнеет. За светло-зеленым полем стоит неровным частокотом лес.
- Девушка заходит в кафе, везя за собой чемодан на колесиках, как машинку ребенок. Ищет глазами Свирскую. Находит, отодвигает стул и присаживается рядом.
- А что я должна буду делать?
- В смысле? – говорит Свирская.
- Ну, вы же не просто так меня повезете.
- Слушай, мне от тебя ни густо, ни пусто. Хочешь ехать, поехали, не хочешь – иди и ешь из своей банки.
- Не обижайтесь, – говорит девушка. И добавляет: – У нас в деревне пожар был, и целый конец выгорел, всё дотла. Пожар с пьяницы начался. Сколько раз предупреждали его, и вот неделю назад полыхнуло. Я спала, отец вбегает, мать мечется, и тут стена как схватится, я и проснулась. Шарахнулась от нее, бежала через сени и тут чемодан свой увидела. Хватаю его и на улицу. А там шум, гам, крики, люди с ведрами, отец чумазый, весь в саже, как будто печку чистил. Мать на корточках сидит, ревет белугой, вся такая маленькая стала, сжалась, коленки черные. Мы у родственников разместились, и вот ночью слышу, отец просит денег взаймы, всё же сторело, и документы – всё. Вроде компенсацию обещали в районе. И тогда я думаю, чего я буду с ними, собралась и ушла. Они искали меня. А я знала, что искать будут, спряталась в овраге, они мимо и прошли. Выкарабкалась на трассу. Один парень довез,

хороший попался, смешной и беззубый. Я, говорит, месяц из машины вылезать не буду, заработаю денег, а зубы новые вставлю. А потом мне: «Выходи за меня замуж!» А я ему: «Что бы тебя месяцами не видеть?» А он смеется. Довез до развилки; мне, говорит, дальше на Киров. Вот я осталась и пошла.

– И сколько ты так в дороге?

– Второй день пока что. Нет, я тормозила, в автобус хотела сесть, да понимаете, стыдно просить: «Дяденька, довезите». Ис чемоданом еще – он пустой, а выбросить жалко, вроде как вместе спаслись.

Через двадцать минут они едут уже в сторону города.

– Как тебя зовут? – спрашивает Свирская.

– Женя.

– А меня Нелли.

– Очень приятно! – и Женя вдруг разоткровенничалась: – Я, знаете, Неля! Хочу завоевать этот город! Хочу, чтобы он лежал у меня собакой у ног. Вот вы говорите, деньги – это плохо, а я люблю деньги! Я тут запрятала тысяч десять, да и тетка у меня в городе, у нее пока остановлюсь. Хочу, как у вас, машину – я люблю красивые машины. Когда шла по дороге, всё считала их и сбилась со счета...

Дорога петляла, по ней летел светлый Audi A7. Скорость была большой. «Кажется, здесь недавно лосиху с лосенком сбили», – подумалось Свирской.

Миниатюра 2. ЙОГА

Игорь Васильевич Кувшинников, сорока восьми лет, моложавый, с шишкообразной головой и серыми глазами, познакомился с Еленой Сергеевной во время занятий йогой. Сам он только начал заниматься, Елена Сергеевна тоже была в этом деле новичком.

После душа она утиралась полотенцем, некрасивая пятидесятилетняя, с каким-то белым скуластым лицом, сказала ему: «Дождитесь меня, Игорь. У меня есть к вам предложение».

Игорь Васильевич сказал, что будет ждать ее на улице, собрался и вышел. Сугробов намело, пока они занимались, немерено. Сторож из Дворца спорта расчищает дорожку перед входом. Неба не видно, вместо него горит фонарь, и под ним качается ветка. Кувшинников любит видом и радуется жизни.

Он развелся с женой неделю назад – познакомился по переписке – и женат был всего каких-то три месяца. И сейчас он вспоминает ее вьющиеся светлые локоны и тоскует по женщине. Но тут же наполняется другим чувством: негодования. И говорит сам себе: «Привыкла переписываться. А так, чтобы жить вместе, застилать постель, на это не согласна!» Он сожалел, что она провела его, и после развода заходил несколько раз на форум, чтобы уличить ее во лжи. И видел: она снова там и, скорее всего, переписывается с «очередным». И чтобы больше не томиться и не мучиться, удалился с форума.

Елена Сергеевна была женщиной в возрасте. В свои пятьдесят два она выглядела на сорок и часто уделяла больше, чем следовало бы, внимания мелким морщинкам в уголках глаз и расстраивалась, если они становились заметнее.

Кувшинников, стоя на улице под снегом, ждал Елену Сергеевну и попытался вспомнить ее лицо и ужаснулся тому, что не мог это сделать. Вместо нее в нем блуждали какие-то разорванные мысли о предстоящем судебном заседании, на котором соседка, старуха снизу, будет канючить, во всех подробностях рассказывать, что она «пожилая женщина и ей не дают спать!»

Он переехал на окраину недавно, продав старую, в центре квартиру, поделив деньги поровну с сестрой. Квартира была на редкость дешевле своей декларируемой цены. И вот, значит, выяснилось почему. Из-за старухи-жалобщицы.

Елена Сергеевна спускается по ступенькам. Она припудрилась, долго смотрелась в зеркальце и, когда окончательно убедилась, что «гусиных лапок» нет, вышла.

Игорь Васильевич видит ее через входную стеклянную дверь. Если не думать, какое у нее лицо, то она довольно приятна – стройная фигура в обтягивающем платье, сапожки и тонкие икры. Игорь Васильевич страсть как не любит полных женщин. Почему-то ему всегда кажется, что они могут его раздавить.

Елена Сергеевна накидывает взятое из гардероба пальто с меховым воротником, застегивается и выходит. «Интересно, – усмехается Кувшинников. – А она была замужем?»

Елена Сергеевна поправляет воротник, берет Кувшинникова под руку и спрашивает, не на машине ли он.

– Нет, я пешком, живу тут недалеко.

– Я, знаете, тоже люблю прогуляться. Особенно когда снега вот столько навалит и тихо кругом; идешь, душа радуется. А вы почему решили заняться йогой?

Он подумал, в самом деле, почему? И понял, что хотел заняться только из-за того, чтобы хоть чем-то заниматься. Но ответил другое: «Меня всегда влек Восток».

– Да, вас тоже это увлекает?! Меня тоже. Знаете, вчера я была в Шамбале. Не смейтесь! Значит, села я так на диван, он у меня очень удобный, на нем и лежать хорошо, сижу, по телевизору обычное ток-шоу, и вдруг как понесусь! – и ветер кругом. Вы, кстати, какой чай пьете?

– Обычный.

– Зря. Но ничего, я скажу вам, где нужно покупать особенный.

– Это от которого ветер кругом?

– И не только. Чай, он же к нам внутрь входит, протекает там, где душа.

Игорь Васильевич поморщился, последнее время он сильно недолюбливает слово «душа». Так и слышит вокруг себя: душа поет, душа изнывает и так далее, и прочее. Особенно это слово он ассоциировал с бывшей женой. Когда познакомились, у нее чуть ли не в каждом предложении – «душа». Ищет мужчину, чтобы его душа слилась с ее душой.

И первый из трех месяцев Кувшинников жил с ней вроде ничего – слитно, как одна душа. А потом началось. Однажды ночью слышит, она стучит по клавишам компьютера. Приподнялся и увидел плашку сайта знакомств. «Значит, снова!» – подытожил он.

Тогда-то он и заболел, решив во что бы то ни стало узнать, кому она пишет. Предупредить того, предостеречь... Оказалось, у нее уже новый роман по переписке. И главное, выставляет его, Кувшинникова, чудовищем. И задела его не измена, а то, что она пишет тому, новому, точно так же, как писала когда-то Кувшинникову о прежнем своем муже.

– Вы знаете, Игорь!.. Можно я вас так буду называть?.. – спрашивает Елена Сергеевна. Он кивает, почему нельзя. – Я каждое утро приветствую солнце!

– Скажите, Елена Сергеевна, зачем я вам нужен?

– Мне надо вам что-то показать.

– Хорошо. Но почему я?

Он приостанавливается, а она словно не слышит, крепко вцепившись в его кольцо руки, ведет за собой.

– Идемте! Идемте, Игорь! – произносит она совсем другим, не возвышенным тоном, каким только что вещала, а низким по тембру и чуть с хрипотцой.

Игорь Васильевич думает, а почему бы и нет, могут же мужчина и женщина просто так встретиться.

По дороге они успевают купить бутылку полусладкого и сыр с плесенью. Теперь Елена Сергеевна рассказывает, что она когда-то училась в Школе-студии МХАТа. А когда окончила институт, то не смогла попасть в главный театр...

– А для меня другого театра не существует! Вы понимаете, Игорь? Интриги... Я от них страдаю. Мне больно становится. Поэтому я выбрала скромную работу: помощник режиссера на телевидении.

Они останавливаются перед высоким подъездом с широким дверным проемом и стеклянной дверью; слева – ряд кнопок домофона.

– Мы пришли. Это мой дом! – говорит она. – От прошлого мужа досталась эта халупка.

«Значит, была!» – подытоживает свои мысли Игорь Васильевич. Они заходят в подъезд. Он обстукивает ноги у входа, чтобы сбить налипший снег, проходит в тишину коридора, в котором пахнет кошками и сырым подвалом. Они садятся в лифт и поднимаются на четвертый этаж.

Она открывает входную дверь, и он видит в глубине черной комнаты два сверкающих, злых изумруда, которые оказываются, когда включается свет, персидским котом. Он, сверкнув зелеными, похожими на брюшко навозной мухи глазами, исчезает.

– Ты снова не туда сходил, Арчибальд! – произносит она голосом, полным укоризны. – Моего кота зовут Арчибальд. Он старинного дворянского рода, так можно было бы сказать, если бы у кошек имелось дворянство. – Она бросает перед Кувшинниковым тапочки с помпоном. – Надевайте. Мойте руки, а я пока переоденусь. Вы не торопитесь?

– Нет.

Она бросает половую тряпку в коридор, недовольно ворча, вытирает и уходит в комнату, в которой исчез кот.

Игорь Васильевич, нащупав ногами мягкие тапки, просовывает в них ступни, затем моет руки и садится в прихожей на кушетку.

Пока ее нет, осматривается. Окна в зале задернуты глухими бордовыми шторами, отчего кажется, что ты попал за кулисы. Огромный плазменный телевизор отражает противоположную стену с непонятными картинами, их тут много, они развешаны повсюду, даже вдоль стены стоят, прислоненные. На этажерке – свечи всевозможной длины. В шкафу собрания сочинений в красивых переплетах, такие в Советском Союзе покупали в «Стимулах» после сдачи макулатуры.

Елена Сергеевна, переодевшаяся, появляется с халатом в руках.

– Игорь, я хочу, чтобы вы это надели.

– Да не надо.

– Встаньте.

Он поднимается. Она накидывает халат ему на плечи и обвязывает поясом. После чего ведет в залу, где усаживает на старинную дубовую тахту с золотистой обивкой, перед ним резной буфет со множеством ангелочков, а выше фотография желтого, засеянного знаками поля с синим озером на горизонте.

– Тут я родилась, это на Рязанщине.

Она придвигает журнальный столик на колесиках ближе и склоняется так, что Игорь Васильевич видит ее новенький розовый бюстгалтер. Он хватает ее через стол и привлекает к себе, но делает это как-то неудобно. Стол переворачивается. Игорь Васильевич тушует, а она смеется.

– Ой, что это вы, Игорь! Подождите, – говорит она и поправляет сережки в ушах, усаживается на другой край тахты. – Вы такой быстрый. Как юноша прям... Мы еще чай с вами не попили.

Кувшинников ретируется.

Только на улице он замечает, что на нем халат. «Черт с ним, с пальто! – ругается он. Но спохватывается. – В кармане документы!»

Подминает голову на ее окно – на подоконнике сидит зеленоглазый кот. А над ним, приманивая его пальцем, стоит Елена Сергеевна.

Денис ДЫМЧЕНКО

Родился в 2003 году в с. Кочубеевском Ставропольского края. Выпускник Ставропольского государственного педагогического института, учитель истории и обществознания.

Проза и критика публиковались в журналах «Наш современник», «Кольцо А», «Сибирские огни», «Дарьял» и других. Финалист премии «Лицей», премии им. Казинцева, Волошинского конкурса, спецприз премии «Иду на грозу».

Живет в Ставрополе.

СОЛНЫШКО

Лена шла по одной из улиц Ставрополя в гости к новой подруге и никак не могла отогнать зудящую тревогу. В сравнительно крупном городе сложно было прижиться человеку, далёкому от мирков панельных многоэтажек и запущенных улочек с цыганскими «коттеджами». Сплошной поток машин то несся, то замирал в пробке всего в нескольких метрах от девушки, совершенно незнакомые люди встречались с ней взглядами и спокойно проходили мимо. Один раз рядом прокатилась шумная компания двадцатипятилетних парней в спортивных костюмах – Лена внутренне сжалась, пытаясь подготовиться к какому-нибудь нехорошему поступку с их стороны. Но, к счастью, на неё никто не обратил внимания. Местные были слишком увлечены обсуждением смешного инцидента недельной давности.

При виде этого сборища Лене вдруг вспомнился ее старший брат. Он был примерно того же возраста, что и эти прохожие, и одежду носил чуть ли не такую же. Не говоря уже о повадках, привычках и манере общения. Ей было очень сложно представить, что Витька может быть таким же, как эти гопники. Всё же он всегда был добр к ней и никогда не обижал, разве что в детстве, и то играючи. Лена представила, что у каждого парня из той компании есть по такой же, как она, сестре, того или иного возраста, что каждый из них заботится о своей родственной душе и стережет как зеницу ока. Думать о том, что это не мешало им творить что угодно с другими людьми, она не хотела, боясь представить собственного брата – её Витьку! – моральным уродом.

Два месяца назад она приехала в Ставрополь поступать в институт. Она смогла пройти на бюджет по специальности учителя музыки и даже начала получать стипендию. Не то чтобы она была абсолютно счастлива получению такого образования. Лена с детства мечтала о музыке, о пении, грезила написанием собственных песен, и судьба «училки» ее не особо прельщала. Но, рассудив, что для занятия любимым делом ей нужно научиться как можно большему, она выбрала пед. Мама поворчала, что ее доченька собирается бросить их и уехать «очень» далеко, но не смогла противиться ее решению. Всё же девушка, восемнадцать лет, и препятствовать ей не то что бесполезно – несправедливо.

Тётка согласилась предоставить Лене дом. Не квартиру, не комнату, а целый частный дом! Девушка жила в нём одна, предоставленная сама себе, без поучений, без постоянных советов по телефону и докучающих соседей. Четыре комнаты, ванная, кухня, два телевизора и небольшой садик были полностью в её распоряжении. Свобода! И никакой коммуналки!

Многие бы позавидовали ее положению. Да что там, она сама три месяца назад не поверила бы своему счастью.

Думать об этом не хотелось. Вообще, много о чем ей не хотелось думать. О медленно, но верно подступающей сессии. О родителях, оставшихся где-то там, в деревне. О дальнейших планах, которых просто не было. Не говоря уже о более высоких и важных вещах. Все эти мысли с переменным успехом лезли ей в голову, к месту и не к месту, заставляя ее иногда с силой сжимать лямки сумочки.

Раньше, в старших классах, ей приходилось часто задумываться. И дело даже не в какой-то конкретной мысли, нет. Речь идет о задумчивости как состоянии души. Лена любым занятиям, в том числе и общению с подругами (которых перестала считать таковыми ещё с девятого класса), предпочитала находиться в своём закрытом от других мирке и испытывать непрерывную тревожную тоску о вещах совсем неземных, совершенно ее не касающихся. Но она считала эти вещи чем-то важным, тем, что нужно крутить в голове постоянно, даже если для этого не найдётся потом применения. Вечные вопросы без ответа занимали ее больше, чем грядущие экзамены; проблемы человечески-эфемерные стояли выше проблем личных. Но наступила осень, она поступила в институт, и все родственники, в особенности мать, попросили, выдавили из нее клятву, что она не будет «бродить в тумане» будучи студенткой. И она поклялась. И восприняла эту клятву более чем серьезно.

То, что тогда казалось очень важным и нужным, сейчас почти не вызывало у нее отклика. Что-то скорее вспоминалось, чем оживало настоящему, а остальное и вовсе забылось. Задумчивость прошла вместе с ее переездом, зато появился расчет. Не тот холодный принцип по извлечению выгоды, которым наделены самые ужасные люди на свете; скорее, разросшийся до уровня инстинкта здравый смысл, проснувшийся вместе с необходимостью вступления в жизнь.

Это изменение иногда с грустью замечала и сама Лена, но тут же забывала и старалась не задумываться. В конце концов, ей не до этого. Слишком много вещей, которым нужно уделить внимание, слишком много всего... Если она продолжит раздумывать над вещами, которые ее не касаются, то не сможет зажить так, как ей бы хотелось. Чтобы этого достичь, нужно много работать и привести мысли в порядок.

Именно так она думала. Но, несмотря на засилье здравого смысла, душа иногда изнывала от потери чувства. И именно сейчас сердце болело как никогда прежде. Слишком много появлялось вокруг вещей, которые ее не касаются, но которые нельзя оставить без внимания. И она гонит мысли, гонит тревожное уныние, которое не давало ей жить, когда она была школьницей. Она уверена, что это ей не нужно. Что счастью вредны эти мысли. И потому глушит всё, что приносит ей её задумчивость. Но вместе с тревогой и унынием в самую глубинную уходила и та часть её, без которой просто невозможно считать себя живой. То, без чего уходят в жизнь все люди, окончательно становясь взрослыми.

В числе прочего она гнала из своей жизни Свет, не зная, что останется в итоге с той блёклостью, которая не даст ей быть счастливой.

Вот и нужный микрорайон. Громады серых бетонных зданий с сотами из окон и балконов производили на Лену смешанное впечатление. С одной стороны бесцветный монолит казался унылым и угнетал, с другой – создавал впечатление масштабности и какого-никакого величия. Но уныние и давление дворов быстро взяли верх, и масштаб только усилил чувство замкнутости. Будто маленький клочок земли обнесли неприступной цементной стеной, за которую не выбраться.

Лена однажды поделилась своими мыслями с Ритой, той самой знакомой, к которой направлялась сейчас. Та, выросшая в окружении битых лестничных клеток и маленьких иссохшихся дворов, только посмеялась над «деревенским мышлением» подружки и посоветовала поскорее привыкнуть. Рита, наученная своей недолгой жизнью и мотивационными пабликами, считала, что в любом случае город – лучшее место, чтобы чего-то добиться в жизни и выдвинуться, и потому рекомендовала Лене забыть про удобства деревни и «начать работать».

И Лена начала, хотя привыкнуть всё же было сложно. Прекратить общение с некоторыми людьми из деревни, меньше звонить родителям, не говорить с сокурсниками о своем доме, все это приходилось переживать. Но труднее всего ей давалось изменение восприятия. Она никак не могла отделаться от ощущения, что всё вокруг ее сдавливает и гонит куда-то в угол, в тупик.

Спросив у местных, Лена узнала, где находятся нужные ей дом, подъезд и квартира. Но даже с подробным описанием она не сразу нашла их. А когда нашла, оказалось, что опоздала на двадцать минут. Возмущенная, но незлобная подружка поворчала на Ленину нерасторопность, несколько раз упрекнула ее в «мещанстве» (ей недавно начало нравиться это слово), но тут же сменила тон и пустила к себе в квартиру.

Рита была девушка среднего роста, крашенная под брюнетку, взбалмошная и оттого ещё более высокомерная. На всё вокруг она смотрела либо сверху вниз, либо не смотрела вовсе. Это же касалось и людей. Просто чудо, что она обратила внимание на Лену, достаточно тихую и необщительную. Последняя думала, что показалась Рите интересной и доброй, но на самом деле всё было куда прозаичнее. Когда Лена впервые появилась на занятиях, все, и преподаватели, и студенты, заметили определенные её задатки. Речь идет об игре на фортепиано, которая давалась ей более чем легко, и сверхъестественной доброте. Преподаватель, плотный коротко стриженный невротик с детским лицом, говорил много высокопарных слов, но более всего выделял «потрясающий слух» и «музыкальную душу». Никто ничего особо не понял из его блеяний. Лена порадовалась, что у нее действительно что-то получается. А Рита восприняла девушку как главную свою соперницу, хотя, если быть честным, таланты ее находились очень далеко от большинства студентов, что уж говорить о блеснувшей новенькой. И первое, что пришло в голову городской девчонке, – как можно быстрее увести ничего не понимающую Лену в свою тень. И первым шагом было предложение «дружбы». Чем ближе они будут друг другу, тем сильнее бы Рита смогла на нее влиять, а там уже – по ситуации.

И в этом приглашении к себе на квартиру тоже крылся некий умысел, но Лена, наивная и доверчивая, непривычная к жизни, не могла об этом догадаться. Даже откровенные нападки «подруги» и постоянное указание на недостатки проходили мимо. Лена считала это дружеской

критикой. Рита же едва удерживалась от смеха – иногда ей самой становилось жалко такую наивную дурочку. Но обыкновенная зависть не давала ей ослабить напор издёвок и оставить «подругу» в покое.

Они уселись на диван и принялись болтать о разных мелочах. Точнее, Рита трещала без остановки о совсем глупых и сторонних вещах, а Лена молча слушала ее и иногда вставляла короткие «ага» или «точно», боясь показаться невежливой. «Подруга» рассказывала о смешных и не очень происшествиях в ее личной жизни, о косметике, о друзьях, прошлых и нынешних, о своих увлечениях, которые, так или иначе, заключались в бессмысленном сотрясании воздуха. Так продолжалось с полчаса, и когда Лена осмелилась, наконец, вставить слово о своих друзьях из деревни, «подруга» предложила посмотреть сериал. Плевать Рита хотела на ее жизнь, и таким отношением она надеялась поставить на место свою соперницу. Всем своим видом городская девочка напоминала аристократку из викторианских книг, которая во имя своего тщеславия готова уничтожить всех. В общем-то, это сравнение было недалеко от истины.

Хозяйка квартиры быстро вернулась из своей спальни с ноутбуком, который примостила на табурете напротив дивана. Пришлось смотреть «Дневники вампира». Лену, конечно, никто не спросил. А Рита всё продолжала жужжать и сотрясать воздух. Она являлась таким человеком, который ничего не имеет за душой и боится оставаться наедине со всей своей пустотой, настолько ужасающей, что невозможно терпеть. Ненавидя своё окружение из эгоизма, Рита, тем не менее, не могла остаться в одиночестве, боясь не столько пустоты внутри себя, сколько собственной ненужности. Этот безотчетный страх перед мелочью собственной персоны ввергал ее в невиданную грусть, и потому она пыталась отгородиться от него бессмысленной болтовнёй.

Лена чувствовала себя не в своей тарелке. Всё вокруг виделось чужим и неудобным. Но показывать свое подавленное состояние было нельзя – всё же подруга. Тем более в гостях неприлично строить из себя недовольную. И так по жизни. Она не хотела никого обижать, и для этого всегда оставляла себя где-то в хвосте жизни, опасаясь, по природной своей доброте, нанести кому-нибудь оскорбление. Ей хотелось уйти и не возвращаться. Но бросить подругу, как-нибудь ее задеть – это было выше ее сил.

Ситуацию усугубил несвоевременный приступ задумчивости. Пока Рита продолжала галдеть, а на ноутбуке во второй раз играла заставка, Лена находилась в совершенно другом месте. Да, она смотрела на кривляние главных героев и учтиво кивала подруге на ее поток словоизлияний, но ей было не до того, что происходило в этой квартире. Лена думала о том, как хорошо будет вернуться домой, заварить чай и погрызть печенье. У себя дома она не будет чувствовать себя так неуютно, хоть немного сбросит с себя эту пелену враждебности и вздохнёт спокойно.

Что она вообще тут забыла? И речь даже не о Рите и ее квартире, хотя это было самое угнетающее. Что она забыла здесь, в Ставрополе, в забытом богом мире бетонных коробок, стеклянных торговых центров и обиженных на всё людей? Нет, она отучится. Но в город больше не вернется, как бы ей это ни было необходимо для достижения мечты. Как здесь ей жить?! Она же умрёт здесь от тоски и грусти, от вида угрюмых лиц и человеческого болота. Какое счастье может быть, если она даже в квартире подруги находиться не может, если ее тошнит от одного городского пейзажа...

Как хорошо было дома, в родной деревне, среди простых людей, которые не смотрят на окружающих как на мелкий мусор из сточной канавы, среди маленьких домишек, создающих хоть какой-то простор. Она хотела сбежать из этого мира, считая, что здесь её ничто не ждёт. Что в городе, при определенном усилии, она сможет добиться счастья. Но в итоге именно в городе ее поджидало то самое «ничто», которое потихоньку проедало ее изнутри и заполняло всё после себя пустотой. Ведь она хотела быть похожей на местных, которые, как ей казалось, имеют все шансы добиться чего-то. Но в реальности всё оставалось так же, как и везде, – толпы аморфных людей, не знающих, зачем они живут, и увязших в круговороте бытовых трудностей, постепенно проедающих и сердце, и разум, и душу.

Апофеозом запланированного Ритой унижения и низвержения Лены в уныние был подстроенный конфуз. Кто-то позвонил в домофон, звал хозяйку квартиры гулять. Рита подскочила, сказала, что сейчас выйдет, и принялась оправдываться перед Леной. Якобы она совершенно забыла о том, что пообещала мальчикам (это слово она сказала так томно, что даже Лене стало противно) провести с ними вечер и теперь не могла им отказать. Очень долго и наигранно она извинялась перед «подругой» за свою плохую память, пытаясь уловить на лице Лены то выражение лица, которое наступает в момент крупного унижения.

И дождалась, хотя девушка всеми силами старалась не показывать своего разочарования. Рита, едва сдерживаясь, отошла в прихожую переодеться. Там она всё же дала волю эмоциям и скривилась в желчной торжествующей ухмылке. Злорадство заполняло все ее мысли, удавшееся унижение подняло ей настроение.

Пока Рита одевалась, Лена, с разрешения хозяйки, вышла на балкон. Уже стемнело. Улица засияла оранжевым. Лишь изредка попадались бледные проблески энергосберегающих фонарей. На небе появлялись звёзды, всё больше окружая белый ломтик луны. Дома напротив покрылись множеством желтых квадратов, став ещё более похожими на пчелиные соты. В самом низу иногда проходили люди. На лавочке у подъезда курили трое парней, все в модной одежде и громко смеющиеся. Меньше всего Лене хотелось попасть в их компанию.

Глядя на звезды, она думала, что никому здесь не нужна. Этот город, пусть и являющийся захолустной столицей, был чужд ей, чужд даже не своим видом, а атмосферой. За всем этим рыжим сиянием и блеском жизни скрывалось простое и осточертевшее ее душе уныние и бессмысленность. Всё становилось понятно, стоило только приглядеться к окнам домов. В одном запустивший себя мужик в майке-алкоголичке допивает литровку пива и пытается посмеяться над каким-то тупым шоу по телеку; во втором мать-одиночка, качая на руках ревущего младенца, пытается словами и ногами отвести от себя двух детей постарше, просящих удовлетворения в каком-то нелепом капризе; в третьем мужчина и женщина средних лет покрывают друг друга матом, признаваясь на весь мир в ненависти к некогда любимому человеку, и пытаются друг друга спровадить из квартиры, чтобы спустя минуту что-нибудь разбить, а потом разреваться от обиды на всё и вся. Все эти люди не знают, что с собой делать, куда себя деть и потому проживают жизнь нелепо и глупо, в скандалах, обидах, жалости к себе, скуке и, конечно же, ненависти мир за то, что у них «нет выбора». Но по большому счету... они сами не хотят ничего менять. Они привыкли так жить, и другой жизни не то что не представляют – боятся потерять то, что у них уже есть.

Жизнь можно прожить как угодно и где угодно, лишь бы разум человека был чем-то занят. Эти люди забили себе голову тем, что приносит им несчастье, и живут с этим. Лена, вдруг подумав об этом, захотела плакать. А ей что делать? Она не хочет такой жизни, но в этом городе другого ей просто не получить. И дело даже не в самом городе, не в его проявлениях. Дело в ней самой. Это не её мир. Она здесь сломается, сторит как спичка, и будет жить как все – злиться на мир и играть роль выброшенного человеческого мусора. Ей не место среди тех, кто может чего-то добиться в городе. Не место среди таких, как Рита, которая, скорее благодаря своим качествам, чем вопреки им, добьется всего, чего захочет. Кому же она тогда нужна такая? Она везде будет чувствовать себя не на том месте и не за тем делом. И вряд ли найдётся человек, для которого она была бы дорога, такая нелепая, невзрачная и слабая...

Ей хотелось снова стать маленькой восьмилетней девочкой, ничего не понимающей и думающей только о хорошем. Вернуться в то время, когда она могла спокойно поздороваться с прохожим и не получить за это обозленный взгляд, когда ей можно было выйти на улицу, не боясь того, что о ней подумают. Она мечтала оказаться в том возрасте, когда не умела замечать ту безумную скорость, с которой ее жизнь неслась куда-то в бездну.

Лена устало смотрела на звёзды и с каждой секундой становилась всё грустнее. В голове ворочались мысли, тревоги, неуёмные воспоминания, от которых она ранее обещала отказаться. Не получилось, они всё ещё владели ею и являлись уже чем-то таким, что невозможно было вытравить. В конце концов, всё это превратилось в мучительную кашу. Девушка не могла уже ни о чем думать, и лишь звучал то ли в голове, то ли из ее уст, вопрос из давно заученного стиха: «Если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?»

Из транса Лена вышла только благодаря Рите. Та уже успела и одеться, и накрасться, и потерять терпение. Лена ответила ей что-то бесцветным голосом и тоже начала одеваться, уносясь куда-то далеко-далеко в долготы уныния под кудахтанье «подруги». Рита обещала вместе с мальчиками проводить ее до остановки.

На выходе из подъезда их уже ждали. Все трое парней отвлеклись от курева и принялись зубоскалить на тут же завопившую от счастья Риту. Они окружили ее со всех сторон, начали обнимать, спрашивая о понятных только им вещах. Лену никто поначалу и не заметил, да Рита и не особо хотела обратить на нее внимание своих кавалеров. Только через пару минут тот парень, который первым выкинул сигарету в урну, увидел робко стоящую под козырьком девушку.

– Рит, как-то невежливо получается! – сказал он, ткнув свою подругу локтём.

– А? – тупо уставилась она на парнишку.

– Бэ-вэ-гэ! Вон, стоит, бедолага! Давай, знакомь.

– А! – деланно удивилась Рита и указала своим парням на свою новую «подругу». Ей не хотелось уделять сопернице много внимания. – Мальчики, это Лена. Мы вместе в институте учимся.

– Оч приятно! – рыгнул тот, что держал Риту за талию, и продолжил прерванный разговор.

На этом праздник внимания кончился, и «подруга» увела двоих своих кавалеров в сторону. И только третий, первым обративший на неё внимание, остался стоять там, где стоял. Он был ростом ниже всех при-

сутствующих, одет в красную толстовку и коричневые джинсы, а на голове носил белую кепку. Сделав пару шагов в сторону Лены, он начал шептать:

– Строго между нами... Она та ещё стерва. Я с Лёхой за компанию хожу, эта дрянь мне и даром не сдалась. Вот тебе совет – даже не общайся с ней. Не стоит, честное слово.

Лена кивнула, и общительный малый вернулся к своим друзьям, действительно держась на расстоянии от ее новой безудержно смеющейся «подруги».

Когда разговоры кончились, Рита с парнями двинулись к перекрестку, чтобы скорее спровадить Лену. Девушка была даже рада, что не пойдёт бродить по городу с этими людьми. Ни сама Рита, ни ее кавалеры, ни даже болтливый малый – ни один из них ей не нравился. Они все казались ей слишком грубыми, жестокими ко всему, что только можно, и обиженными на весь мир. Окружение их не интересовало, они с головой окунались в свои собственные дела и дела друг друга, не желая замечать ничего, даже чужие обиды. Им плевать на всё и на всех. И это было их главным преимуществом по жизни. Но Лене такие люди опротивели еще тогда, когда она даже не думала переезжать в город. Ей казалось невозможным так относиться к людям и к жизни. Она считала это верхом человеческого гадства.

Лену «сбросили» на остановке. Рита с двумя парнями сухо попрощались, а болтливый малый напоследок козырнул двумя пальцами и пожелал удачи, обнажая тронутые кариесом зубы. Такой знак внимания для девушки был сродни плевок из желчи, несмотря на беззлобные намерения парня. Лена поёжилась, уселась на лавочку и принялась ждать автобус. Уже стемнело, и большинство рейсов перестали ходить по своим маршрутам. Она даже испугалась, что придётся идти домой пешком, а это около полутора часов ходьбы по тёмным улицам, в которых ее могло ждать что угодно.

Ей было тошно и страшно. Звонить Рите и просить об одолжении бессмысленно – очевидно, что «подруге» будет не до нее. На такси денег не хватит. Лена уселась на лавочке, обхватила ноги руками и опустила лицо на колени. Никогда она не чувствовала себя такой одинокой и брошенной. Несмотря на все усилия, ей не удалось сдержать слёзы. Лена тихонько плакала, не зная, что с собой делать и как жить дальше. Не стоит думать, что причиной срыва была только Рита. Всё то время, что девушка находилась в Ставрополе, она испытывала на себе давление города и его обитателей, не в силах совместить свою натуру с сущностью этого нового мира. Множество маленьких обид, неудач и трудностей слились в один огромный ком неприятия, давящий на сердце как многотонный стальной пресс. Будто всё вокруг во что бы то ни стало решило изжить ее с лица этой земли.

То ли водитель так опаздывал по графику, что вёл машину в полдесятого вечера, то ли у него действительно было такое расписание, но нужный автобус прибыл через десять минут. Лена сразу оплатила проезд до конечной и устроилась на заднем сидении. Всё это время она продолжала плакать, но сонные и уставшие немногочисленные пассажиры не заметили этого. Чтобы хоть как-то привести себя и свои нервы в порядок, девушка достала наушники и принялась слушать музыку. Она очень любила инструментальную классику, особенно ноктюрны Шопена, которые недавно начала разучивать на занятиях. Помогло. Грудь уже ничего не сдавливало, ком в горле исчез, дышать стало легче.

Но слёзы никуда не делись. Лена беззвучно стучала пальцами по пластмассовой части сиденья, так, будто играла мелодию на фортепиано, слушала ноктюрны и думала. Мимо пробегали огни фонарей и квадратные пятна окон, сливавшиеся во множество линий света, впитавшего, казалось, весь спектр жёлтого и оранжевого.

«Мир пролетает мимо, а я остаюсь в тени...» – с грустью подумала Лена.

Через полчаса огни куда-то делись, оставив для проформы только редкие островки фонарных лампочек. В сравнении с центром этот район действительно напоминал бездну. И чем дальше, тем темнее, темнее...

Лену высадили у битого куска бетона, который, судя по дорожному знаку, являлся остановкой. Буквально на соседней улице, сразу после ближайшего проулка, находился ее дом. Чтобы отогнать страх, девушка включила фонарик – на пути не предвиделось ни одного источника света. К счастью, никого не было. Ни души. Впрочем, как и всегда. Но Лена не успокоилась до тех пор, пока не закрыла на засов калитку.

Устав физически и душевно, девушка не нашла в себе сил сразу зайти в дом. Сидя на ступеньках, она смотрела на ночное небо, порядочно засвеченное всем, чем только можно, и выуживала из оранжевой пелены звёзды. Ночью их было видно даже хуже, чем во время сумерек. Лена невольно сравнивала себя с этими звёздами, затерянными под завесой неживого света, но всё ещё пробивающимися сквозь такую серьезную преграду к ее взору. В очередной раз она вспомнила цитату: «Если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно?»

Стало прохладно. Конец сентября, летнее тепло давно куда-то уплыло. Лене хотелось поскорее принять ванну и зарыться в одеяло. Дать хоть какой-нибудь конец этому неудачному дню.

«Дома тепло. Дома уютно. Дома никого нет. Так хорошо...» – думала она, открывая дверь.

Включила свет в прихожей, машинально выскакивая из жмущих туфель. Развесив вещи на крючки, Лена осталась в одних джинсах и футболке. Не включая свет в других комнатах, она устало проследовала в ванну. Мягкий ворсистый ковёр приятно щекотал голые ступни. Тепло наполняло ее при каждом шаге.

«Как же хорошо дома!» – подумала Лена.

С полчаса она отмокала в ванной, оставив на стиральной машине смартфон с включенной музыкой. Сразу после ноктюрна до-диез минор Шопена заиграла *Lonely Day*. Песня по настроению оказалась как нельзя кстати. Не то чтобы девушка любила рок, тем более конкретно эту группу, но против мотива этой вещи она не смогла устоять. В глазах Лены всё вокруг дрожало и шаталось в ритм унылому незвучному голосу солиста, который иногда на удивление хорошо брал высокие ноты. Как ни странно, этот злобный и, казалось, обиженный мотив помог ей расслабиться.

Девушка утонула в невероятно мягкой двуспальной кровати и закуталась в одеяло, как в кокон.

«Или как в лаваш, хи...» – подумала она и посмеялась своей мысли.

Всё неприятное понемногу уходило, отдавая своё место сну. Четверть часа Лена листала ленту в «ВКонтакте» и просматривала сообщения. За весь день ей написал только один человек – Дима Ропот, парень из её села, который до сих пор поддерживал с ней связь.

Он написал «Как дела?» с час назад, а через сорок минут как по часам пожелал спокойной ночи. Сколько Лена ни обещала себе перестать отвечать ему, она не могла решиться. Это была чуть ли не последняя ниточка, после родителей, которая связывала ее с домом. Тем Самым Домом.

«Всё хорошо, спасибо! Я так рада, что ты мне пишешь! Спокойной ночи!» – написала Лена.

Он её любил. Она это знала, но как-то не придавала особого значения. Только в такие моменты усталости и грусти в ней просыпалось умиление и что-то вроде привязанности к «другу из прошлого». Он напоминал ей о тех временах, когда всё было проще. Помимо этого с ним можно было поговорить по душам и хоть немного открыться, чего нельзя было делать в обычной жизни. Она полностью ему доверяла и в каком-то роде даже берегла. Можно ли это было назвать любовью? А чёрт его знает...

Особенностью этого парня была удивительная способность подмечать настроение по электронному тексту. Через пять минут, когда Лена уже проваливалась в сон, Дима прислал вот что:

«Если тебе плохо, то это тебе поможет. Может, ты даже помнишь её, а? Ну, думаю, не помешает, во всяком случае. И помни – всё будет хорошо!» – написал он, разбавив текст смайликами, чтобы не казаться черствым.

К сообщению была прикреплена песня Amazing. Под неё девушка и заснула, с улыбкой, забыв о сегодняшних печалях.

Утро воскресенья всегда хорошее. Даже если суббота кругом и полностью выдалась тяжёлой. Так считала Лена и до сих пор в этом убеждении не разуверилась. Спросонья, ничего не соображая, она на автомате проковыляла на кухню. Спичка, пламя, чайник. Обычный утренний ритуал. Она страшно хотела свой любимый «Кёртис» с персиком, такой чай в треугольном пакетике. Пока чайник закипал, Лена нюхала этот самый пакетик. Ей нравился искусственный запах фруктов. Всё это время в наушниках играла песня, скинутая Димой вчера вечером. Раз в четвёртый Лена успела ее прослушать, когда раздался свист.

Девушка с ногами забралась на стул, укутываясь в тёплый халат, и принялась пить чай. Вчерашняя грусть вспоминалась Лене как страшный сон, кошмар наяву. Как после любого кошмара, она боялась нового его появления. Хотя, она это признавала, после срыва всегда так спокойно, легко, будто в один момент с нее свалилась огромная болезненная ноша.

Лена всё ещё пребывала в задумчивости. Но не такой, как вчера. Это была задумчивость другого рода, близкая самой Лене, знакомая ей с раннего возраста. Потихоньку она возвращалась к жизни, к тому самому живительному состоянию, которого не знала с момента переезда в город.

Она улыбалась и хихикала ни с чего. Иногда дыхание её прерывалось, и из глаз в этот момент текли слёзы. После очередного глотка чая Лена вдыхала полную грудь воздуха и неровно выпускала его. Со стороны это было похоже на истерику. Но, будь у наблюдателя хоть толика понимания, он бы увидел, что этой девушке хорошо. Так хорошо, как не было уже давно.

«Господи, какая я глупая и странная!» – думала Лена, смеясь.

Влажными от слёз глазами она смотрела в телефон и трясущимися пальцами набирала Диме (который был в сети) сообщение.

– Спасибо за песню! Она действительно мне очень помогла! Ты всегда вовремя мне помогаешь и приводишь в чувство, спасибо тебе за это! Серьёзно, ты сейчас один из самых близких мне людей, и я счастлива, что ты меня выручаешь!

Через минуту пришёл ответ.

– Рад, что смог помочь!

Лена в неизвестном ей порыве набрала «Я люблю тебя!». Но так и не отправила. Она сама не знала, почему. Вместо этого она послала улыбающийся смайлик.

Она слушала песню, которую добавит в любимый плейлист, и плакала. Она ни о чем не думала, мечтала и была счастлива. Больше ей ничего и не хотелось.

Антон ЛУКИН

Родился в 1985 году в селе Дивееве Нижегородской области. Окончил Ардатовский аграрный техникум по специальности «правовед».

Автор десяти книг прозы. Печатался в журналах «Нижний Новгород», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Южная звезда», в «Литературной газете» и других периодических изданиях. Лауреат премий им. Андрея Платонова, «Золотой Дельвиг», премии журнала «Север» в номинации «проза».

Член Союза писателей России. Живёт в Дивееве.

ПЁТР ГАВРИЛОВИЧ

*Петух красиво лёг на плаху,
Допев своё ку-ка-ре-ку,
И капли крови на рубаху
Брезгливо кинул мужику.*

Аркадий Кутилов

1

Митька сидит на сушилах, шмыгает носом, поглаживает левую ногу и тревожно глядит вниз. Во дворе гуляют куры. Рядом, красуясь разноцветным оперением, важно вышагивает петух. С него-то и не сводит злющих глаз парень. Не успел он выйти во двор, как тот вихрем набросился и успел клюнуть ногу. Стоило Митьке приехать к бабушке с дедушкой в гости, как у них с петухом завязалась война, в которой он, Митька, к несчастью, терпит поражение. Совсем не даёт проходу драчун. Заприметит – коршуном бросается, не отобьёшься.

Вот и сегодня Митька спросонья вышел из избы и, лениво протирая глаза, подошёл к рукомойнику. И только было хотел прогнать остатки сна, как ощутил резкую боль в бедре, оттого и шагнул в сторону. На него, выпятив грудь вперёд и приподняв гребень, наступал пернатый разбойник. Как ни пытался Митька отмахнуться полотенцем – ничего не вышло. С петухом было не справиться. Зато умудрился обжечь ногу о молодую крапиву, что росла у забора. Он пулей метнулся к сушилам, вбежал по лестнице и, поглядывая сверху на обидчика, стал думать, как бы того проучить.

Во двор вышла бабушка. Поправив на ходу платок, она развесила на бельевой верёвке дедушкины портки. Хотела было зайти в огород, как в её сторону бросились две взбалмошные курицы.

– А ну!.. Ишь, окаянные! – бабушка топнула ногой и прикрыла калитку. – Хитрые какие! И не углядишь!

Бывало, какая-нибудь дурная курица находила щель, проскальзывала в овощное царство и творила там неведомо что. Пернатых к тому же привлекала куча навоза. Забравшись на самый верх, куры расшвыривали его лапами в поисках жучков-червячков. Не прочь были пройти и вдоль грядок. Заприметив эдакое безобразие, бабушка брала

хворостину и, бранясь какими только можно словами, выпроваживала хулиганок, затем шла вдоль забора, внимательно выискивая дыру.

– Ба-а! – подал Митька голос.

– Аиньки! – отозвалась старушка. – Ишь, куда забрался! Оно тебе надо? Ступай в избу! Голодный ить!

– Ты одна?

– С кем мне быть?

– А дедушка где?

– Почто он тебе? – укрывшись от солнца ладонью, спрашивает бабушка. – Ни свет ни заря к Афанасию на конный двор утопал. Должен вот-вот вернуться.

Митька стесняется при дедушке ябедничать на петуха. Да и бабушке признаваться стыдно, что испугался какой-то там птицы. А слезать надо.

– И долго будешь там сидеть? – ворчит бабушка, в огород идти передумала. – Яичницу пожарила. На блинах ещё жар сковороды. С молочком-то, а! М-м-м, – качает головой. – Ступай. Нечего на пустой желудок игру затевать.

За эти несколько дней, пока Митька гостит в деревне, он хорошо пригляделся к своему обидчику, которого соседские мужики в шутку величают Петром Гавриловичем. Спросите: отчего такие привилегии петуху? Ответ простой: за его бойкий характер. Не раз приходилось заступаться тому за курочек своих. Как наседка оберегает цыплят, так и Петя в обиду подруг своих никому не даёт. Выпустит бабушка кур со двора – те и рады погулять возле дома. Где какого жучка-червячка в траве найдут или в пыль усядутся и будут полдня, как барыни, нежиться под солнцем. Петух рядом стоит, не мешает, но и глаз держит строго. Где вдруг какая опасность – камнем бросится, не подпустит. С собаками и с теми драку заводит. Соседскому Мухтару бока так исклевал, что тот теперь при виде Петра Гавриловича обходит кур стороной, поджав трусливо плешивый хвост. Петухи и вовсе клюв не кажут – избегают встречи, как солома огня. Козёл еремеевский, огородный преступник, тоже однажды попал под раздачу. Сам Еремей – мужик пьющий, вредный. И скотина его такая же – наглая. Чуть что – и в чужие огороды! Знает, где поживиться можно. Как ни ругайся с Ерёмой, как ни прогоняй козла – обоим побоку. На слова и брань и бровью не ведут. Как-то раз козёл решил забраться к Митькиному дедушке Гаврилу Ивановичу в огород, испробовать свежей капусты, но сильно об этом пожалел. С громким меканьем выбежал рогатый на улицу с петухом на спине. Вцепился пернатый мёртвой хваткой и барабанной дробью что есть сил принялся клевать козью шкуру. Так и бегал козёл по деревне людям на потеху. С тех пор свою бесстыжую морду не суёт куда не следует. Быстро отвалился. Народ в деревне в благодарность, но больше шутки ради стал Петю величать Петром Гавриловичем.

– Гаврил Иванович, едрён карась! – хвалили мужики. – Какого атamana взрастил!.. Молодец!

Людей Пётр Гаврилович не трогал и жил со всеми мирно. Знал, что ни ему, ни его курам ничего плохого человек не сделает. И Митьку бы, наверное, не трогал тоже, если бы тот первый не стал задиаться. А дело было так. В день приезда бабушка накрыла стол и накормила любимого внука от пуза. Выйдя во двор, Митька обнаружил, что его футбольный мяч, который он привёз из города и оставил у крыльца, был отмечен курами.

– Кто?.. Кто это сделал? – ругался Митька с пернатыми. – Я вас спрашиваю!

Пётр Гаврилович за всем этим наблюдал со стороны с большим удивлением. Зачем, мол, так орать? И когда осторожно шагнул к человеку, тот запустил в него мячом. Такого унижения петух простить не мог. Потому-то и не даёт теперь Митьке покоя.

Бабушка двинулась к дому.

– Постой! – окликнул её внук.

– Чего ты? – обернулась старушка. Рядом гулял петух. – Опять?

Митька спустился вниз.

– Чего он у вас какой?.. Проходу не даёт.

– Я от покажу счас, как крылья распускать. Ишь, поглядите-ка. Хозяин выискался, – старушка загнала петуха в сарай. – Вот и сиди теперь, думай над своим поведением.

– Нечего вообще выпускать, – обрадовался Митька и с бабушкой вошёл в дом.

После завтрака Митька отправился гулять. Нравилось ему у бабушки с дедушкой в гостях. Лето здесь особенное, не то что в городе. Машины не шумят. Никто не галдит, хоть и занят каждый своим делом. Тихо. Спокойно. Никто в суматохе не носится туда-сюда сломя голову, не мельтешит перед глазами... Окинешь улицу взглядом – вся как на ладони. Серая дорога, по обе стороны – дворы, голубое небо, пушистые облака... У колонки, где стоит таз с водой, кучкуются гуси. На пригорке пасётся рыжий телёнок. Щебечут птицы. Откуда-то доносится лёгкое поросычье похрюкивание. Пахнет соломой, навозом и тёплой пылью.

Митька держал путь к Володькиному дому, хотел позвать того купаться.

2

Митька и Володька дружат не первый год. Познакомились, когда Митька впервые навестил бабушку с дедушкой. Володька – шустрый малый. Всё ему интересно и обо всём на свете непременно нужно знать, и похулиганить никогда не откажется. Худой, юркий, рыжий. Волосы редкие, растрёпанные, будто костёр полыхает. И веснушки по всему лицу так и пляшут, особенно у носа. Бабушка сказала как-то, что его солнышко любит.

– Будешь сливу? – предложил Володька при их первой встрече и протянул Митьке две. – Городской, что ли?

– Ага, – тот взял сливы.

– Я и гляжу. Я городских сразу распознаю, – улыбнулся и добавил: – У старика Афанасия сливы – во! – показал большой палец. – Будет ружьём пугать – не бойся. Оно не заряжено и давно уже не годно.

– У нас тоже есть сливы. И тоже вкусные. Идём, угощу, – предложил Митька.

– То свои, а то... Или трусишь?

– Нет, – растерялся Митька.

– Все вы городские... хитрые, – сказано это было как вызов: не пой-ти нельзя.

С первыми сумерками Митька с Володькой отправились «огородничать». Осторожно перелезли через забор. Сад у старика Афанасия был действительно хороший. Яблони, груши, вишни – деревце к деревцу

аккуратно посажены в ряд. И, как нарочно, слива росла у самого дома возле крыжовника и прочих ягод.

– Может, ну её? Лучше яблок нарвём, – предложил Митька.

В свои восемь лет он «огородничал» впервые, и ему было не по себе: с каждым шагом по спине бежал противный холодок и поджимались колени.

– Так неинтересно. Идём, не бойся, – поманил рукой Володька и предупредил: – Только ветви не ломай, а то попадёт.

Осторожно подкрались к сливе. Рыжий хулиган тут же стал набивать карманы плодами. Митька с опаской водил головой по сторонам, наконец решился. И только он ухватился за сливу, как наткнулся взглядом на старика: тот стоял в окне и грозил пальцем. Митька с перепугу закричал на всю ивановскую и бросился в другой конец сада, выбежал на огород, налетел на пугало.

На крыльце появился хозяин сада.

– Я вот вам, пострелята! – кричал старик Афанасий. – Уши вмиг надеру!

Митька сломя голову бросился через весь огород прямо по грядкам, пока не наткнулся на забор и не скрылся из виду. Чуть позже его ждала встреча с соседом и неприятная беседа с бабушкой.

Утром Митька вновь повстречал Володьку. Фиолетовое и чуть опухшее ухо его бросалось в глаза.

– А-а, – не дожидаясь расспросов, сказал паренёк. – Батя надрал. Он, когда выпьет, строгий. Вчера принял малость. Успел где-то. А ты думал старик? Фигульки. Он только ябедничать может да ружьём пугать. А чтобы оплеуху выписать – трусит, – и Володька важно добавил: – Проверено.

– В другой раз лучше у нас сливы нарвём. Бабушка не против. И смородина есть, – сказал Митька, не сводя глаз с огромного Володькиного уха.

– Ничего ты не понимаешь, – рыжий улыбнулся и, протянув ладонь, представился: – Владимир.

– Дмитрий, – пожал ладонь Митька и тоже улыбнулся: такое дело провернули, а как зовут друг друга... не спросили.

Так и подружились.

3

Митька застал Володьку дома, и друзья решили пойти купаться.

Река шумела, извивалась и петляла, словно змея. С обрыва хорошо было видно горизонт. За рекой виднелись засеянные пашни и кромка леса. Прищуришься – цвета переливаются на солнце. Синие, жёлтые, зелёные... Будто художник невидимый бросил на холст краски, и имя этому художнику – лето. На смену ему придёт другой творец, всё озолотит в округе своей кистью.

Володька быстро разделся и важно подошёл к обрыву. Рыжая шевелюра горела на солнце пламенем: поставь кастрюлю – закипит. Володька гордится своим цветом волос. «Рыжих солнце любит. И удача всегда с нами», – говорит он бабушкиными словами. И когда смеётся, а смеётся он звонко, как колокольчик, веснушки у его носа весело пляшут.

И загар у Володьки что надо. Спина, грудь, ноги – шоколадные. Наверное, он и зимой такой же. Митька вспомнил, как в позапрошлом году в первый же день приезда обгорел на солнце. Вечером бабушка

обмазала его сметаной, укоризненно приговаривая: «Торопясь только лоб разбить можно».

– Я... как Володька хотел, – оправдывался Митька.

– Додумался, – подобрела бабушка. – Рази за ним угонишься! Он всё лето нагишом носится. Что ему солнце раскалённое? Как гусю водица.

– Ничё, – возразил дед. – К школе и наш будет как головёшка.

И правда! Когда уезжал Митька в город, загар на нём лежал ровненько, гладенько, как заасфальтированная дорога.

У самого обрыва росла ива. К её толстой ветке была привязана тарзанка. Володька отважно свистнул на всю округу, ухватился ладонями за палку, хорошенько разбежался и взмахнул над рекой, словно птица.

– Э-ге-гей! – прокричал Володька, хлопнул на лету в ладоши и «солдатином» вошёл в воду.

Володькины прыжки – это отдельный вид искусства. Митька всегда дивился его ловкости. Лучше всех он лазит по деревьям. Бегаёт – не угонишься. Если надо, он тебе и в нору залезет, и на лошадь взберётся. Казалось бы, что может Володьку испугать? И всё же кое-что было. Володька боялся грома – Митька это давно заметил. Только чуть небо начнёт хмуриться, как вместе с ним и Володька. Съёжится, будто украл чего, даже веснушки в эту пору на лице его перестают веселиться и тоже кажутся сердитыми.

Был у них однажды разговор.

– Счас ка-ак загремит!.. – пугал Митька. – Тучи какие! Аж почернело всё.

– Пошли домой.

– Подумаешь, дождь, – хвастался Митька. – Я и молнии не боюсь. Гуляю по улице, и хоть бы хны.

– Ну и дурак, – сердился Володька. – В районе мужика одного молния стукнула. Говорят, ума напрочь лишился. И силы его покинули. С ложечки кормили. А в Яблочный Спас помер... Вот и гляди.

И не дожидаясь грома, Володька, нахлобучив кепку по самый нос, всегда спешил в укрытие.

– А ну, подсоби, – Володька крепко держится за тарзанку.

Митька взял его за ноги и оттянул назад как можно дальше. Отпустил. Паренёк торпедой рассёк воздух и затем коршуном полетел вниз. Бульк! Круги ровно пошли по воде. Красиво вошёл!

Накупавшись вдоволь, друзья растянулись на тёплом песке, как морские тюлени.

– Я здесь, – Володька показал рукой на реку, – этой весной щуку поймал. На пять килограмм.

– На сколько?

– На пять! – возгордился рыжий. – Еле вытащил. А икры в ней... Пожаришь – пальчики оближешь. Батя жарил.

– Съел?

Володька кивнул:

– Отец, когда выпьет, пожрать любит.

– Так ведь... это... браконьерство вроде как, – сказал Митька. – В икрёмёт рыбу удить...

– Чепуха, – отмахнулся Володька. – Что ж я теперь на своей реке и половить не могу? Кто мне запретит?

Митька посмотрел на друга. Тот, засунув в рот травинку, разглядывал песок. А ведь действительно, живёт мальчишка двенадцать лет в родной деревне, ходит в школу, играет в футбол. Он неотъемлемая

часть этого уголка. Зимой катается на коньках по реке, весной на этой самой реке ловит рыбу. И кто ему запретит? В этих местах она, река, и правда его, мальчишки того, как и других жителей. Вот если бы он, Митька, поймал ту бедную щуку в икромёт – тогда да, это было бы преступлением однозначно. Потому как нечего совать свой нос в чужие угодья. А Володьке можно, он – свой.

– Дедушка здесь как-то сома выловил. С меня ростом, – Митька тоже решил похвастаться.

– Там дальше, – Володька показал рукой, – омуты – излюбленное место сомов.

– И такие большие?

– Разные. Есть ещё больше тебя. Как два тебя. А то и три!

– Ого. Такой проглотит и усом не поведёт.

– Чего?

– А ты не знал? Сом – та же акула. Схватит за ногу, утащит под воду, засунет под корягу до лучших времён. А как проголодается, съест.

– Городской... – Володька расплылся в улыбке.

– Чего ты? – возмутился Митька. – Отчего люди тонут и пропадают в реках? Проглотит сом, и поминай как звали.

– Водяные их утаскивают. На самое илистое дно. А русалки им в этом помогают. Заманивают.

– Ты серьёзно? – Митька в сомнениях. – Сказки всё это.

– Бабка Матрёна сказывала. А ей врать ни к чему. Много чего знает и чего повидала. Даже с колдунами дело имела, – сказал Володька и оглянулся. – А русалок здесь и правда много.

У Митьки загорелись глаза:

– Неужто видел?

– Не так-то их легко застать врасплох. Хитрые. Остерегаются нашего брата. Знают, ничего хорошего от человека не жди. А ежели и заметит кто и убежать не успеет – всё... Пением своим заманят в реку и потопят, – поведал Володька. – А такие, как ты, будут потом трезвонить, что сом проглотил. А сом и делов не ведает.

– По телевизору говорили...

– Там и не такое скажут, – усмехнулся Володька. – Ты меня слушай. Я эти места вдоль и поперёк знаю. Лучше всякого телевизора.

– А ежели и нас с тобой за ноги схватят и уволочут в своё царство речное? – немного поразмыслив, сказал Митька.

– Нужны мы им, как же! – отмахнулся Володька. – Им женихов подавай. А с нас что взять? В дневнике и те двойки.

– Зато я пою неплохо.

– Там таких певцов... – сказал Володька. – Слышал стоны под водой?

– Какие стоны? – Митька насторожился.

– А я слышал, – приятель выплюнул травинку, лёг поудобнее на бок. – Играли мы как-то раз у малого пляжа с ребятами в догонялки. Погнался за мной Пашка Цапля. Плавает, как теплоход. Полреки занимает. Руки в стороны растопырит, попробуй убеги от такого. И решил я, значит, под ним проплыть. Занырнул на самое дно, плыву, грудью касаясь песка, и вдруг слышу, как кто-то плачет...

– Плачет?

– Ну да, плачет, – кивнул Володька. – Прислушался. Так и есть: кто-то жалобно стонет. Мне не по себе стало. Хотел было вынырнуть, как стон этот вдруг на смех перешёл. И слова доносятся непонятные. Одно разобрал и запомнил: «Ягай».

– Ягай... – эхом повторил Митька. – Что это?

– Не что, а кто, – поправил Володька. – Сам я не ведал. У бати спросил, а тот и говорит, что жил здесь давным-давно мужик один по прозвищу Ягай. Браконьерничал страх как! Уж и ругали его мужики, и грозились побить – всё ему нипочём. А в купальскую ночь пошёл сети глядеть и сгинул. Нашли, говорят, после самого в сетях запутанного. А по всему телу синяки от пальцев. Защекотали бедолагу до смерти.

– Русалки? – догадался Митька.

– Так это их любимое развлечение, – со знанием дела подтвердил друг. – А он додумался тоже... На Ивана Купалу к реке сунулся один. Когда вся нечисть в эту ночь пирует. Русалки и подавно, – Володька потёр веснушчатый нос. – Видишь, как бывает. Самому себе на погибель сети приготовил.

– Я теперь в воду ни ногой, – выпалил Митька.

– Не трусь. Ничего они тебе не сделают, – успокоил Володька. – Тем более городскому.

– А это при чём здесь? – Митька даже обиделся. И правда, чем он хуже?

Но Володька на вопрос не ответил, вместо того продолжил:

– Лешие, водяные, кикиморы... Если не сталкивался с ними, то это не значит, что их нет. Другие нарочно ближе к человеку ютятся. Банник, скажем. Этот в банях живёт. Хорошего хозяина в жизнь не тронет. А вот лентяю спуска не даст. Натаскал воды мало, плохо баню протопил – жди неприятностей. Ущипнёт банник невзначай или – того хуже! – ошпарит. Он и у меня мочалку прятал. Оглянуться не успел, а её уж и след простыл. Искал её, искал – нет нигде. А утром сунулся – на гвозде висит, как ни в чём не бывало.

– У меня носки так пропадали, – признался Митька.

– Домовой, – заверил Володька. – Его рук дело. Этот тоже хулиганить мастак.

Парень перевернулся на спину и принялся любоваться облаками.

Митька тоже уставился в небо, задумался насчёт сказанного.

«Почему бы и нет? – подумал. – Если уж учёные во все голоса твердят, что инопланетяне существуют, то уж леший с кикиморой болотной – и подавно. Может, они и есть одни из иноземных существ? Кто знает? Спустились на Землю и по какой-то там непонятной причине воротиться обратно не могут. Вот и кукуют здесь, превратившись с годами в ворчливого старика и неугомонную старуху. Никто их не видит, но заблудить в лесу или утянуть в болото могут. Сами заплутали среди космических миров и честным людям покоя не дают».

Затем Митькины мысли переключились на бабу Матрёну. И Матрёна, старушка эта, обманывать не станет, решил он. Если говорит, что так есть, – значит, правда. Добрая она, почти не слышит – приходится кричать ей на левое ухо. Володька говорит, что она и по губам читать может. Каждый раз при встрече Матрёна пытается угостить ребятишек пирогом или конфетами. Володька возьмёт один пирог, чтоб не обидеть, – больше не берёт и Митьке не позволяет. Нечего, мол, бедную старушку объедать. Да разве с двух-трёх пирогов с неё убудет? Их потому и пекут, чтобы угощать. Пирог – это тебе не каша и не суп с луком. Пирога много не бывает. И даже когда сытый, всегда можно прихватить с собой на всякий случай. Сунул в карман – и шагай дальше по своим делам. Но Володьку не переубедить. Если что вбил в голову, так тому и быть. Хуже самого упрямого осла!

Вспомнил Митька и про свою бабушку, которая сама баловала внука выпечкой, но то – дома. А так, если гулял да мимо пробежал – попробуй-ка забеги в дом и возьми пирог! Увидит бабушка, подумает, что парень проголодался, и через силу накормит. И пока всё не съешь, из-за стола не выйдешь. «Тебе чаю налить аль молока?.. Всё сытнее, – захлопочет, заворчит Митькина бабушка. – Кушай за столом. Нечего по деревне с едой носиться. Все карманы в крошках! Ишь, нас с дедом срамишь! Дома тебя, что ли, не кормят! Поди не беспризорная душа».

А ещё бабушка Митьки была упрямой! Наверно, не меньше, чем Володька. Её было сложно в чём-то переубедить. И прыткой она была и шустрой. Порой Митька удивлялся, как она везде всё успевает! Маленькая, худенькая, а всё у ней чин-чинарём. Чистенько, убрано как во дворе, так и в избе, и на плите. Всё по полочкам, всё аккуратненько. Если Митька в комнате не уберётся, мама после работы вечером заглянет, сядет уставшая на диван и ворчливо вздохнёт: «Сил моих больше нет». А бабушка никогда не ворчит. И силы у неё всегда есть, даже под вечер без дела не сидит. То крупу за столом перебирает, то вязать возьмётся. И ничего, не жалуется.

Каждый раз, когда Митька глядел на бабушку, в голове рождалась мысль, что в детстве она была девчонкой шустрой. Бегала, поди, так, что не угонишься! И плавала лучше всех, даже лучше Володьки.

Митька посмотрел на друга, задумался: интересно, каким Володька будет в старости? Тоже, поди, как Митькина бабушка, будет весь в делах и со всеми спорить. Ни секунды Володька на месте не просидит. Рыжий цвет его, конечно, с годами скроет седины. А вот прыткость останется. Наверняка!.. А каким будет в старости он, Митька? Вопрос хороший. Митька попытался представить себя. Так же красочно обрисовать картину, как с Володькой, не получалось.

Поблизости слышались чьи-то голоса и шаги. К реке вышли Жорик и двое его дружков. Жорику шёл четырнадцатый год, рос он безотцовщиной. Может быть, поэтому быстро отбил от рук и не слушался взрослых. Пороть Жорика некому и мужской наказ дать тоже... Многие мальчишки его побаивались за дурной характер. Своё мнение Жорик всегда отстаивал кулаками, и не важно, прав он или нет. А то и просто так по уху даст, потому что плохое настроение. Ходил Жорик постоянно в садинах и синяках, говорил со всеми на тон выше.

– Лежит-полёживается... – обратился он к Володьке. – Бегай, ищи его.

– Сдался я тебе, – обронил Володька, не поднимая головы.

– Значит, сдался, – повысил Жорик голос. – Вставай, если не трусишь.

– Чего?

– Я лежачих не бью, – добавил Жорик.

Володька поднялся, отряхнул ноги, подошёл к ребятам:

– Ну?

– Ты кобеля моего пнул? – предъявил Жорик.

– Из рогатки он его, прямо в ухо, – из-за его спины подсказал один из приятелей.

– Ну? Было дело? – напирал на Володьку Жорик.

– Чего он у тебя на всю округу горланит? – спокойно ответил Володька. – И днём и ночью покоя нет. Блохи, поди, заели, да помыть некому... На людей бросаться стал. Наверняка уже жаловались.

– И чё? – раздул ноздри Жорик.

– Утихомирил бы! – посоветовал Володька. – Будет и дальше на прохожих скалиться, хребет быстро кто-нибудь сломает. Найдётся увесистый сапог. Мужики у нас, сам знаешь, терпеть не станут.

Сжав кулаки и прищулив глаза, Жорик молчал: не знал, что ответить. И эта беспомощность разжигала огонь неприязни ещё сильнее.

Володька было направился обратно, но рассерженный такой беседой Жорик с приятелями набросились на него. Завязалась драка.

Митька стоял в стороне и наблюдал за тем, как трое бьют одного. Володька увёртывался как мог, сам наотмашь лупил неприятелей, но силы были неравные. Мальчишки спустили его с обрыва и победно захохотали.

Подошли к Митьке.

– Молодец, что не вступился. Не надо тебе это, – сказал Жорик и похлопал Митьку по плечу. Затем с друзьями направился обратно в деревню.

Митька глядел им вслед. Жалость, трусость, неприязнь к самому себе – всё это сейчас остро ощущалось и угнетало. Почему не вступился?... Не его это дело?... Когда бьют твоего друга, да ещё втроём, – это не может не касаться и тебя. Значит, проявил Митька самую настоящую трусость, не искупить её просто так. Утраченные уважение и доверие нелегко завоевать заново – такие моменты надолго запомнятся и сидят в душе занозой, порой всю жизнь. Митька сейчас это хорошо осознавал и как никогда боялся встречи с Володькой – боялся заглянуть ему в глаза, боялся справедливого ругательства или – того хуже – презрительного молчания. Появилось сильное желание убежать, скрыться, провалиться сквозь землю. Впервые в жизни Митька ощутил этот омерзительный привкус... привкус предательства. Когда предали не тебя, а ты сам. Это чувство намного противнее. Глубоко оно забирается в душу, гниёт изнутри и долго будет не давать покоя. Митька уже знал это и сильно сожалел о случившемся... Трус! Негодяй! Предатель!.. Хуже девчонки!

Митька вспомнил слова дедушки: «после драки кулаками не машут». И стало ему ещё тягостней.

Появился побитый Володька – подошёл к одежде, которая горкой валялась на берегу. Не проронив ни слова, он взял одежду и, не посмотрев даже в Митькину сторону, поковылял к дому. Митька хотел попросить прощения, сказать хоть что-то в оправдание, но язык будто намертво пристыл к нёбу, – хотелось сгореть от стыда. На душе было плохо.

4

Митька в одиночестве побрёл в сторону деревни, но остановился у колхозного пруда. Уселся на бережок. Так и сидел, бросая камушки в воду. В деревню идти не хотелось. Там уже, наверное, о трусливом поступке его разузнали все, в том числе и бабушка с дедушкой.

«Как же так? – спросит дедушка. – Рази этому мы тебя с отцом учили? Чтoб ты друзей своих верных предавал?»

«Не уберёг ты нас на старости лет от позора такого, – вздохнёт бабушка. – Как к людям теперь выйти, как в глаза им глядеть?»

«Пушай домой едет, в город свой, – скажет дедушка. – Хотя и там предатели не нужны. Труссы нигде никому не нужны».

Митька с силой запустил очередной камень в воду. Тот громко плюхнулся и скрылся из виду, оставив после себя большие круги. Размышляя над сегодняшним поступком, он вспоминал, сколько весёлых интересных дней они с другом прожили вместе. И как же хорошо было им!...

Володька, конечно, никому не скажет, не такой он мальчишка, чтоб трезвонить направо и налево о своём бывшем друге. Ну струсил... Ну с кем не бывает? Митька призадумался. Нет, не верно. С Володькой такого бы не случилось. Окажись он, Митька, на его месте, тот, не раздумывая, ввязался бы в драку. Вон он как отважно сражался против троих – не поджал трусливо хвост, не пытался убежать и даже о помощи не крикнул, – бился до последнего. Нет, Володька Митьке не под стать: с этим парнем смело можно идти в разведку – не подведёт.

Припомнилось Митьке сегодняшнее собственное размышление, когда представлял, каким Володька будет в старости. А сам он, Митька, каким?... Сейчас в воображении паренька предстал худенький, скверный и пугливый старичок. Он всё время оглядывается по сторонам и боится каждого шороха, ни с кем он не дружит, потому что все его презирают от мала до велика. Малышня и та со смехом зовёт Иудой.

Митька сгрёб ладонью горсть камушков и со злостью запустил их в пруд. Те дробью разлетелись по воде.

Нужно ехать домой, в город. Сегодня же Митька попросит бабушку, чтоб посадила на вечерний автобус, и больше он сюда не вернётся. Никогда. Да. Только что говорить бабушке? Правильно ли это будет? Возможно ли от себя убежать? Нет. Понял Митька: и в городе тоже будет преследовать это ужасное чувство. Никуда от него не скроешься, никуда не денешься. С этим теперь как-то нужно жить.

А может, пойти к Володьке и извиниться? Митька задумался. Даже как-то легче стало на душе от этой мысли. А простит ли? Станет ли вообще слушать и разговаривать?

5

Митька припомнил, как в прошлом году он привёз из города старый бинокль. Отец разрешил взять с собой: ему он был не нужен и без дела стоял на полке. Володька пришёл в полный восторг.

– Вот это вещь! – хвалил он, не выпуская из рук драгоценную игрушку. – Ночью Луну разглядывать будем.

– Зачем – Луну? – не понял Митька.

– Давно хочу узнать, кто там на ней живёт, – пояснил Володька.

– Далеко так бинокль не возьмёт, – предположил Митька. – Телескоп нужен.

Володька будто усомнился:

– Пробовал?

– Нет, – пожал плечами Митька. – Как-то в голову не приходило.

– Не знаешь, а говоришь, – Володька направил бинокль на крону дерева. – Разглядим. Никуда она от нас не денется. Вдоль и поперёк изучим.

– Как ты её с обратной стороны изучать собрался?

Володька разглядывал дерево, улыбался:

– Каждый листочек как на ладони. Даже паука присмотрел. И паутину егошнюю. Во прибор! – показал большой палец.

– Ну... я не знаю, – всё ещё сомневался Митька.

Володька запрокинул голову, будто сквозь пелену облаков уже изучал невидимую Луну. Вынул из кармана свиной клык, пообещал Митьке:

– Отдам не глядя, если ничего не выйдет.

– Зачем он мне?

– Девчонок пугать. Знаешь, как визжат, даже старшеклассницы, – Володька засмеялся. – Не у каждого такой клык есть, а в городе и по-давно. Покажешь в классе – ребята обзавидуются, – и, поразмыслив, добавил: – Забирай так. Я себе ещё раздобуду.

Вечером друзья отправились к Володькиному дому. С его чердака удобнее забраться на крышу и скат не такой крутой – не так страшно. Митькины бабушка с дедушкой уж точно не позволили бы им забраться невесть куда, да ещё ночью. А здесь, у Володьки, никто и не ведаёт, чем друзья занимаются, даже родители. Володька знает, как незаметно пробраться на чердак.

– Ну вот, – сказал он, – отсюда мы шагов на тридцать ближе к Луне. Уже плюс.

«Почему на тридцать? – подумал Митька, посмотрев вниз, и решил для себя: – Наверное, Володька считал шаги, пока мы шли по коридору и взбирались по чердаку».

Показалась соседская девчонка Варька.

– Чего это вы там делаете? – спросила она.

– Домового из трубы выманиваем, – улыбнулся Володька.

– Так я и поверила. Ври больше.

Мальчишки захохотали.

– Неужто бинокль? – углядела девчонка у них в руках прибор.

– Ишь, глазастая, – сказал Володька.

– Ещё какая, – не обиделась девочка. – Иголку в стоге сена найду. Дайте бинокль поглядеть.

Володька нахмурил бровь:

– Ещё чего.

– Вам жалко, что ли? – не отставала Варька.

– А если сломаешь? – Митька тоже для приличия сделал серьёзный вид.

Девчонка вмиг нашла, чем возразить:

– Так что, он у вас игрушечный, что ли? Из пластмассы?

– Варька! – Володька попытался осадить её. – Вот всегда так: где что случись – и ты рядом.

– Виновата я, что ты напротив нас живёшь, – будто оправдываясь, сказала девочка и вдруг вспомнила: – А хотите, я сгущёнки принесу? Мамка наварила.

– Нужна нам твоя сгущёнка. – Володька важно прошёлся по крыше, как пират по палубе корабля. – Этим нас не удивишь.

Варька ладонью подпёрла подбородок, призадумалась:

– Тогда... тогда я вам свой секретик покажу. Только вам двоим...

– Какой такой секретик? – заинтересовался Митька.

– Утром узнаете, – пообещала девчонка.

– Ладно, – как будто нехотя согласился Володька и тут же добавил: – А сгущёнку свою, так уж и быть, неси. И сама к нам взбирайся.

Варька побежала домой, а Володька быстро спустился на землю, поджидая соседку. Когда она вернулась, оба забрались на крышу. Варька не обманула: принесла литровую бутылку сгущёнки. Мальчишки принялись за лакомство. Бинокль, как у отважного морепроходца, висел у Володьки на груди.

– Вкусная, – похвалил Митька сгущёнку. – Никогда не пробовал такой – в бутылке из-под лимонада.

– Мамка на продажу наварила, – пояснила Варька. – Утром в район собралась. На рынок.

– Недосчитается одной!

– Не хватится, – успокоила Варька. – Много наготовила. Одна где затеряется – и не заметишь.

– Хорошо, когда корова своя, – по-деловому рассуждал Володька. – Молока хоть отбавляй. И творог свой. И сметана с маслом. И сгущёнки вари сколько душе угодно!

– Ага. А сена сколько надо!.. Сенокос никто не отменял! – подхватила девочка. – Уморишься. Это тебе не огород полить.

– Много сена надо? – спросил Митька.

– Мы ещё кроликов держим, так что много, – вздохнула Варька. – Ушастые тоже не меньше коровы любой едят.

За разговором не заметили, как на небе появилась Луна. Володька поднёс бинокль к переносице и принялся внимательно изучать спутник Земли.

– Ну? – выдохнул Митька, которому не терпелось перехватить бинокль.

– Подожди, – не сразу ответил друг.

– Чего там? – Варька тоже уставилась в небо.

Володька долго смотрел через бинокль на Луну, чего-то ждал затаив дыхание, на вопросы не отвечал, лишь дёргал плечом в ответ на тычки ребят, а сам будто боялся шелохнуться. Наконец тихо, растягивая слова, произнёс:

– Во-о-от они...

– Кто? – тревожно шепнула Варька.

– Дай посмотрю! – Митька опять потянулся к биноклю.

– Не спеши, – Володька повёл плечом. – Ты гляди, чё творят...

– Чего?

– Маршируют... как оловянные солдатики, – как-то спокойно отвечал Володька. – Митинг, что ли, у них?

Варька не выдержала: взявшись за бинокль, потянула его на себя – и Володькина шея с ремешком наклонилась в её сторону. Затаив дыхание, девочка принялась разглядывать Луну.

– Где митинг? Никого не вижу.

– Лучше смотри.

– Да нет никого, – расстроилась соседка.

– Мне!.. Мне дайте! – крикнул Митька.

Володька снял со своей шеи бинокль и протянул прибор другу.

– И правда, Луну и то плохо видно. Где там солдатики на митинге? – в Митькином голосе слышалось разочарование.

На улице было тихо, только кузнечики стрекотали. Летняя ночная тишина особая – приятно пугающая. Задохнуться можно от такой тишины. Сядешь на лавку эдакой ночью – и будто один ты во всём мире, и нет до тебя никому дела. А утро ещё так далеко! И все заботы и проблемы в сторону отходят, будто и нет их больше. Вся суета, все невзгоды дожидаются светлого дня. А ночью... В эту тихую лунную ночь ты один на земле. Только букашки стрекочут в траве, только ночная птица пролетит, выискивая кого-то. Ночью и думается лучше, спокойнее.

– Кто там был, на Луне? – не унималась Варька. – Как выглядели хоть? Зелёненькие?

Володька не ответил. Молча забрал у Митьки бинокль, вновь установился в небо.

– Плясать стали, – погода немного, сказал. – Праздник, видать, какой у них. А один... Вот... вот... вот... – Володька регулировал кратность бинокля. – Точно, тот один на скрипке играет.

– Врёшь! – выпалила Варька, опять хватаясь за бинокль. Она с жадностью уставилась в ночную темноту звёздного океана. – Ну нет же никого!

– Не видишь, это не значит, что нет, – невозмутимо сказал Володька. – Может, их только и могут разглядеть... избранные.

Внизу у дома уж минут десять как появился Варькин брат Степан. Он стоял у самого забора и подслушивал разговор, пока его не заметили.

– Тебе чего здесь надо? – крикнул Володька, высмотрев с крыши Степана.

– Варька, ступай домой. Мать зовёт! – не ответив, велел тот сестре.

– Зачем? – подала голос девочка.

– Ты сгущёнку утащила? – строго крикнул Степан.

– Вот ещё, – пробовала отпереться та.

– Не хитри. Я всё видел! – напирал брат.

Были они с Варькой из двойни. Но настолько разные! Не похожи совсем ни лицом, ни тем более характером.

– Наябедничал уже, – вздохнула Варька и собралась спускаться с крыши.

– Покажешь завтра секрет? – напомнил ей Митька.

– Обещала же, – улыбнулась та.

Митька посмотрел на Володьку: тот, по-прежнему наблюдая за Луной, всем своим видом выказывал, что причастен к какой-то тайне, доступной только посвященным. Правда, кого он там увидел? Или забавы ради пытался их разыграть? Пойми его... Кто их, рыжих, знает?

– Варька! Варька-а!.. – со двора вновь раздался голос Степана.

Володька обернулся и заметил возле входа на чердак притихшую девочку. Деваться некуда: надо отправить её домой, иначе брат не отстанет. И Володька помог ей спуститься с крыши.

Ночь опять окутала друзей, оставшихся вдвоём, тишиной и свежестью. Мальчишки ещё чуток посидели под Луной и тоже отправились по домам.

А Варька не обманула! На следующее утро повела ребят показывать свой секретик. Шли на окраину села к старому колодцу. Когда-то там стояла изба, но хозяева умерли, дети с внуками разъехались по городам. Без присмотра она и сгорела. Мешал кому дом тот, или какие другие обстоятельства – ребята не ведали. Давно это было, место бурьяном поросло. И лишь прогнивший колодец напоминал, что и здесь когда-то люди брали воду.

Именно туда и протоптала едва приметную тропку Варька.

– Всё, пришли, – улыбнулась девочка, глаза её загадочно засияли. – Только вам двоим показываю. Храните секретик в тайне!

Варька присела на корточки и ладонями указала на тайник. Это была неглубокая ямка, в которой хранились алые бусы, синие камушки, бумажные модницы, вырезанные со страниц женских журналов, губная помада, заколка, обрывок открытки с изображением моря, дюжина почтовых марок. Тайник был укрыт зелёным стёклышком от лимонадной бутылки и утрамбован по краям землёй.

Варька вынула бусы:

- Красивые, правда?
- Так и знал, что ничего серьёзного, – буркнул Володька. – Девичьи штучки.
- Я вам секретик открыла, а вы... Неблагодарные, – обиделась Варька.
- В самом деле, чего ты? – Митька протянул другу почтовую марку. – Отец такие в детстве коллекционировал. Говорил, редкие экземпляры больших денег стоят.
- Можете взять по одной, – разрешила Варька.
- Мальчишки принялись выбирать лучшую, по их мнению, марку.
- Ага! – выкрикнул, показавшись из зарослей высокой травы, Степан. – Вот кто у родителей вещи тырит!
- Кто – тырит? Они им не нужны, – Варька не на шутку рассердилась на такое обвинение.
- Так и скажем: тырит! – задиристо засмеялся её брат.
- Варька нахмурилась пуще прежнего.
- Прекратишь когда-нибудь следить за мной?! Как хвост повсюду ходишь!
- Хочу и слежу, – нагло ответил тот. – И ничего ты мне не сделаешь.
- Она не сделает, а я сделаю! – с вызовом сказал Володька и двинулся к Варькиному брату.
- Степан струсил, бросился к дороге через густую заросль травы, обзывая ребят на бегу.
- Скажу отцу, он тебе задаст! – угрожал паренёк. – Покажет!.. Всем покажет, как руки распускать!
- Иди уже! – топнула ногой Варька. – Не позорься!
- Хорошо, что вы со Стёпкой совсем не похожи, – сказал Володька. – А то... не разговаривал бы сейчас с тобой.
- Это почему ещё?
- Не терплю ябед и предателей, – пояснил Володька. – А его... Стёпку твоего... когда-нибудь стукну! Допрыгается!
- Если только разок и не больно, – согласилась Варька. – Может, и на пользу ему будет.

6

Вот уже как два часа Митька сидел у пруда в полном одиночестве. В очередной раз тяжело вздыхая, мысленно корил себя за то, что предал Володьку и дал перед Жоркой с его приятелями слабину.

Задумчивый, Митька поднял с песка камешек, хотел было запустить в пруд, но передумал: рука его безвольно опустилась. Опять на душе у него с новой силой заскребли кошки. Неужели не помирятся они с Володькой? Неужели так никогда и не помирятся? От этой мысли Митьке хотелось выть.

Послышалось коровье мычанье и окрик пастуха Кузьмы: старик вёл стадо на водопой. Рядом, вывалив язык, носилась дворняга Найда. Митька глянул на приближающихся телят, коз и крупных быков, вздохнул: выходит, честный разговор с самим собой подошёл к концу.

– А ну, ить! Держим строй! Ать-два! – громко командовал Кузьма. – Не расходимся!

Стадо послушно чуть ли не нога в ногу шло впереди старика. Одни коровы приблизились к пруду, зашли в воду, чтобы утолить жажду. Другие – те, что остались в сторонке, – стояли, прогоняя хвостом на-

зойливых слепней. Третьи, прожорливые, разбрелись по берегу пруда в поисках травы.

Кузьма остановился рядом с Митькой, закурил махорку, тут же тёрся молодой козлёнок и блял.

– А ты... чего тут один? – спросил старик Митьку. – Рыбы здесь нет. Место такое... Купаться здесь лягушата и те побрезгуют.

– Я не купаться пришёл, – буркнул Митька, это получилось у него резко, с раздражением, и он, испугавшись такой интонации, уже мягче спросил, кивнув на козлёнка: – Чего не уймётся никак? Маленький, а шуму...

– А что с того, что маленький? – усмехнулся Кузьма, пыхнув махорочным дымком. – Такой же живой, как и мы с тобой. И права егошние такие же, как и у других в стаде. Хочет – поёт, хочет – травку щиплет. Кто запретит?

– Устал, поди?.. Вон как надрывается.

– Мамку ищет, – пояснил Кузьма.

– И где она?

– Думается, что шкура иёшняя на заборе сохнет.

– А? – не понял парень.

– Вчерась ногу повредила. Макарьевых бык копытом придавил. Вымахал балбес, а ума – с грецкий орех. Мучение одно с таким наглещом. – Кузьма перевёл взгляд на крупного пятнистого быка, что стоял поодаль. Бык, будто в подтверждение слов пастуха, двинулся к воде, расталкивая всех на своём пути.

– Кнутом бы ему по заднице, чтоб неповадно было, – посоветовал Митька.

– А ты... чьих будешь, малец? – вдруг спросил старик, с любопытством разглядывая паренька.

– А то вы не знаете, – удивился Митька и даже немного обиделся.

– Дэк... не припоминаю. Лицо знакомо, вижу. А как звать – не скажу, – отвечал Кузьма. – Не обессудь. Память подводить стала. Ноги ишо ходят, а лица rozpoзнаю с трудом. Так чьих, говоришь, ты?..

– Местный я, – попытался выкрутиться Митька: совсем не хотелось разглагольствовать с Кузьмой, настроение не то.

– Не бреши мне! – пастух оценивающе осмотрел всю Митькину фигуру. – С памятью я хоть не в ладах, а наших деревенских мальчишек всех знаю от мала до велика. По имени, может, и не скажу. Но без ошибки назову, чьих он будет! Своих всех в лицо знаю.

– Прокофьев я. Димка, – признался паренёк.

– Гаврилыча внук, получается?

– Получается, что так. Знаете дедушку?

– Спрашиваешь! – ухмыльнулся Кузьма. – Пацанятами на току зерно молотили вместе с бабами не один год. Уж после на комбайн пересели. Как уборочная – с утра до ночи в поле. И Тамару, бабушку твою, знаю хорошо. И Валерку с Оксанкой. И Петра Гавриловича. Всех знаю. Ишо бы!

– Петра Гавриловича? Хм, серьёзно?.. Подумаешь... Велика честь ему. – Митька почесал ногу, которую сегодня утром пернатый разбойник умудрился клюннуть. – Обычная птица.

– Не скажи, – не согласился Кузьма. – Смелость она ить у каждого уважение всколыхнёт. Что в людях, что в живности какой. Даже врага своего и то, случается, за смелость уважаешь. И правильно. Не каждый храбрым нравом может похвастаться, – докурив, старик прокашлялся

и продолжил: – Порой где смолчишь, заприметив несправедливость. И то молчание будто бельмо тебе на глазу, покоя оно не даёт. А другой человек и начальству не побоится нос утереть, если оно не право. А уж ежели во благо других готов голову на отсечение отдать... рази может не вызвать восхищения поступок этот?.. – Старик Кузьма перевёл взгляд на быка Макарьевых: тот стоял поодаль от всех, смотрел на воду. – Оболтус, ишь! А ты, парень, не гляди на него, что большой. Рази это пример? Маленького и слабого каждый обидеть может. Лиха ли победа?.. А вот когда маленький большому усы в кулак сожмёт, да поделом, тогда да-а... Совсем другой разговор... Не зря народ петуха твою Гаврилычем величает. Хоть в шутку, а и то приятно. Сам говоришь: птица обычная. А попробуй-ка курочек тронь его! Любого пса, поджав хвост, уносить ноги заставит! Гребень Гаврилычу за отвагу не раз рвали. Но храбрость не уймёшь! А после того как Гаврилыч козла проучил, я без уважения на него глядеть не могу. Это ж надо... – Кузьма кивнул на быка: – Этому бы ишо показал, где гуси-лебеди зимуют. Не гляди, что большой и рогатый! Струсит, ядрён его в дышло. Уж я-то знаю!

Митька вспомнил петуха. И чего он в самом деле так его принижает и борется с ним? Радоваться Митька должен, что у бабки с дедом такой отважный петух! Всем петухам петух! В деревне его по имени-отчеству величают. А он, Митька, войну с ним ведёт. Разве ж это дело?! Да и в чём петух перед ним виноват? Тем, что Митька первым в него мячом запустил, а тот не струсил и дал отпор? Да, не струсил петух тогда! А Митька сегодня на Володькиных глазах струсил. И опять стыдно стало Митьке – ещё и перед петухом. Вон как за курочек заступается, верно старик подметил, не жалея себя. А он, Митька... Эх, за друга не вступился: поджав трусливо хвост, глядел, как его избивают втроём. Неприятен Митьке бык? А ведь и сам он такой же, ничем не лучше вредного глупого быка. А случись чего – и тут же в кусты. Я, мол, не я, и корова не моя. А пойти к Володьке и извиниться – на это духу не хватает. И в этом Митька – трус! Коленки трясутся, как у серенького зайчика! Далеко Митьке до Петра Гавриловича! Ох как далеко!

Тяжко было даже мысленно соглашаться с такими обвинениями. Собравшись Митька с силами, решил Володьку найти.

– Пойду и извинюсь, – сказал вслух сам себе и встал с травы.

– Чего говоришь? – не понял Кузьма.

– Ничего, дедушка. Отдыхайте. Пойду я к дому ближе, – посвящать в эту историю пастуха Митьке не хотелось.

– Поспешай не торопясь, – только и сказал Кузьма.

7

Митька направился быстрым шагом домой. Для себя он решил: сегодня же помирится с петухом, а уж завтра... А завтра с утра пораньше – сразу к Володьке. От этой мысли на мгновение Митьке стало легче.

«Самых лучших семян и зёрен петуху дам. Червей навозных накопаю. Нужно будет – светлянки наловлю зыбкой. Куры рыбёшку эту любят, – размышлял на ходу Митька. – Ничего. Помиримся и с Петром Гавриловичем, и с Володькой. Обязательно помиримся».

Митька вошёл во двор. Кур во дворе не было. Обычно бабушка так рано их не загоняет. А ведь из-за его жалобы Петра Гавриловича сегод-

ня лишили прогулки и заперли в сарае. Куры, поди, затосковали и сами запросились на ночлег. Разделить неприятную участь со своим Петей. Куда они без него?

Первым делом Митька подошёл к сараю, заглянул в щель: так и есть – куры на шесте. Слабый свет падал из маленького окна. А петуха не было видно. Наверное, сидит сейчас в тёмном углу и точит на Митьку от обиды большой клюв.

«Ничего, – решил паренёк. – Ещё с ладони будет зёрнышки брать! Завтра его огурцом угощу. И семечек жареных куплю – объединение!»

Митька вошёл в дом. Дедушка сидел за столом, ужинал.

– От он! Гроза улиц! – едва завидев на пороге внука, объявил дед.

– Будто сам в его годы счёт времени знал! – заступилась бабушка. – Ишо поздней приходил! Затемно.

– А я чего? Я ить ничего, – миролюбиво ответил старик. – Голодный, небось.

– Откуда ж ей, крошке, во рту взяться, коли целый день на ногах, – сказала бабушка.

– Бегай, пока бегается, – рассудил дедушка. – Оно и рад бы побегать сейчас, попрыгать солдатиком оловянным... Дык ноги не слушаются.

– А тебе бы всё до седых волос козлёнком молодым скакать, – укорила бабушка, а сама, проходя мимо внука, легонько подтолкнула его к умывальнику.

Митька намылил ладони мылом, сполоснул холодной водой, вытер полотенцем и уселся за стол.

– Генка Трищёкий захаживал, – сказал дедушка. – Тот ишо проныра... Подумать не успеешь, а уже наперёд знает обо всём.

– Почему его Трищёким зовут? – поинтересовался Митька.

– Ест в три горла. Кашалот хромой! – ругнулась бабушка. – Не желудок, а бездонная яма, – и поставила на стол тарелку супа, пододвинула внуку сметаны. – Чего Генка хотел?

– А петуха просил. За любые деньги, говорит, куплю. Не губи, мол, бойца такого. Двух несушек предлагал на обмен и петуха своо щипленого.

– Ну и согласился бы. Чего ты? – бабушка непонимающе уставилась на деда.

– Не прижился бы он там. Знаю, – твёрдо сказал дед. – От тоски исхудал бы весь... Да и как бы народ его величать стал? Пётр Геннадьевич?... Глупо.

– Так и говори: не захотел сам. А то – не прижился бы!.. Ей, птице, что! Где кормят – там и дом. Крыша над головой не течёт – уже хорошо, – толковала бабушка.

Митька слушал их разговор молча, наконец у него закралась догадка.

– Чего это вы? – он замер с ложкой в руках.

– А ты кушай-кушай, набирайся сил. Индейцы у врага своо лютого сердце ели и храбрыми становились. На медведя голыми руками шли. Так и ты, – сказал дедушка. – Заполучишь Петькиной силы, всех мальчишек во дворе на лопатки положишь. Помяни моё слово.

– Нашёл чему парня учить! – заворчала бабушка.

– А чего? Так и есть, – дедушка, сдвинув бровь, добавил: – К бревну, значит, поднёс его... вытянул он шею, замер. Не шелохнулся даже. Всё ить понимал. Ишо бы! Любая живность погибель предчувствует. Телята и те плачут. А наш до последней секунды горд был, даже веко не прикрыл... Жалко. Ишо бы! Но дурить тоже незачем. Сроду на людей

не кидался, а тут... Внучка – и обижать. Нехитро дело – и в глаз угодил бы. Э, нет! Виноват сам, – дедушка кивнул на кастрюлю. – Там ему и место.

Только теперь Митька догадался, о ком шла речь. В тарелке среди картошки и капусты лежало куриное мясо.

Паренёк, отодвинув суп, молча вышел из-за стола. Во дворе у самого забора стоял тот самый чурбак, на котором попрощался с жизнью отважный Пётр Гаврилович. Видны были капли крови и прилипшие к дереву перья. Митька присел на ступеньки. Как же так?! Ведь это он виноват – Митька, а не... Сердце кольнула несправедливость. Натерпевшись за весь день поругания самого себя, постыдных мыслей и прочего укора, Митькина детская душа не выдержала. Паренёк положил голову на согнутые в коленях локти и тихонько заплакал.

О жестоком неравенстве, коварстве, трусости и предательстве он знал уже не понаслышке. Сердце теребили жгучая обида и понимание того, что нельзя ничего исправить. Жизнь – это не разбитая ваза, которую можно склеить. Даже у самой крохотной букашки жизнь одна. И нет ничего дороже и ценнее самой жизни. Извиниться всегда можно, даже трусость искупить кровью... А оборванную жизнь... Это не кубик-рубик – не склеишь и не соберёшь. Митька ещё раз посмотрел на старый чурбак, на котором виднелась застывшая кровь, на глазах вновь блеснули горькой обиды слёзы.

Сергей ВАРАКСИН

Родился в 1957 году в посёлке Чупа, Карелия. Окончил Ленинградскую лесотехническую академию. Занимался проектированием лесовозных дорог. Фотограф, член Союза фотохудожников России.

Рассказы опубликованы в журналах «Нева», «Урал», «Южная звезда», «Дружба народов» и других. Живёт в Петрозаводске.

САМОЛЁТОВОЖДЕНИЕ

Самолетовождение и бомбометание. Учебник

Издательство: М., Воениздат

Переплет: твердый; 512 страниц; 1972 г.

Они не спрятали от него «Самолетовождение и бомбометание», дураки. Они думают, что это игра. А он этот учебник наизусть выучил: «На основании многочисленных геодезических измерений установлено, что Земля представляет собой небесное тело, не имеющее простой геометрической формы. За геометрическое тело, близкое к истинной форме Земли, принят геоид. Геоидом называется геометрическое тело, ограниченное условной поверхностью, которая является продолжением поверхности океанов в их спокойном состоянии».

Они смеются:

– Папа, зачем тебе эта книжка? Кого ты собираешься бомбить?

Проверяют! Он отворачивается и тихо шепчет: «Земля непрерывно вращается с запада на восток. Диаметр, вокруг которого происходит это вращение, называется осью вращения Земли».

Главное – попасть на аэродром. «В самолетовождении основными единицами измерения расстояний являются километр и метр». В прошлый раз он ошибся на этот метр, и его поймали. Но он видел выход на аэродром. Небольшая дверь с ручкой.

Нужна карта: «На карты наносятся населенные пункты, дорожная сеть, рельеф, растительность и почвенный покров. Они дают возможность вести в полете визуальную ориентировку».

Без карты нельзя. Всю ночь искал, бродил с фонариком по квартире. Какая-то женщина закричала:

– Папа, ложись спать, ты нас пугаешь!

Пришлось отложить поиски. Пока можно готовить план: «Планы составляются в масштабе 200 м в 1 см и крупнее».

Сегодня какой-то праздник. Все говорят – день рождения.

Спрашивают сколько ему лет. Хотят по возрасту отстранить от полётов. Отвернулся, соврал:

– Тридцать пять.

Пришли странные, много:

– Олег Николаевич, вы нас узнаете?

Женщина:

– Папа, ребята пришли тебя поздравить.

Он помнит – куда-то ушла жена. Эта женщина, которая теперь вместо неё, опасна. Всё время хочет его кормить. Он понимает – для того, чтобы не смог взлететь.

– Ещё ложечку, Олег, ну пожалуйста, – говорит она, заглядывая ему в глаза. – Ещё одну, если ты меня любишь...

Всё время суют какие-то таблетки.

– Олег Николаевич, – говорит подозрительный человек в белом халате, – вы же умный человек, понимаете, что надо лечиться.

– У меня ничего не болит, – отвечает он зло. Думает, хотят отравить, odstrанят по здоровью.

Женщина говорит, что, если он опять не даст поменять памперс, она поставит его в угол. «Углом сноса называется угол, заключенный между продольной осью самолета и линией пути. Отсчитывается от продольной оси самолета до линии пути вправо со знаком плюс и влево со знаком минус».

Компас у него отобрали, но он знает: «Глазомерное определение угла сноса осуществляется в полете на малых высотах наблюдением за перемещением ориентиров относительно продольной оси самолета».

Всю ночь снилось, как они летали с женой. Проснулся со вспухшими от слёз глазами. Женщина сказала – надо измерить давление. Он помнит: «Барометрический способ измерения высоты основан на принципе измерения атмосферного давления, закономерно изменяющегося с высотой. Перед вылетом стрелки высотомера устанавливаются на нуль, при этом шкала давлений высотомера установится на давление аэродрома вылета».

А вчера был пожар. Кто-то поджег ковёр на кухне. До сих пор пахнет. Очень разнервничался.

– Всё хорошо... Всё хорошо... Всё хорошо... – успокаивает его женщина, гладит по голове.

– Главное – безопасность! – сказал женщине человек в белом халате. Он тоже знает: «Обеспечение безопасности полетов является одной из главных задач самолетовождения. Безопасность самолетовождения означает предотвращение столкновений самолетов с наземными препятствиями и с другими самолетами в полете».

Подслушал. Говорили про какой-то пансионат. Человек в халате и две женщины. Через неделю. У него есть неделя. Надо готовиться.

«Предполетная штурманская подготовка организуется и проводится командиром воздушного судна перед каждым полетом. В результате предполетной подготовки должна быть обеспечена готовность к вылету экипажа, самолета и его оборудования».

Женщина говорит:

– Папа, я в магазин на минутку, не волнуйся, дверь закрою на ключ. Быстро: карту, очки, фонарик – всё под матрац.

Вернулась.

– Папа, я дома. Всё хорошо?

Отвернулся к стене, повторяет: «Курсом самолета называется угол, заключенный между северным направлением меридиана, проходящего через самолет, и продольной осью самолета. Курс отсчитывается в горизонтальной плоскости от северного направления меридиана до продольной оси самолета по ходу часовой стрелки от 0 до 360°.

Он показывает, куда направлена продольная ось самолета относительно меридиана».

Подслушал. Говорят, что послезавтра уже в пансионат. Одна женщина:

– Ну что делать, мама? Хоть месяц спокойно поживём.

Вторая заплакала. Громко.

Он сделал это утром, когда все ещё спали, и сразу спрятался в туалет. Потом, когда всё заволокло едким дымом, одна женщина закричала:

– Мама, он опять поставил электрочайник на плиту!

– Открывай всё, окна, двери! – вторая.

Выскользнул за дверь под крики:

– Где папа?!

Быстрее в лифт.

Сердце колотится – тук-тук-тук.

Последний этаж.

Теперь по лестнице вверх.

Ноги дрожат.

Воздух со свистом вырывается из груди.

Сзади уже бегут.

Догоняют.

Дверь на аэродром.

Наконец-то.

Ветер. «Горизонтальное движение воздушных масс называется ветром».

Очень холодный ветер. Он сегодня забыл комбинезон, только летные очки успел выхватить из-под матраца.

Кричат:

– Папа, вернись!

Кричат:

– Олег, господи, ты же совсем раздетый!

Разбег по ВПП.

Помеха по курсу. Женщина бежит по взлётно-посадочной. Руками машет.

Разворот влево. «Разворотом называется криволинейный полет в горизонтальной плоскости на постоянной высоте с постоянной скоростью и углом крена».

Толчок, отрыв и взлёт.

Немного занесло, но в полёте он выправился и увидел, что рядом летит жена.

– Всё хорошо.

– Всё хорошо.

– Всё хорошо, – сказала она и взяла его за руку.

Летели, смотрели друг на друга влюблёнными глазами.

Обнявшись, сделали «бочку», потом петлю Нестерова.

Кривая луна промчалась по небу, удивлённо оглядываясь на них, и они, словно пьяные, свистели ей вслед.

Уносились всё дальше и дальше, всё выше и выше.

И умерли в один день.

Дмитрий ТАРАСОВ

Родился в марте 1965 года в Ленинграде. Работал инженером, экскурсоводом, журналистом, сейчас работает редактором в телекомпании «Петербургское телевидение».

Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Новая Юность», «Москва», «Сибирские огни», «Север», «Нижний Новгород», «Дон», «Крещатик», «Зинзивер», «Северная Аврора» и других. Рассказы переводились на сербский язык. Автор трех книг прозы: романы «Пятый Собор» и «Сергей Павлович Королев, который работает консьержем», сборник рассказов «Считая до ста». Член Союза писателей России с 2011 года.

Живет в Санкт-Петербурге.

ВЕРА ВЕРЫ

Ее не хотели пускать в вагон с дочкой. Молодая проводница посмотрела на ребенка, на то, как она подергивала шеей и временами закатывала глаза, и сказала:

– Ваша девочка, так сказать, неадекватна. Вдруг у нее припадок начнется или чего похлеще. Что мы будем делать – в дороге, без доктора? А что скажут другие пассажиры? Нет, извините, пустить не можем.

Девочка, ее звали Ириша, глядела на тетю исподлобья, она уже давно привыкла к таким злым словам и хотя не всегда понимала их смысл, зато прекрасно чувствовала враждебную интонацию. Молчала и лишь покусывала нижнюю губу. Была вообще не разговорчива, говорить начала поздно, лет в шесть, с трудом научилась выговаривать слово «мама», а «папа», «отец» так и не научилась. Да и был ли у нее отец? Теперь-то уж точно не было...

Сзади подошла другая проводница, пожилая женщина, мягко взяла первую под локоть, сказала:

– Зачем ты так? Славная девочка, милая. Пусть едет. Ты ведь будешь себя хорошо вести, правда?

– Конечно-конечно, спасибо-спасибо, – скороговоркой сказала мать и, подталкивая дочь к вагону, также быстро продолжила: – Вы не бойтесь: она у меня тихая, спокойная, ляжет на полку и всю ночь спать будет, да и я, если что, всегда рядом.

Ляжет и всю ночь спать будет... Мать сказала так лишь бы пустили, лишь бы не оставили на улице. На самом деле Ириша и дома почти не спала, а здесь – в поезде, среди незнакомых людей, неумолчного грохота – она и вовсе не смыкала глаз, без отрыва смотрела в ночь своими широко распахнутыми глазами; изредка переводила взгляд на противоположную полку, где шумно спала тучная женщина и мелькали по углам темно-сиреневые тени.

Эта женщина, когда мать с дочерью вошли в купе, только начала укладываться, но тотчас перестала, чтобы, всплеснув руками, умилиться:

– Ах, какая славная девчушка! Волосики светлые, вьются, глаза голубые, носик курносый. Как тебя зовут?

Хорошая женщина, угостила Иришу конфетой, пряниками... Вот другой попутчик, мужчина средних лет, тот какой-то странный. Среди ночи раз десять прыгивал с верхней полки (Ириша каждый раз вздрагивала), выходил в тамбур курить, а когда возвращался, то глухо откашливался и с хмурым видом лез наверх. Лица-то его толком не разглядела – темно, да и голову все опускал, – но наверняка лицо неприятное, коли даже не извинился, когда отдал ногу, а потом, запрыгивая, задел плечом... Но все-таки людей добрых много, гораздо больше, чем плохих...

Сидя сейчас рядом с дочерью в предрассветном купе, мать вспомнила водителя машины, который подбросил их до станции, соседей по деревне, в складчину собравших им в дорогу конверт с деньгами, кассиршу на вокзале, которая терпеливо слушала ее сбивчивые объяснения, а потом долго искала и нашла из брони два билета. Каждый помог по-своему.

Наутро соседка спросила:

– В какой класс дочка ходит?

– В третий, в третий уже. Классная руководительница, вот так же как вы, говорит: красивая девочка, нежная. И школа у нас большая, светлая.

Мать, правда, не сказала, что школа специализированная, для детей с задержкой умственного развития. Постеснялась как-то.

Поезд шел очень медленно, затем еще сбавил ход, почти встал. Может, авария какая, волновалась мать, так-то давно должны были приехать.

За окнами, что слева, что справа, был один и тот же безрадостный пейзаж, точно густой еловый лес медленно передвигали вслед за поездом. Изредка сплошная темная стена леса перемежалась полустанками или разбросанными вдоль полотна избами – мать тогда всматривалась особенно пристально, вспоминала свою деревню, избу на окраине, зачем-то искала похожую. Их темный, сырой дом, с покосившимся крыльцом и чадной печью, давно уже требовал ремонта, хирел без мужских рук и заваливался набок.

Вдруг за окном потянулся длинный забор, с колючей проволокой, с вышками по периметру, а за забором стояли приземистые здания, и маршировал куда-то отряд в серых робах. Мать машинально потянулась к внутреннему карману кофточки, нащупала телеграмму...

– Чаю будете? – в купе заглянула давешняя молоденькая проводница.

– Нет, спасибо, – рассеянно сказала мать и быстро вышла.

В тамбуре она развернула телеграмму, еще раз взгляделась в адрес – надо запомнить наизусть, чтобы потом не вынимать, не путаться. Сосед, чья изба стояла прямо напротив их избы, расшифровал ей загадочный адрес на телеграмме.

– Тюрьма это в Питере, «Кресты» называется, – сказал он, и она поверила – человек он был много повидавший, опытный, раньше жил в городе.

Наверно, подумала она, тюрьма питерская похожа на ту, мимо которой только что проехали. Хотя, может быть, и нет. Там все-таки большой город, не чета этим захолустным местам. Вон его куда занесло, мужа-то, аж в Питер...

В Питере, тогда еще Ленинграде, она уже бывала, правда давно, до рождения Ириши. Василий, муж, был родом оттуда. Сам детдомовский,

он часто рассказывал ей о своем детстве, о городе, о бывших приятелях. К одному из них, кажется, его звали Игорем, они тогда и поехали в гости. Жили у него, где-то в центре города, ходили на Неву, гуляли по набережным. Помнится, в один из туманных вечеров Игорь указал на противоположный берег:

– Вон вдали, красное большое здание – это тюрьма «Кресты». Не дай бог там оказаться. Один мой знакомый...

Что он еще сказал, она не помнила, как не помнила и самой тюрьмы. Они с мужем стали вглядываться вдаль, за реку, не зная еще, что вглядываются в свое будущее, – но увидели лишь смутные очертания, настолько густой и дымный был воздух.

Всю неделю, что они провели у приятеля, ее не покидало ощущение счастья. Ей очень не хотелось уезжать из города. «Может, еще пару деньков», – упрашивала мужа, но тот не соглашался. И странно, уже садясь в поезд, она почему-то была уверена, что когда-нибудь сюда вернется, еще более счастливая, еще более молодая... Вот и вернулась...

Нельзя сказать, что Василий в то время не пил и именно поэтому она была счастлива. Нет, пил он всегда, пил и в ту счастливую неделю в Питере, с приятелем и один, пил и дома в деревне, он даже предупреждал ее до свадьбы, что отказываться от своих привычек не собирается, но она, молодая и, как говорили, красивая, думала по-своему, по-бабьи – пусть пьет, все мужики пьют, главное, чтоб любил и шибко не напивался. Первое время он и не напивался, по крайней мере, не буянил; либо спать ляжет, либо сядет тихонько в уголку и мурлычет что-нибудь себе под нос.

Плохое началось позже. Особенно сильно Василий начал пить после того, как вернулся из Москвы, где он на одно лето устроился рабочим на стройку – подзаработать да проветриться, как он говорил. Что там с ним случилось – неизвестно. Поговаривали, что была у него в Москве любовь, несчастная, мол, и запил он как раз по этой причине. Но она не верила: злым языкам дай только повод посплетничать, они и святого оговорят.

Жизнь ее, однако, становилась все хуже. Василий кричал на нее так, что слышала вся деревня, иногда мог и ударить. Как раз в это время она забеременела и сразу же ушла в свое тихое счастье, чутко прислушиваясь, как там, в животе, зреет неведомая жизнь, как она шевелится, пытливыми толчками заявляя о себе.

– По всему видать, девочка, – ощупывая ее живот, говорила опытная бабка из соседней деревни.

– Точно девочка, – подтвердил врач, когда она ездила в город на обследование.

Она думала, что муж как-то проникнется этим ее состоянием, ее заботами. Он точно больше не дрался, водку пил теперь лишь по праздникам, но стал угрюм, неразговорчив, спросит только: «Ну как?», – потрогает живот, вздохнет. Иногда уходил в лес, по грибы, по ягоды, а потом пристрастился к охоте. Купил где-то старое ружье, наладил его, пристрелял и стал уходить надолго, на неделю, на две, возвращался домой усталый, еле на ногах стоял, но всегда с добычей – утками, зайцами, перепелами. Охотником был умелым, удачливым. Она радовалась: пусть не ласковый, не чуткий, зато добытчик.

Так продолжалось до рождения Ириши. Он, как узнал, что ребенок нездоровый, в лице переменялся, выругался, снял со стены ружье и ушел в лес. С месяц его не было. Где ходил, чем питался – неведомо, только пришел похудевший и с такой добычей, какой никогда не бывало.

Стоит небритый, трезвый, а глаза злые-презлые. Она испугалась, с опаской поглядела на ружье, от которого еще исходил горячий запах пороха, но Василий повесил его на стену и тотчас завалился спать. Не вставал двое суток.

С тех пор стало совсем невыносимо. Нет, он ее не трогал, просто не разговаривал с нею, как будто даже не замечал. Ни водки, ни вина дома не пил, ходил мрачнее тучи, трезвый и злой. Уж лучше, думала она, как прежде – пусть буянил бы, дрался, живой все-таки человек, – а тут глядит зверем, не поймешь, что у него на уме.

В сезон он ходил на охоту, возвращался всегда увешанный дичью и зверем; на земле работал за десятерых, с каким-то остервенением; брался за любую работу – в деревне ли, в городе; часто уходил на заработки – куда, не говорил, только принесет деньги, положит: «Тебе и ей». И все бы хорошо – муж работающий, кормилец, – только чувствовала она, что уходит он, лишь бы не сидеть дома, лишь бы не видеть ее и дочку.

После отлучек он отсыпался, приходил в себя. В избе тогда слышался его громкий храп, тяжелый перегарный дух еще долго не выветривался. Она знала, что вне дома он пьет, что мучается отчего-то, и пыталась заговорить с ним, как-то наладить отношения:

– Посмотри, как Ириша выросла, уже совсем большая. Скоро в школу пойдет. Ириша, скажи – «папа», «папа»...

Дочь, которая перед этим, репетируя с матерью, по слогам произносила – «па-па», теперь только мычала, хмурила лоб, а Василий хлопал дверью, выбегал из избы.

– Ну что ж ты, Ириша? Ты же говорила – «па-па», «па-па». Так просто. Ну-ка, повтори.

– Что ты ребенка мучишь? – откликнулась с полатей больная бабка. – Правильно, что она молчит, какой он ей отец, зверь зверем.

А потом Василий исчез. Ушел как-то, сказал, что на месяц, но прошел месяц, другой, третий, а его все не было. Говорили, что видели его то в одном городе, то в другом. Однажды, через знакомого, даже весточку прислал – записку и конверт с деньгами, – она обрадовалась, подумала, что вскоре и сам вернется, но после той весточки он пропал окончательно.

– И не жди, – говорила бабка. – Почувствовал волю, теперь ему семьи не надо. Оно и правильно: чем с таким зверем, так лучше одной жить.

Дочь без отца пошла в школу, и, хоть девочкой росла тихой, мать намучилась: врачи, диспансеры, лекарства, особый уход, а на ней еще и хозяйство, и старая бабка.

Среди своих забот она вспоминала и Василия – как он, что, где теперь? – но все более отстранено, как чужого, хоть и знакомого человека, ведь не видела его уже года три. Иногда думала, что и в живых-то его уже нет. Масла в огонь подливала бабка:

– Был бы живой, явился бы. Пришел бы на все готовенькое: дочь выросла, жена накормит, напоит, обстирает. Прибежал бы как миленький!

Поэтому когда пришла телеграмма и, разбираясь в бессвязности приклеенных слов, она поняла, что муж умер в тюремной больнице в Питере и что надо ехать туда забирать тело, то не слишком удивилась, была уже готова. Муж умер не сейчас, не в тюрьме, а тогда, когда три года назад ушел из дому, а может, и гораздо раньше – когда сам для себя решил порвать с семьей и ждал лишь подходящего момента.

Нужно похоронить, нужно сделать все как следует, твердила она про себя, готовясь к отъезду, собирая дочку, собирая вещи в дорогу. Всплакнула напоследок, поцеловала бабушку и поехала.

Стоя теперь в вагоне, посреди мотающегося во все стороны и гремящего тамбура, она сунула телеграмму в кофточку, утерла глаза платком и пошла назад, ведь Иришу нельзя было оставлять надолго.

Когда зашла в купе, Ириша сидела веселая, вертела в руках мягкую игрушку – лисенка с хитрой мордочкой, – а Зинаида Николаевна (так звали соседку), увидев мать, пояснила:

– Купила у разносчиков, в подарок вашей дочери. Такая хорошая, умная девочка.

Молчаливый попутчик уже собирал вещи, искоса поглядывая на мать с дочерью и снова принимаясь за свой багаж. Да, неприятное лицо: густые брови, щетина на скулах, а взгляд хмурый, тяжелый.

Вышли из вагона вместе с Зинаидой Николаевной. Пока шли по перрону, чуть отпустив девочку вперед, между женщинами завязался разговор.

– А вы, Вера, у кого здесь остановитесь? – добродушно улыбаясь, спросила Зинаида Николаевна.

Глядя, как смешно Ириша семенит ногами, мать вдруг задумалась: если дело затянется, куда ей деваться с ребенком?

– Не осерчайте только... Спросить хочу: у вас пожить можно будет? Недолго – день, два, – а то нам, ей-богу, негде. Я вам по хозяйству помогу: на кухне там, с уборкой. А по осени картошку пришлю, помидоров, огурчиков – у нас сосед с машиной, так каждый сезон в Питер ездит, сейчас приболел, правда... Попрошу его – не откажет. А еще...

Но Зинаида Николаевна уже махала руками:

– Что вы, что вы! У меня, милая, своих хлопот полон рот, куда же мне чужие? Да и жилплощадь не позволяет, к тому же я ремонт затеяла.

– Я бы с ремонтом помогла, – простосердечно предложила Вера.

– Нет, нет, это невозможно.

Зинаида Николаевна сразу переменилась в лице: покраснелись щеки, затрясся жирок пониже подбородка, а левый глаз стал нервно помаргивать. Она подхватила свою небольшую сумку и тотчас ускорила шаг. Даже не попрощалась...

«Кресты» оказались вблизи мрачным зданием, больше похожим на старинный завод, чем на тюрьму. Сходство добавляли две краснокирпичные трубы, взметнувшиеся позади церковного купола; из них шел легкий дымок с каким-то сладковатым запахом.

Она отошла подальше, к решетке набережной, чтобы лучше был виден купол церкви и, глядя на него, быстро перекрестилась. Мимолетно подумала: а где крест, почему нет креста?

В тюремной канцелярии ей сказали, что уже поздно, все закрыто, и попросили прийти завтра.

При вокзале, в комнате матери и ребенка, где она оставила дочку, было тихо, почти все дети спали, и, удивительное дело, в обнимку с давешним лисенком спала Ириша. Вера осторожно, чтобы не разбудить, погладила ее по холодному лобику:

– Прямо чудеса, спит...

Наутро Вера шла в тюрьму, едва сдерживая волнение, и думала: отчего была так спокойна, даже равнодушна вчера и почему вся дрожит сегодня?

– Лебедева Вера Васильевна? – спросил глухой голос из окошка в металлической двери. Окошко было таким узким, что тот, кто говорил, был почти не виден – только подбородок да плечи с неровно пришитыми погонами.

Покончив с деловой частью, голос усмехнулся:

– Да, матерый был рецидивист.

– Рецидивист?.. – удивилась она, а голос между тем продолжал:

– Пока вам будут оформлять пропуск для опознания, посидите здесь. Вас позовут.

Ожидая, она так разволновалась, что дальнейшее помнила смутно.

Когда открыли крышку гроба, она увидела: лицо мужчины лет пятидесяти, все в морщинах, с наколками на шее – чужое, чужое лицо. Это был не Василий. Хотя и Василий Иванович Лебедев, но не тот. Ошибка...

«Я его не знаю. Вы перепутали», – хотела сказать она, но лишь дрожала и покусывала губы. Она как будто онемела и не могла издать ни звука.

– Да не убивайтесь вы так, его уж не вернешь, – возник рядом чей-то голос, а потом, в отдалении, возник еще один: – Вот странная, ей бы радоваться – отмучилась, избавилась от такого муженька, а она – в слезы.

Наконец, ее спросили:

– Опознали? Ваш муж?

И так как молчание затянулось, потому что она продолжала плакать, мелко трясая головой, кто-то распорядился:

– Ну все, закрывай. Не видишь, что ли, признала?

Ее провели в большой кабинет с портретами военных по стенам, с фикусами на окнах и массивным столом у окна, за которым сидел плотный мужчина в форме. Он встал, представился. Затем зачитал выписку из дела, медицинское освидетельствование, справку о смерти. Напоследок сказал:

– Будьте мужественны. Вы молоды, вам еще жить, растить детей. Найдете себе кого-нибудь получше. Да и по правде сказать: что, кроме несчастий, вы видели от мужа? Вы и его-то видели редко – все по тюрьмам да по лагерям...

Мужчина в форме попал в точку. Вся ее жизнь была ожиданием: может, вернется, пить бросит, может, признает Иришку. И она поймала себя на том, что сейчас, когда ей говорили про этого чужого человека, зачитывали его «биографию», сообщали, как он жил, за что получал судимости, чем болел и, наконец, от чего умер, – она думала о нем, как о муже, как о том, с кем худо-бедно прожила много лет, кому родила ребенка, кого втайне все-таки дожидалась все эти годы.

Потом, уже в тюремной канцелярии, молоденький прапорщик сказал, что, раз муж умер в тюрьме, ей помогут с транспортировкой тела, но придется подождать, может, неделю, может, две, когда будет пересылка в их края.

– Да мне ждать-то негде, – растерялась она.

– Нас это не касается, – ответил прапорщик. – А вообще, можете забирать сами, хоть сейчас.

Прапорщик равнодушно отвернулся, приоткрыл форточку. А за его спиной в такт ветерку слегка прошелестел плакат, припиленный к стене кнопками: «На свободу – с чистой совестью».

Вера вышла из кабинета. Ни обиды, ни отчаяния – только слабость в ногах. Как нельзя кстати подвернулась лавка возле стены. Села, прикрыла глаза. Слышала: шаги – скорые, шаркающие,

размеренные – туда-сюда, туда-сюда. Вот прошла женщина – легко-легко, цок, цок. Вот мужчина – тяжело и быстро. Шаги вдруг замедлились, затем остановились.

– Вам плохо? – человек в военной форме наклонился над Верой, тронул за рукав.

Она открыла глаза и сразу узнала: тот самый, из купе. Хмурое выражение лица, густые брови, тяжелый взгляд – ничего не изменилось, разве что побрился. Похоже, он не сразу ее вспомнил. Посмотрел так и этак:

– Мы с вами, кажется, ехали вместе в поезде? Вы были с девочкой... А почему вы здесь?.. Впрочем, пойдемте ко мне в кабинет, вам надо выпить воды, успокоиться. Там и поговорим.

В кабинете она расплакалась и все рассказала. Но почему-то умолчала о том, что покойник-то вовсе не ее муж, зато пожаловалась на сложные обстоятельства, на прапорщика, на больное сердце. Немного хитрила.

– Так, так, – выражение его лица стало совсем невыносимым, словно сейчас стукнет кулаком по столу, а потом, поди, и по голове огреет. – С транспортировкой тела я вопрос решу, и в течение недели его доставят на место. А вы поезжайте домой и спокойно ждите. Извещение получите через местную администрацию.

Он, как показалось Вере, зло посмотрел ей в глаза и отрывисто отчеканил:

– А теперь идите. Мне некогда, у меня много дел. Кстати, у вас деньги на похороны есть? Если нет, то я распоряжусь через ту же администрацию.

Станный человек, подумала Вера. Вершит добрые дела с лицом убийцы. Очень странный...

На похоронах она не разрешила открывать гроб, сказала, что лицо обезображено. Да никто, в общем-то, и не настаивал.

Похоронили Василия на деревенском кладбище, возле заброшенной церкви, купола которой – без крестов, без позолоты – были хорошо видны с любого места. Стоило только спуститься меж огородов по склону, выйти на проселочную дорогу и, пройдя по ней с полкилометра, свернуть по тропинке направо, как перед тобой вырастал густой кладбищенский лес.

На могилу она ходила так часто, что соседи удивлялись:

– Верка опять на кладбище потопала. Жили с мужем плохо, а вот, поди ж ты, как он умер, так она все возле него, от могилы не отходит.

Ей было хорошо среди кладбищенского покоя: шумели верхушки деревьев, когда по ним проходил ветер, шуршала трава под ногами, изредка сквозь листву пробивалось к земле солнце и ложилось тогда пятнистым светом на могилу, металлическую ограду, скамейку возле нее. Памятник Вера поставила, как и положено, ровно через год после кончины, денег не пожалела, отдала последние. Да и как пожалеть, если самый близкий человек умер, муж, Василий...

Сидя на деревянной скамейке у могилы, думала всегда об одном: жили вместе, семьей, любили друг друга; жили, конечно, по-разному – и хорошо, и не очень, но, в общем, нормально, по-людски; дочку вырастили, хорошую, красивую, она на него похожа; и вот он умер, лежит в холодной земле, а я живу, вижу солнце, лес, эту могилу, вспоминаю его, думаю о нем...

«Вера, а ведь в могиле вовсе не Василий, там совсем другой человек...» – изредка будто нашептывал чей-то голос. Но она старалась не слушать и продолжала свое: жили вместе, любили друг друга... Сама уже верила. И чем дальше отдалялась ее поездка в Питер, тем крепче становилась вера. Теперь даже мысль о том, что где-то, быть может, живет и здравствует ее настоящий муж, казалась ей кощунственной.

С того дня, когда привезли в деревню тело мужа, прошло больше года.

Был теплый августовский день. На востоке, за дальним лесом, замерли материки облаков, таких вязких, что, если их мысленно потрогать, в ушах словно бы раздавался мягкий скрип. В саду шумел листвою ветер. Тонко пахло яблоками. Через открытое окно из кухни слышался мелкий треск рукомойника.

С утра Вера хлопотала по хозяйству, вечером же собиралась на кладбище. Сегодня был день рождения Василия, и ей хотелось закончить все дела побыстрее. Еще надо было дожидаться возвращения дочери из школы, куда, несмотря на летние каникулы, она ходила на особый лечебно-оздоровительный курс.

Обед поспел вовремя: к дому уже бежала Ириша, радостная, на ходу щебеча что-то про свои успехи у доктора. Пообедали в саду – там между деревьями стоял почерневший от дождей деревянный стол. Ириша, давась едой, все старалась выговорить скороговорку, которой ее научили на курсах. Бабка сидела хмурая, затем встала и поковыляла к крыльцу.

– На дом что-нибудь задавали? – спросила Вера у дочери, и та кивнула в ответ. – Ну, пойдем в избу, покажешь.

Позанимавшись с Иришей, она вышла на кухню, постояла в раздумье у окна и вернулась в комнату к дочери.

– Сиди смирно, учи, – сказала строго и заперла дверь на ключ. А то в последнее время, как день погожий, все норовит из дому выскочить да носиться по улицам. Пусть лучше занимается.

Сама села в тенок на крыльце. Здесь, под рогожей, она держала нехитрые гостинцы для Василия – сухари, конфеты, хлеб. Слышала, как дочка в комнате повторяет алфавит: «а, б, в, г, д, е, ё...» – добирается до конца, до пограничного «я», которое произносит по-своему, как отклик на просьбу врача открыть рот и показать горло: «й-а-а...» – и начинает сызнова, монотонно и будто пробуя каждую букву на вкус: «а, б, в...»

Через некоторое время ожила бабка: закричала что-то дурным голосом, невнятно, шамкая губами. Вера давно уже привыкла, что перед церковными праздниками бабка начинает голосить: в городскую церковь ей с большими ногами не добраться, а местную, куда дойти бы могла, порушили нехристи – вот и кричала, жаловалась, значит.

Вера встала и направилась по тропинке к саду. Посижу под яблоней немного, размышляла по пути, здесь тихо, никто не кричит, а как стемнеет, пойду. Негоже перед соседями все вдовой ходить, вроде напоказ получается.

Как она ни смотрела по сторонам – а глаз у нее был приметливый, крестьянский, – все-таки ничего не заметила. Когда раздался хруст веток возле крыльца, Вера, тотчас почуяв что-то неладное, бросилась к дому.

Бабка молча сидела в темном углу и от неожиданности даже не крикнула. Но больше нее была поражена сама Вера – она, единственная,

кто знал о подлоге, о том, что Василий жив и готов в любую минуту объявиться... Казалось, Вера никак не может поверить, что перед ней тот самый Василий, который издевался над ней всю жизнь, а потом умер и как-то сразу стал другим, родным и близким, лежит теперь на кладбище под березами, и к нему всегда можно сходить, поговорить с ним, поплакать... Тогда откуда и зачем появился этот, пьяный и злой, ведь его нет, давно уже нет, да и был ли он вообще?..

В избу он ввалился с грохотом – дыша перегаром, еле держась на ногах. Однако в деревне все отлично знали, что слабость его обманчива, что он, даже будучи мертвецки пьяным, обладает звериной силой и может с одного удара свалить дюжего мужика.

Поддерживая себя в равновесии судорожными движениями ног, вместе и мелкими и размашистыми, Василий стоял посреди кухни и во все горло орал:

– Похоронили, значит, похоронили, сволочи! Я давно замечал: смерти моей желаете. Только я, понимаешь, из дому, а они уж меня в землю зарывать. Да я вас всех, сволочей, переживу, сам кого хочешь в могилу зарюю.

– Пьяница и дурак, дурак и пьяница, – отойдя от первого испуга, ровным голосом ответила старуха. Увидев прежнего Василия, она теперь и говорила с ним, как прежде – пренебрежительно и ничуть его не страшась, а он, тоже как в былые годы, злился и не знал, чем пронять старуху.

– Убью! – только и сказал он и со всего маху двинул ногой по табуретке, отчего та отлетела в конец кухни. – А теперь с тобой... – он перевел взгляд на жену, которая стояла у дверного косяка и без выражения смотрела в одну точку. – Кого ты, гадина, на кладбище похоронила? Любовника своего – точно? Меня не проведешь! Говорили мне, что бегаешь к нему на могилку всякий день. Дочка ведь тоже от него, а?! Конечно, от него. Такая юродивая у меня родиться не могла.

– От тебя, от пьяницы, такая и родилась, – вставила бабка.

– Где она, эта дрянь? Спрятали?! – и, не дожидаясь ответа, он выскочил из кухни, дернул дверь в комнату – она не поддавалась – и тогда, разбежавшись, он плечом вышиб дверь и кубарем ввалился в комнату.

Ириша сидела у окна, бессмысленно, с ужасом в глазах, повторяла: «а, б, в...» – и тут, на этой «в», Василий наотмашь ударил ее по лицу. Голова ее дернулась, она вскочила, стала рвать оконную раму на себя, стараясь открыть. Но он, совершенно безумев, схватил девочку сзади, оторвал от окна и опять несколько раз ударил.

Сбросив с себя кричащую жену, он проговорил ей злобно, в самое ухо:

– Не моя это дочь, не моя. Не признаю.

И затем, уже снова на кухне, он продолжал кричать:

– Я сейчас уйду, но, не надейся, ненадолго. Есть небольшое дельце. А вот когда вернусь, тогда уж вы у меня попляшете. Все припомню. И не думай, что я поживу да опять уеду. Нет, теперь я осел основательно, может быть, навсегда. После того, что вы сделали, поблажек от меня не ждите, прежняя жизнь раем покажется... А знаешь, куда я сейчас пойду?

Чуть поостыв, он лукаво прищурился на жену:

– Никогда не догадаешься... На кладбище, к твоему любовнику. Чтобы сравнить его могилку с землей. Чтобы и памяти о нем никакой не осталось. Так-то.

Он вытащил из-за печки огромную ржавую кувалду и со словами: «Возьму с собой», – поставил ее у двери. Затем, что-то разыскивая, несколько раз прошелся по кухне, вышел в сени и вдруг оттуда крикнул:

– Где обувка? Где мои сапоги?.. А, вот... Специально эти надену, в них ловчее.

В его руках, когда он вернулся на кухню, была пара сапог, таких тяжелых и грубых, что, казалось, именно под их весом он и рухнул на стул, согнулся, стал торопливо сбрасывать свои ботинки.

Она пришла в себя лишь после того, как гроыхнула входная дверь, а до этого неподвижно стояла возле печки, рассеянно потирала уши-бленное при падении плечо, глядя мимо Василия, мимо бабки, куда-то за окно, в темноту, в тишину вечера. И совершенно спокойно, даже как-то вяло, будто не о себе, думала: пришел конец ее размеренной жизни, ее красивой сказке, которую она себе придумала и жила ею весь последний год; вот опять начинается все то прежнее, дурное, невыносимое... Перед глазами неотрывно стояла страшная картина избиения дочери, но почему-то еще страшнее было то, что Ирише не удалось дойти до конца алфавита, не дал этот зверь, а ведь ей нужно учиться, она только начала приходить в себя – что же будет теперь?..

– Ты куда это собралась? – насторожилась бабка. Она хорошо изучила племянницу: знала, что та, хоть и тихая, а иногда такое выкинет, никакой озорнице не снилось. – Эй, оглохла, что ли? Куда, говорю, собралась? – спросила еще раз, но Веры уже не было на кухне.

В дальней угловой комнате, где иконы соседствовали с оружием, а мыши с котом Борькой, было, как всегда, темно – небольшого, узкого оконца не хватало, чтобы полностью осветить комнату. Стены без солнца отсыревали, по полу растекались пятна влаги. Ружье, ради которого она сюда пришла, висело на стене, а в тумбочке, возле старого дивана, должны были лежать патроны. Так и есть: несколько коробок, на каждой надпись наискосок – «Байкал» – и охотники на берегу озера. Зарядить ружье несложно: она много раз видела, как это проделывал муж. Надо сломать ружье пополам – об колено, об подоконник, как угодно, лишь бы раздался характерный металлический щелчок – вот, кажется, получилось...

Месяц стоял над деревьями еще низко, но все вокруг, насколько хватал глаз, было ясно видно. На обочине дороги, изрезанной многими колеями и отпечатками копыт, чернели совсем свежие следы от сапог; глубокие, уже наполненные лунным светом и грязной жижей, они вели в сторону кладбища. И Вера, как охотник по следу, шла и отмечала про себя, куда направился зверь, где искать его берлогу.

У развилки, откуда начиналась тропа и шла дальше меж трав прямо до кладбища, она остановилась. Остановливался тут и зверь: примятая трава и влипший в грязь окурочок папиросы... Ее взгляд побежал дальше: пара смачных плевков, еще один окурочек и, чуть в стороне, ржавая кувалда... А еще дальше, из кустов, что мохнатой шапкой круглились в темноте, раздавался продолжительный, пьяный храп.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Родилась в 1960 году в Свердловске. Окончила Уральский электромеханический техникум в Свердловске, курсы сурдопереводчиков, филологический факультет Горьковского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского, Высшие литературные курсы в Москве. Работала воспитателем, сурдопереводчиком на Горьковском автомобильном заводе, Нижегородском телевидении.

Публиковалась в ведущих литературных журналах. Автор многих стихотворных сборников.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

ТАКСИСТ

Ехала за рулём своего автомобиля и, казалось, ни о чём не думала.

Вдруг справа меня обогнал мотоциклист. Точнее мотоциклистка. Я это поняла, увидев длинные волосы, развевающиеся по спине, заплетённые в косы. «Ну и дела! – подумала я. – Эх ты, птица-тройка моя, джили, прибавь скорость!» Правой ногой вдавила педаль до 100 километров, стала обгонять мотоциклистку на подъёме у Ржавки. Было неудобно поворачивать влево, затем резко вправо, мотоциклистка не уступала, её Avantis почти прижался, наклонившись низко до асфальта. «Ну, нет, обгоню!» – и это мне почти удалось, я разогналась до 110 километров, ухитрилась, перестраиваясь в правый ряд прямо перед носом мотоциклистки.

У меня был случай, оставивший неприятный след в моих воспоминаниях. Ехала я тогда тоже за рулём по Верхне-Волжской набережной, стала перестраивать джили правее, включила поворотник. И увидела в зеркале заднего вида приближающийся мотоцикл красного цвета. Успела притормозить, пропуская доставщика еды. Ух! Ух! Сердце бешено заколотилось. Вот прямо шмякалось о рёбра, того и гляди разобьёт тонкие косточки.

И вот опять – наглая мотоциклистка. Прямо-таки болтается у меня под колёсами. Впереди ехала ещё одна машина. Кажется, ауди или киа. Стала обгонять обеих. Ибо какой русский потерпит, что тебя обгоняет мотоцикл? И вообще, это очень неудобно ехать за узкими колёсами Avantis, когда грязь летит прямо в твои стекла. Было ощущение, что я опаздываю. Или сказалось моё самолюбие, или чувство, что мне мешают ехать спокойно, или мой эгоизм автомобилиста.

Обогнала. И мотоциклистку. И ауди. Выдохнула.

Вообще, я заметила, что когда волнуюсь, то дыхание сбивается, вдох словно собирается в комок и застревает в лёгких. А выдох приносит облегчение.

Впереди был знак – ограничение скорости, и антирадар мой начал причитать с китайским акцентом «снижайте режим движения». Разговаривать с антирадаром было приятно, это словно чуткая подружка, ко-

торая меня всегда предупреждает своим девичьим голосом. На самом деле, гордыня – это грех, поэтому женщина я спокойная, стараюсь соблюдать правила движения. И начала притормаживать. Но автомашина, разогнавшаяся за мной, не думала особо соблюдать скоростной режим, она неумолимо приближалась, а за ней та самая мотоциклистка с развевающимися за спиной волосами.

Вообще, люблю длинноволосых женщин. Русые косы – это красиво. Рыжие завитки с резиночками на кончиках – забавно. Пышные чёлки меня приводят в изумление. Высокие начёсы напоминают о женщинах лихих девяностых, сидящих рядом с любовниками, наряженными в малинового цвета пиджаки. А ещё о многом таком же, например, о золотистых цепочках невероятной желтизны и блеска, десятисантиметровых крестиках на волосатый груди братков.

Ой, кажется, я отвлеклась. Но я не переставала слегка притормаживать, следуя правилам.

Ауди тоже начала снижать скорость.

Но мотоциклистка попыталась обогнать слева, всем телом пригибаясь к шоссе. Виртуозка! Avantis прибавил скорость, словно не понимая, что трасса углубляется в черту города.

Нижний Новгород! Ты стоишь величаво, тянешь свои красного кирпича башни вверх. Иногда хочется сказать – мы волжане, иногда – мы окчане, скорее всего – мы окские волгари, люди, живущие на слиянии рек! Я сбросила скорость. И вдруг в зеркале заднего вида увидела, что мотоциклистка, вихляя между машинами, всё-таки обогнала ауди. Отчаянная! Куда ты спешишь? У тебя нет брони на теле: лишь куртка из кожзаменителя с дешёвой эмблемой, лёгкие сапожки на каблуке. И вправду, куда этой мотоциклистке так срочно надо? К детям? Мужу? К любовнику? На работу? На соревнования? Или это такая манера езды: собирать штрафы за превышение скорости?

Водитель ауди скорее всего не ожидал такого манёвра, такого петляния сначала вправо, затем резко влево возле кузова. Я уже всех обогнала и могла спокойно подумать, вспоминая, что марка этой мототехники – лидер. Иначе зачем бы мотоцикл так нагло вихлял бы, обгоняя всех? Куда ты так мчишься?

Вот, правда, куда? Я представила, что эту красотку ждёт молодчик, что каждая минутка у них на счету.

Или старый ревнивый муж?

У меня такой же, поэтому приходится спешить.

И вдруг услышала позади резкий звук тормозов. Когда мне говорили «вдарил по колодкам», я не придавала значения этой фразе, когда я видела на трассе чёрного цвета подпалины от протектора, то не углублялась в мысли об аварии. И сейчас поняла: трагедия случилась за моей спиной. От страха я прибавила скорость, резко рванула вперёд. Моя джили взвизгнула всем своим китайским мотором и ускорила движение.

Позади что-то дымилось, искрило. Белая глыба ауди кувыркнулась и ударилась об отбойник. Наглая мотоциклистка проскочила мимо и резко рванула вперёд.

– Дура! Остановись, ты же причина аварии...

Я затормозила. Затем включила аварийку и медленно попятилась назад.

Картина, которую увидела я, была не для слабонервных.

Ауди валялась на боку, переднее стекло вылетело в овраг. Искорёженный кузов, сплюснутый багажник, вывалившийся бампер. Ауди

почти сложились пополам. Лицо водителя истекало кровью. Точнее, я подумала, что это лицо, может быть, это была часть спины, может, вообще живот с задранной вверх майкой?

Нет, лицо.

Вот лоб. Глаза. Кудрявые волосы.

А может, не кудрявые?

Может быть, это просто мираж? Я один раз приняла разодранную тряпку на дороге за корчи котёнка, а перелетающий осенний лист за перебегающего дорогу ёжика. Надо выйти. Присмотреться.

И вызвать скорую. В первую очередь её.

Механически достала сотовый телефон из сумочки, набрала номер. Собираясь с мыслями, чётко произнесла адрес диспетчеру. И снова села в свою машину, включив аварийный мигающий сигнал.

Итак, лицо пострадавшего... где я его видела? И когда?

Жирный мясистый нос. Ухо. Оттопыренные губы.

Ага! Вспомнила.

Это был тот самый таксист, который...

Да... Это он.

Вот честно, никому не желаю зла. И не желала. И не стану желать. Пусть все живут счастливо со своими жёнами, мужьями, семьями, старыми мамами, молодыми отцами. С кем хотят, пусть так живут. С кошками и собаками, с попугаями и хомячками. Пусть приходят домой с работы и целуют кого угодно: детей, псов, змеек. Да хоть лучи солнца. Хоть куски неба. Пусть садятся ужинать и едят тоже, что хотят, — от хачапури до борща с салом.

Имя этого таксиста Дмитрий.

Так он представился, когда вёз меня пару месяцев тому назад. Сразу скажу, что есть очень хорошие таксисты и честные люди, но скажу, что существует несколько способов обмана клиентов. И что есть таксисты, думающие, как бы обмануть. Ты едешь счастливая и окрылённая, а таксист мечтает о том, как обвести тебя вокруг пальца.

Когда мы приехали в назначенное место, Дмитрий объявил цену:

— С вас четыре тысячи восемьсот рублей.

— Что? — Я выглядела как лягушка в этот момент, как жаба с выпученными глазами, сидящая на болоте и глотающая мух.

Дмитрий повторил сумму.

— Нет! — отмахнулась я. — Я вчера ехала от вокзала до Печёр за семьсот рублей. Могу дать тысячу, и я пошла...

Но двери оказались заблокированными. И оплата оказалась по «другому» тарифу. То есть за комфорт, за повышенный уровень обслуживания и за быструю подачу.

— Вы сами виноваты. Вы не спросили цену.

— Нет. Я спросила. Мне сказали, что по тарифу.

— Всё верно. У нас такой тариф!

— Вы аферист?

Таксист мотнул головой.

Мы долго препирались. Он кричал на меня, стараясь отобрать мой мобильный телефон, так как я никак не могла понять, как переводить оставшиеся деньги. Ладонки мои вспотели.

— У меня всего три тысячи на карте...

— Позвоните родственникам или друзьям и попросите в долг! — предложил Дмитрий.

Я хотела соврать, что у меня нет богатых в поле обозрения. И что я вообще сирота казанская. Но подумала, что ни при каких обстоятельствах не стану этим заниматься. Родственников у меня хоть отбавляй, в долг дадут и не поморщатся. Вот зачем, зачем я поехала на такси? Могла бы спокойно добраться до вокзала самостоятельно.

– В следующий раз едьте на автобусе! – усмехнулся Дмитрий.

– Не едьте, а езжайте! – отмахнулась я. Эта моя вечная привычка филолога: поправлять неграмотную речь. – А ещё какие-то стишки второсортные читали по ходу движения. Наверно, подумали, что мне это интересно.

– Вы же сказали, что журналисткой работаете?

– И что? Я вообще графоманов не люблю. Они и так меня облепили со всех сторон... читайте своим ворюгам на базе эти свои вирши.

– Так вы будете платить остальные деньги?

– Я вам сказала, что у меня нет такой суммы.

– Хорошо. Давайте сколько есть! – таксист согласился на другую, но всё равно завышенную цену.

После мои товарищи говорили, что ж я не взяла с таксиста чек, советовали, чтобы я пошла в полицию, чтобы я написала заявление.

Но я стала писать рассказ.

Но он не клеился. Слезы обиды душили меня.

...Я снова взглянула на облитое стынувшей кровью лицо. И поняла: меня тошнит.

В первый раз так стало противно. Я видела мёртвых. Видела раздавленного котёнка. Видела убитую лису в овраге. Видела обглоданного кабана. Один раз прямо на улице, шедшая впереди меня, умерла бабушка. Она тихо-тихо ковыляла в магазин. Вдруг присела на тонкие ножки, почти птичьи. И сидя умерла. Мне не было противно. Я подошла к ней. Бабушка уже закрывала глаза, словно засыпая. Она произнесла: «Красивая...» – и сделала последний выдох.

Слышите? Я красивая! Красивая!

Так сказала умирающая чужая бабушка.

А этот таксист на прощание мне сказал:

– Будьте внимательнее, когда вызываете такси.

Вот так и сказал. Словно произнёс: ты чмошница! Тебя обмануть легко. Таких, как ты, тоже обмануть легко. Просто надуть, обвести вокруг пальца, обхитрить.

Мне денег не было жалко. Но я бы хотела их потратить на благое дело. На спасение больных. На помощь бедному человеку. Даже бомжу не жалко. Простой побирушке-попрошайке. Да мало ли кому. Но чтобы вот так нарваться на аферюгу с большой дороги... неприятно.

Но пережить можно.

И вот он валяется вверх тормашками, зажатый между сиденьем и дверями. То ли полуживой, то ли мёртвый. И ему сейчас нужна помощь. Моя помощь. Я попробовала дёрнуть дверь. Но меня так тошнило, что страх. Я хотела ринуться к обочине. Но не могла пошевелиться. Никак. С одной стороны надо было спасти раненого. Или убитого. А с другой стороны яичница с белым хлебом и кофе потоком рвались наружу из моего желудка...

Скорая приехала первой. За ней остальные службы, мигая красными огнями.

Лицо Дмитрия было в крови и остатках моей пищи. Я просто не успела отбежать к оврагу.

Обычный физиологический процесс. У таксиста – жадность на уровне физиологии. У меня больной желудок на нервной почве.

Далее было простое описание процесса. Я рассказала про мотоциклистку, которая ехала по дороге, маневрируя между автомобилями на спуске и на подъёме. Это были опасные манёвры. Но, с одной стороны, мне думалось: кто же она эта женщина?

И ещё подумала сразу про все десять заповедей. И про одиннадцатую тоже. Она должна была звучать, как музыка. Музыка боли и отвращения. Музыка любви к людям и неприятия их недостатков. Музыка мести и музыка прощения. И мне захотелось встать и начать отмаливать грехи. И свои, и чужие в первую очередь. Сколько этих грехов у Дмитрия? Много...

И более всего мне хотелось, чтобы он выжил, а выкарабкиваясь с того света, чтобы осознал, как он делал гадко. И чтобы более никогда не повторялись в мире подобного рода эпизоды. Чтобы люди были честными по отношению друг к другу. Чтобы они дружили между собой. Не посягали на чужой кошелек, на чужие деньги. Ибо любая копейка, заработанная честно, чище и благодатнее грязной сотни. Молюсь, чтобы выжил.

Любой враг мой.

И вспорхнула птица серого цвета прямо из оврага. Я её увидела. Серебристые крылья, лучистый клюв, она не летела. Она ехала на мотоцикле, сотканном из лёгкого ястребиного облака.

Елена ГОФМАН

Родилась в 1970 году. Окончила Ленинградский государственный институт культуры (библиотечный факультет, художественная литература), живет в Ленинградской области. Инструктор по ЛФК и йогатерапии, экскурсовод по Карельскому перешейку и Северному Приладожью.

Стихи и проза публиковались в журналах «Российский колокол», «Нижний Новгород», коллективных сборниках. Работает над сборником рассказов «Четки» об островах Ладоги.

Живёт в Ленинградской области.

БОХНА

1

Дьякон стоял перед закрытыми святыми воротами в фиолетовом облачении. Он медленно поднял правую руку с орарём и глубоко вдохнул перед тем, как провозгласить Великую ектенью.

На клиросе за небольшим деревянным аналоем служили трое мирян. Старший певчий имел привычку во время пения сильно открывать рот и высоко поднимать внешние края густых бровей, чтобы его лирический тенор звучал иерихонской трубой. Храм был довольно просторным для такого небольшого эстонского городка, как Нарва*. И певчий без всяких микрофонов заполнял его пространство громогласным звуком, иногда в ущерб хоровой гармонии. Рядом стояла полненькая женщина слегка за сорок и недовольно косилась на церковного тенора. Третья певчая, молодая девушка, студентка, держалась немного в стороне от опытных хористов. Тенор поднял грудь, развернул плечи, приготовляясь петь, и случайно задел плечом соседку. В этот момент дьякон, собравшись с духом, велеречиво провозгласил:

– Миром Господу помолимся!

Хор дружно ответил:

– Господи, помилуй!

– О свышнем мире и спасении душ наших... – продолжил дьякон. А недовольная певчая шёпотом сделала тенору замечание.

– Не толкайся! – И тут же подхватила. – Господи, помилуй!

Тенор наморщил лоб и зашептал полненькой хористке, пока дьякон вытягивал длительный возглас:

– Это я-то толкаюсь?! Ты сама минуту назад мне на ногу наступила. Липнешь к аналою, как банный лист... Господи, помилуй!

Дьякон продолжал призывать помолиться о святом храме, о тех, кто со страхом и благоговением входит в него. А в это время певчий ссорился с опытной хористкой, не пренебрегая легкими оскорблениями.

– Больная!.. – и тут же: – Господи, помилуй!

* Нарва – приграничный город Эстонии с русским населением.

– Сам больной... – не уступала хористка. – Не зря тебя Юрка Хайглой* называет... Господи, помилуй!

Певчий задохнулся от возмущения, покраснел, но был вынужден преодолеть себя и заголосить на тон выше, сбивая обидчицу:

– Тебе, Господи!

От такого громогласного пения старушки усиленно закрестились. Студентка спряталась за аналоем, даваясь от смеха. Тут на амвоне появился блаженный Юрка. В коричневых коротких штанах с ремнем, сильно стянутым на талии, он походил на известного упитанного мужчину непонятного возраста с покатыми плечами. Подтянув ремень выше пупка, блаженный неожиданно резко произнес, обращаясь к певчему:

– Ты здоховой? Или болной? – и постучал кулаком по лбу. – Хайгла, слышишь? Болной? Щас Бохну позову!

Затем посмотрел на хористку:

– А ты, пилтаса*, куда пойдешь?

Юрка задрал подбородок и сам громко хихикнул. Певчие зашушукали на блаженного.

– Тише ты! Служба идет... Чего вышел?

– Вышел кадилу дать отцу дякону, кадилу дякону... А ты, пилтоса, куда пойдешь? – сказал Юрка, вновь захихикал и поспешил к дякону.

– Ох, уж этот Юрка! – покачал головой тенор, но края его густых бровей поползли примирительно вниз. А после слов дякона о том, что Богу подобает всякая честь и поклонение, хор запел уже более миролюбиво и слаженно:

– Аминь!

2

В конце службы на амвон вышел настоятель храма отец Сергей. Он хотел по привычке погладить окладистую бороду, но резко отдернул руку. С бороды свисала белая медицинская маска. Священник обвёл паству строгим взглядом и помолчал немного, настраиваясь на проповедь.

С Юркой они были ровесниками: обоим под шестьдесят. Но отец Сергей выглядел как почтенный старец, сошедший со старинной иконы, а Юрка казался подростком, загримированным под старикашку. Борода настоятеля свисала широким густым лесом, а из подбородка юродивого торчали в разные стороны только несколько тёмных коротких волосинок. Священник был сед, а у блаженного только виски слегка побелели.

А Юрку ещё ребенком в церковь привела бабушка. Мальчик не разговаривал, был опрятным, имел привычку вытирать платочком рот. После смерти бабушки собор стал для Юрки вторым домом. Он помогал старушкам убирать храм, приносил из колодца воду. Через время его допустили в алтарь. Юрка подавал кадило, приносил из лавки записки, обходил храм с подносом для пожертвований, помогал выпекать просфоры и даже звонил в благовест под присмотром звонаря. Со временем местный блаженный стал неотъемлемой частью собора, его живой достопримечательностью. Сменялись времена года. Рождественский пост завершался светлым Рождеством Христовым, а Пасха торжествовала над Великим постом. Менялись настоятели, регенты, певчие, сторожа и даже казначеи. Неизменным оставался только Юрка. Каждый день он приходил за полчаса до службы и работал в соборе до его закрытия, без больничных,

* Хайгла – больница (эст.).

отпусков и выходных. Недомогал он крайне редко. Иногда только простужался и ходил по храму, шумно сморкаясь в цветастый носовой платочек.

Обет молчания Юрка нарушил лет в тридцать, когда советский атеизм перестал быть воинствующим. В церковь пришла молодёжь и разговорила местного юродивого. Первым его словом стало «хрюхать», что означало «спать». Потом оформилась «пилтаса», то есть «колбаса». Вскоре он научился выкрикивать своё знаменитое «Хайгла», показывая рукой в ту сторону, где за собором находилась районная поликлиника. Выучив слово «сикалочки», то есть сандалики по-эстонски, он радостно смеялся и подтягивал штаны выше пупка. Словарный запас блаженного начал расти, шириться, видоизменяться и усложняться. Иногда он звал «Бохну», но никто не знал точно, какой смысл вкладывал в него Юрка. Через некоторое время он научился отвечать на вопросы и даже задавать свои. Благодаря подросткам юродивый выучил и простые ругательства. Редко, но бывало такое, что он приходил в храм удрученным и даже злым, ругался, потряхивая кулаком, но быстро успокаивался.

С разными людьми Юрка держался по-разному. Завидев настоятеля, он ещё издали начинал низко кланяться, потом подходил и вытягивал вперед руки, с хлопком опускал тыльную сторону ладони правой руки в ладонь левой, склонял голову, просил благословения и смачно целовал настоятельский поручень. С дьяконом Юрка держался чинно и серьезно: по-свойски пожимал ему руку, спрашивал о здоровье сына. К каждому из приглянувшихся ему прихожан он подбирал свои словесные ключики и воспроизводил однотипные короткие диалоги. С полненькой хористкой он общался примерно так:

- Куда идёшь, пилтаса?
- Я не пилтаса.
- Пилтаса, пилтаса, на вевочке оса. Куда идешь?
- Домой.
- Собачку когмить? – Он знал, что у хористки дома живет щенок.
- Да.
- А чем будешь ее когмить?
- Пилтасой.
- Нет, молочком.
- Хорошо, налью ему молочка из бутылочки.
- Нет, надо отсюда. – говорил Юрка, показывая на высокую грудь хористки.
- Чего?!

Он смеялся гортанным смехом, поворачивая голову вправо и задирая подбородок вверх. И затем начинал все сначала:

- А ты куда идешь, пилтаса?

К студентке Юрка испытывал возвышенные чувства:

– Ты – Любошка, Лю-у-убошка моя, Лю-у-убошка. Где твои сикалочки?

- Дома, Юрка.
- А почему дома?

– Потому что сейчас зима, ещё холодно в сандаликах, – объясняла студентка.

- А когда сикалочки наденешь?
- Летом.
- Лето? А спой о лето.

– Хитрый, – смеялась девушка, затем начинала петь. – Нашему Юре многие лета, нашему Юре многие лета, мно-о-оги-ие ле-е-ета-а-а!

Он гордо и счастливо смотрел на студентку, задира л подбородок, смеялся и потом начинал сначала:

– Ты – Любошка моя, Лю-у-убошка. Где твои сикалочки?

3

Юрка любил стоять на клиросе. Он выискивал знакомые лица и подмигивал им. Если они обращали на него внимание, радостно потирал руки и хихикал. Вот и после ссоры певчих Юрка осматривал паству, которая ожидала проповедь настоятеля. Отец Сергей умел подобрать такие слова, что многим из присутствующих казалось, будто он обращался именно к нему. Но сегодня священник странно выглядел в медицинской маске. Он обвел паству строгим взглядом выразительных глаз и заговорил сбивчиво, делая непривычные паузы:

– Братья и сестры... заканчивается... вторая седмица.... Великого поста.

Обычно речи настоятеля лились елеем. Прихожане с удивлением наблюдали, как его голос дрожал, словно пламя свечи на ветру. Даже Юрка повернулся в сторону священника и насупил брови.

– Церковь – это не только каменные строения... это не сто и не тысяча прихожан... но духовная связь, которая объединяет всех, кто был, есть и кто будет в этих стенах, а также небесные силы со Святым Духом. Запомните... каждая часть Церкви, даже самая малая, такая как один верующий, может быть названа «соборной». Каждый из нас... является и частью и одновременно целым. Так, в солнечное утро маленькая капля росы отражает в себе все огромное солнце. А солнце освещает миллиарды росинок.

Постепенно голос батюшки начал выравниваться, обретая обычную силу.

– Апостол Павел говорил: «Мы ничего не имеем, но всем обладаем». Наша соборность позволяет нам, маленьким частицам общей Церкви, иметь силу проходить все плачи и стоны, болезни и лишения, невзгоды и трудные времена. Помните, святые и Ангелы с нами, здесь, в нашей одновременно земной и небесной обители... Собранные воедино, мы соборны. И подобно Христу обращаемся к Творцу небесному и зываем: «Господи, помилуй!»

Растроганные прихожане стали усердно креститься. Юрка тоже размашисто стукнул себя по лбу, ткнул в живот, в правое плечо, в левое и поклонился в ноги маленькой сухой старушке, стоявшей недалеко от клироса. Лицо хористки пошло пятнами и покраснело. Тенор стал нервно потирать вспотевшие ладони, шарить по карманам в поисках платочка, но так его и не нашёл.

– И сегодня, братья и сестры мои во Христе, – продолжал настоятель, – я должен с прискорбием объявить вам, что наш собор закрывается на неопределенное время в связи с пандемией коронавируса. Храм перестанет работать с понедельника. Службы Великого поста будут проводиться по расписанию, но при закрытых дверях. А вы, дорогие прихожане, сохраняйте соборную связь друг с другом и молитесь келейно о всех болящих и о том, чтобы пандемия прекратилась как можно скорее. Великий пост – время покаяния и скорби. Молитесь и кайтесь. Надеюсь, что Светлое Христово Воскресение мы встретим здесь в нашей церкви в здравии и благодати. Аминь.

Люди сначала остолбенели, потом загалдели. Сухая старушка запричитала:

– Помилуй, батюшка. Воскресенский наш собор даже в большевицкое время никогда не закрывался... И во время войны работал... Когда

госпиталь был в верхнем храме, люди в нижнем молились... И когда снаряд в крышу попал... И когда алтари разворовали мародеры... А уж столько тогда эпидемий было, и не сосчитать!

– Господь испытывает нас, – заглушая ропот паствы, проговорил настоятель. – Нам могут запретить собираться вместе физически... Но кто может разъединить нас духовно? Невидимые духовные узы и составляют истинную соборность нашей Церкви.

Удрученные прихожане стали медленно расходиться. Юрка почувствовал переполох в пространстве собора. Он подошёл к хористке, но она со словами «Некогда» устремилась за тенором, чтобы обсудить случившееся. Студентка мягко улыбнулась блаженному, но, увидев дьякона, поспешила к нему, чтобы узнать, каким образом будут проходить службы в закрытом храме. Юрка пытался улыбаться бабुлькам, но даже им было не до блаженного.

4

Жил Юрка со старшим братом Михаилом. В понедельник он, как обычно, собрался выйти из квартиры и пойти в храм. Но дверь оказалась закрытой на оба замка. А ключей нигде не было. Михаил, будучи пенсионером, работал водителем и часто уходил из дома до рассвета. И Юрка стал специально толкать дверь, ронять предметы на пол и шуметь, чтобы разбудить жену брата, худую и слабую здоровьем женщину. Через несколько минут он успокоился, услышав возню и чьи-то не слишком лёгкие шаги. И очень удивился, когда увидел Михаила.

– Юра, сегодня нельзя на улицу... Дома сиди...

Юрка ничего не понял. Его нижняя челюсть отвисла, как у бассета, и рот приоткрылся.

– А ты куда пойдешь? – задал он привычный вопрос.

– Никуда! Никто никуда не пойдет. Все остаются дома. Эпидемия. Болезнь лютая к нам пришла. Хайгла, понимаешь?

– Ты больной?

– Я-то нет. Но, чтобы не заболеть, все должны сидеть дома. Иди к себе в комнату.

Юрка недоверчиво посмотрел на брата, зашаркал ногами и снова спросил:

– А ты куда пойдешь?

– Да никуда, Юрка. Как тебе объяснить?! Всё, дома сиди, дома. – Михаил повысил голос и указал пальцем на дверь комнаты.

Юрка побаивался брата и подчинился. Но на следующее утро сцена у входной двери повторилась. Уходя в комнату, он обозвал брата «Хайглом» и «кокодиллом», гневно сверкнув глазами.

Дни тянулись медленно и казались мутными, как слякоть за окном. Жена брата очень боялась заболеть ковидом и заболела: слегла с высокой температурой. Михаил решил, что лучше лечиться дома, чем в переполненной больнице. Юрку не пускали даже на кухню, соблюдая строгий карантин. Он сидел в своей комнате, как пёс, лишенный прогулок. Иногда в его глазах появлялся злобный огонёк, но чаще всего они были тусклыми и печальными с отвисшими по-собачьи веками.

На его столе лежали пустые поминальные листочки, принесенные из собора. Юрка брал ручку и часами выводил на них странные каракули, похожие на ломаные линии кардиограммы. Исписав листочков десять, он долго и аккуратно складывал их стопкой так, чтобы на каждом

из них печатный крестик был сверху. Затем нёс записки в другой угол комнаты и клал их на подоконник. Осторожно брал верхний листок, близко подносил к самым глазам и шевелил губами, словно зачитывал имена. Потом откладывал в сторону и размашисто крестился, затем брал следующий, словно совершал молебен.

Иногда Юрка ставил стул посреди комнаты и клал на него сложенные вещи или диванную подушку. Снимал икону Спасителя со стены и устанавливал её под небольшим наклоном на свой импровизированный аналой. Он вытаскивал из штанов ремень и обходил комнату с серьезным видом, раскачивая его из стороны в сторону. Железная пряжка позвякивала, напоминая бряцанье кадила. Подражая движению священнослужителей, он обмахивал особенно тщательно углы своей комнатухи, долго кадил, затем надевал ремень, подтягивал штаны и вставал напротив стула с иконой. Юрка раскачивался из стороны в сторону, поднимал правую руку вверх и что-то бубнил на своем недоразвитом языке. Четче других слов выделялись «амн» и «Бохна». Затем он складывал перекрещенные руки на груди и подходил к невидимому священнику для причастия: широко открывал рот, замирал на несколько секунд, словно потреблял частицу из чаши, и затем резко смыкал губы, словно боялся выронить хотя бы каплю Святых даров. Блаженный крестился, кланялся, целовал невидимый потир; подходил к столу, брал стакан с водой, запивал причастие и вытирал рот носовым платком.

Иногда Юрка неподвижно лежал на полу, не шевелясь и не засыпая. Он мог поживать таким образом часами, пока вечерние сумерки не окутывали его своим покрывалом. Свернутое калачиком полноватое тело расплывалось в очертаниях темнеющей комнаты, сливалось с окружающим пространством и тонуло в надвигающейся темноте. Блаженный погружался в беспамятство и спал на полу всю ночь.

Тем не менее каждое утро Юрка продолжал стучаться в закрытую дверь и приставать к брату с вопросами. Однажды, когда весна стала совсем уже неприлично барабанить каплей в стекла, а птицы подняли такой гомон, что было невозможно не открыть окна, Михаил позвал Юрку на кухню и протянул ему крашеное яйцо. Указывая другой рукой на стол с аппетитным куличом в окружении разноцветных яиц, брат примирительно сообщал:

– Сегодня Пасха, Юра. Пасха, Воскресение. Христос Воскрес!

Он подошёл к брату, но Юрка отскочил к окну. Ещё раз посмотрел на улицу, перевёл взгляд на кулич и крашеные яйца, опять в окно... И побледнел. По лицу пробежала тень усилия. Он пытался проанализировать событие, сопоставить факты, напрячь свой вялый умишко. И вдруг, словно пораженный, закричал:

– Куда пойдешь, хогек вонючий? Куда пойдешь на лаботу? Куда?

Он не умел правильно составлять вопросы и вместо наречия «когда» повторял свое неизменное «куда». Когда же брат пойдет на работу? – хотел спросить Юрка. Когда наконец-то выйдет из дома? Когда спросит его, Юрку: «А ты, Юра, когда пойдешь на работу? Когда пойдешь в храм?» И откроет ненавистную дверь. Ведь ни Михаил, ни Юрка так и не заболели. Правда, братова жена пролежала месяц в постели, но все-таки пошла на поправку. Так почему его, Юрку, держат взаперти? А ведь Христос, Христос Воскресе!!!

Юрка метнулся в свою комнату, хлопнул дверью, затем приоткрыл её немного, выставил в щель полные дрожащие губы и отчаянно закричал:

– Ты Хайгла! Хогёк вонючий! Ты куда, куда, куда ты пойдешь, хогёк вонючий, куда пойдешь на лаботу?!

Его голос осекся. Слышно было, как Юрка сполз на пол, спиной подперев дверь, и зашёлся булькающим гортанным плачем. Михаил не выдержал и резко сжал кулак, раздавив в нем пасхальное яйцо.

5

Приближалась Троица. Ещё днем отцу Сергию позвонили из городской управы и предупредили, что во время открытия собора людям необходимо сохранять дистанцию и носить маски. Служба начнется в восемь часов. Но двери можно будет открыть только после приезда полицейского патруля.

Священник проснулся рано, пошёл в алтарь. Солнечные лучи уже проникли в продолговатые оконца и ложились светлыми пятнами на престол с позолоченной утварью, на иконы и хоругви, стоящие у стены. Помолясь, настоятель обошёл пустой храм и направился в притвор. Из бокового открытого окна доносилось птичье пение и людские голоса. До начала службы оставалось полчаса, а прихожане уже собрались. Патрульная машина дежурила у ворот. Два полицейских с дубинками в руках охраняли калитку. Пропуская людей на церковный двор, они следили, чтобы маски закрывали лица, и предупреждали прихожан о соблюдении социальной дистанции.

Люди были одеты празднично-пасхально. Несмотря на дистанцию и маски, они переговаривались и улыбались друг другу. Хористка успела рассказать студентке, как тенор попал в больницу с сердечным приступом, как не пускали к нему никого и она тайно передавала больному всё необходимое через знакомую медсестру. Церковные бабушки считали потери. Маленькая старушка, которая любила стоять у клироса, не дожила трех дней до Пасхи. Дьякона только недавно выписали из больницы, и он отлеживался дома.

Вдруг послышался шум и весёлый гортанный смех. Широко улыбаясь, к калитке подходил Юрка. Голубая маска оттопыривала его длинные уши и смешно выделяла подбородок. Брат ещё дома заставил Юрку натянуть защитный лоскуток, но закрыть ему рот никак не удавалось. Юрка либо стягивал маску до подбородка и ниже, либо срывал её вовсе. Михаил на первом варианте, открыл дверь и выпустил Юрку из дома.

Прихожане обрадовались блаженному, приветствовали его, поздравляли с праздником. А Юрка, видя на лицах соборян маски, тыкал пальцем во все стороны и горланил:

– И ты болной?! И ты болной?! И ты тоже болной?!

– Юрка, а где ты был? – спросил кто-то.

– Дома, дома сидел, – весело отвечал он.

– А что ты там делал?

– Хрюхал, – сказал Юрка и счастливо рассмеялся.

Настоятель смотрел на родные лица прихожан. Его обычно серьезное выражение лица смягчилось. Уголки губ тянулись вверх, но подрагивали. Вдруг несколько скупых слезинок выкатились из глаз священника и окропили седую бороду в медицинской маске. Он открыл тяжёлую входную дверь, вышел на ступени храма, обвёл паству светлым взглядом и провозгласил:

– Христос воскрес!

Из будущих книг

Влад ЧЕРЕМНЫХ

Родился в 1958 году в городе Краснокамск Пермской области. Инженер. Работал в нефте- и газоперерабатывающей промышленности, 16 лет – в японской компании.

Публиковался в «Дне литературы», «Литературной России», журналах «Нижний Новгород», «Нева», «Волга – XXI век», «Дон», «Литературная Армения». Лауреат конкурса сценаристов «Золотой витязь» за сценарий «Прощай, Родина» (2022). Короткий список VI международного конкурса «Славянское слово» (2023).

Живет в Перми.

БЕЛЫЙ, КРАСНЫЙ, ГОЛУБОЙ...

Отрывок из повести «Инженеры. Анти DuxLess»

Утром, в самое Крещение, инженер Фёдор Иванович Борщёв ехал на завод в санках, раскладывая день свой по намеченным делам. Накануне он всё точно продумал, нарисовал даже эпюру распределения усилий на грани резца и наметил провести испытания нового инструмента с самого утра. Санки легко скользили по расчищенной от ночного снегопада улице, мимо летели заваленные снегом по самую крышу дома, прохожие спешили на завод, настроение у Фёдора Ивановича было превосходное. Светлеющее небо и всё вокруг вдруг наполнилось перезвоном к заутрене. Фёдор Иванович снял шапку, начал креститься и кланяться проплывающим мимо знакомым с завода, и ему в ответ кланялись, узнавая инженера. «Боже, как хорошо! – говорил себе Фёдор Иванович, – счастье, вот же счастье!»

Проехав проходную, он тут же направился в цех, раскрасневшийся прошёл между станков к тому, на котором намерен был провести испытание. Инженера уже ждали два токаря. Рабочие почтительно поклонились. Фёдор Иванович поздоровался с каждым за руку: ну что, с Божьей помощью примемся? Инженеру передали на чистой тряпичке заготовку резца, Фёдор Иванович взял её в руку, подошёл к металлическому листу и, рисуя мелком результат своих домашних бдений, стал объяснять, как надо сделать заточку. У станка собрались рабочие. На инженера смотрели умные глаза.

«Они всё понимают, мы понимаем друг друга и хотим сделать хорошо, и ещё лучше, и ещё, и ещё...» – думал Фёдор Иванович, глядя на рабочих.

В это время к станку подбежал мальчишка-подсобник и, перебив инженера, громко сказал:

– Там... красных по Реке ведут.

Сначала, цыкнув на парня, кто-то дал пацану подзатыльник. А тот, разрывая все правила, закричал:

– Их к прорубям ведут!

Мальчишеский голос прозвенел по цеху, оборвав движение железа – тишина... и топот ног по металлическим плитам. Фёдор Иванович вместе с рабочими выбежал на цеховой двор, солнечное сияние, усиленное снегом и льдом, заставило зажмуриться, все побежали на берег. Река – ледяная дорога – сверкала на солнце, и дымы дальних изб столбами поднимались в синее небо.

Топкий снег, хрип перехваченных морозом глоток и пар из хватающих ледяной воздух ртов. Выше по течению люди увидели пленных красноармейцев, идущих белой колонной, и серых солдат по бокам с колючими штыками. Утопая в снегу, заводские кинулись на самый край летящего в небо берега.

Забыв о сердце, Фёдор Иванович бежал со всеми, он падал, вставал и снова бросался в снежную зыбь – вот и край. В расстёгнутой шубе, с болтающимся по сторонам шарфом, Фёдор Иванович встал над Рекой.

В звенящей тишине по Реке вели пленных – раненых, избитых. Белое нательное бельё уже промёрзло, покрылось серебром инея, и пятна крови горели, как дыры в телах. Фёдор Иванович всё повторял: «Белый, красный, голубой, белый, красный, голубой...»

Колонна красноармейцев всё тянулась и тянулась, а до берега долетал скрип их шагов, мат конвойных да храп казацких лошадей. Красноармейцев было не меньше роты. Гнали их к огромной чёрной дыре, и лёд там был красным.

Опираясь на товарищей, в колонне шёл Васька Косожихин – гармонист, матершинник и любимец на любой заводской вечёрке. Частушки из Васьки лились как написанные, он ещё и сам на ходу их придумывал. Посмотришь Ваське в глаза – врать стыдно, за друга последнюю рубашку отдаст и жизнь. Он и его товарищи были с Очёрского механического завода – вместе ушли добровольцами к красным, вместе сейчас шли на смерть.

Мимо парней деловито просеменил поп с крестом в руке, из-под чёрной рясы блестели на снегу сапоги из дорогого хрома.

– Куды спешишь, вошь Христова? – крикнул ему в спину Васька. Поп даже не оглянулся на него, так и пробежал вперёд к проруби. Тут Васька, сощутив глаза, посмотрел в небо и то ли завыл, то ли запел – тихо, как бы из далека, набирал силу его голос:

– Как по нашей речке плыли три дошечки...

– и во всё горло, набрав в грудь напоследок мороза, грянули парни,

– эх, так твою мать, плыли три дошечки,

– и снова,

– эх, так твою мать, плыли три дошечки!!!

– захлёбываясь ледяным ветром, уже орала вся колонна и крик этот, утверждая жизнь, нёсся над Рекою.

На колокольне, отзвонив к праздничной заутрене, прижимая к груди верёвки, стоял молоденький звонарь – он любил после перезвона потоптаться по звоннице, посмотреть на Город. В ушах у монаха

ещё стоял звон, когда утро разорвали далёкие пулемётные очереди. Звонарь шагнул к перилам и увидел то, что не могли видеть горожане — за морозной дымкой, там, где вставало над Рекой солнце, с трёх санных тачанок расстреливали мечущихся по льду людей. Казаки не догоняли тех, кто бежал, бежал, бежал, куда-то по льду — всё равно замёрзнут на пир волкам. Монашек, заметался по звоннице, как потерянный упал на колени, снял шапку и быстро-быстро закрестился, потом обнял перед собой балясины и так стоял долго, долго, глядя вниз... и Кунгурская поплыла в слезах.

Васька лежал на спине и смотрел в небо. Над ним кто-то склонился и стал срывать с груди нательный крестик.

— Не трожь, мля... не ты весил, — выдавили губы. И всё... и синь поплыла, и густая, чёрная вода петлёй захлестнула горло.

Фёдор Иванович стоял в снегу, а в глазах было черным-черно.

— Покойники-то весной всплывут... у Сарапула, — донеслось до него, — вот тогда мужики-то поломят.

Так начинался в Городе 1919 год.

Юбилеи

УЛЬЯНОВСКОМУ РЕГИОНАЛЬНОМУ ОТДЕЛЕНИЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ – 75 ЛЕТ

Представляем творчество наших коллег – писателей-волжан

Елена КУВШИННИКОВА,

*член Союза писателей России, лауреат поэтической премии
им. Н.Н. Благова, главный редактор журнала «Симбирск»*

* * *

Завеса туч разорвана, и свет
Разлился в небе, отразился в море.
И в высоте слепящей смерти нет.
И в глубине молчащей нету горя.
Есть свет и жизнь. Не нужно умных фраз.
Рассудочные споры отступают,
Когда с небес живой иконостас
Лучится, отражается, сияет!

* * *

Твоей любви погас последний луч...

С. Кекова

Куда глядят глаза, куда ни бросишь взгляд,
Рассеяны вокруг следы воспоминаний.
«Погас последний луч. В душе горит закат».
Неточный перевод с английского. Прощанье.

И берег наш высок, и нет тропы к воде.
За белой чайкой вслед рванись нетерпеливо.
Твоя душа легка. Она своя везде.
И далеко не всё кончается с обрывом.

* * *

«Ангел речи»

И. К.

Спроси меня – и я тебе отвечу.
Над нами умолкает ангел речи.

И ночь — атласная изнанка дня —
Мерцает близким сном. Спроси меня.

И я тебе отвечу, может статься,
О том, как хорошо душе скитаться
В сиреневых предместьях тишины,
Там, где клубятся будущие сны.

Тебе спросить труднее, чем ответить,
Труднее, чем родную душу встретить.
Всё ж легче, чем томиться без огня.
Я рядом. Я с тобой... Спроси меня.

* * *

Слышу, птицы поют. А это мобильный
Надрывается. Снова прогресс всеильным
Притворяется. Гением подражатель.
Никому не создать, что сумел Создатель.
Шум прибора, записанный на кассете,
Не заменит моря. Ничто на свете
Не подменит подлинник. Это точно.
Как ночные фиалки душисты ночью!
...А на даче под утро так сладко спится...
Не звони. Пусть меня разбудят птицы.

* * *

Я слов твоих не понимаю,
А только слышу, как в тоске
Ты плачешь, губ не разжимая.
Душа висит на волоске.

На волоске, на тонком блеске,
Вся жизнь, вся радость, вся игра.
Как бестелесны, бессловесны
Огни высокого костра.

Не плачь, не мучь. Мне тоже больно.
Дай утешенью прорасти.
Быть рядом. Этого довольно.
Порой понять — почти спасти.

* * *

Легче ласточки полёт...
Мир туманный, серый, мглистый
Всё отчётливей встаёт за плечом иконописным.
Легче ласточки полёт...

Легче воздуха стихи.
Легче тихих слов прощенья.
Тяжелее возвращенье

В незабытые грехи.
Легче воздуха стихи...

Легче ласковой душе...
Враг не дремлет. Волки рыщут...
А она светла уже.
От любви любви не ищут.
Легче ласковой душе...

* * *

Как ясен свет! Какие облака!
Летящих птиц сверкает оперенье.
Легла на сердце первая строка,
И задышало всё стихотворенье.

Всё так объёмно, ярко, горячо!
Звучат, благоухают краски лета...
О чём стихи? А жизнь сама – о чём?
Всплеск радуги на грани тьмы и света.

Ольга ДАРАНОВА,

*председатель Ульяновского регионального отделения
Союза писателей России*

* * *

Вот уже и октябрь на исходе,
Остывают короткие дни,
И всё больше по этой погоде
Мы с тобою душою сродни.

Собеседник незримый, прохожий,
Ты, кто к осени благоволит,
Мы с тобой чем-то грустным похожи,
Может, сердце единым болит?

Нам по нраву застыть в безвременьи,
Когда стужа ещё далеко,
И открыть для себя в изумленьи,
Что вдвоём даже плакать легко...

Мой товарищ, лишь в осени поздней
Верной дружбы горит наш костёр,
А приметы непрошеной розни
Кто-то свыше заботливо стёр.

А душа и в предзимье крылата,
Ей под силу с любовью вместить
И печальную горечь в утратах,
И отвагу великую – жить.

Настоящее время

Метельная крошка на плитах,
Века в снежной замяти вёрст.
Даль памяти ярко прошита
Серебряной ниткою звёзд.

Моё настоящее время,
Я в нём повелитель и раб!
Минувшего лёгкость и бремя
Вплелись в настоящего скарб,

Пусть скудный, но всё пережито
И всё воплотить бы в строку,
Что в нас и что временем скрыто
На дней беспощадном скаку.

Возводятся новые строки
На гребне воюющих лет...
Но снится всё снег тот глубокий
И пулей сраженный поэт.

И смертная искра метели,
И мчащийся в вечность возок,
И боль, что спасти не сумели,
И боли не выйдет той срок.

Над Соротью прежние зори,
И прежние ветры поют.
Колокола Святогорья
Нам вечный помин и приют.

Сиять тебе, русское слово!
И храмам не рушиться в пыль!
В степях зазвенят вновь подковы,
Где волнами ходит ковыль.

Веков балансирует стремя,
Но памяти вечен гранит.
Моё настоящее время
На прошлых полозьях летит!

Николай МАРЯНИН,

член Союза писателей России, поэт, краевед, журналист, лауреат премии в области региональной историографии «Шапка Мономаха»

Вакханалия ветров

Между Волгой и Свиягой,
в царстве двух речных миров,

забурлила пенной брагой
вакханалия ветров...

Воздух здесь, волне навстречу,
вспять течёт за веком век,
и ветра сошлись на сечу,
завихряясь между рек.

Лезет ветер нам за ворот,
в лица дунуть норовит,
потому что этот город
на семи ветрах стоит.

Искры пламенной стихии
от симбирского костра
раскидали по России
революции ветра...

Здесь и Керенский, и Ленин
обрели мятежный крен,
ведь отсюда, смутой вспенен,
дует ветер перемен!

В паруса нам ветры дуют,
ввысь летят вперегонки,
и над городом колдуют,
и вращают ветряки.

Ветры вольные, летите
и с высокого Венца
эту песню принесите
в наши пылкие сердца!

Будет путь наш прям и светел,
вопреки худой молве,
лишь бы дул попутный ветер,
а не ветер в голове.

Кроме любви

Снова хмарь в душе нависла
и тоска бурлит в крови:
говорят, нет в жизни смысла,
кроме разве что любви.

На пути – бугры да мели,
сколь удачу ни зови...
Говорят, нет в жизни цели,
кроме разве что любви.

От напастей и ненастья –
не уйти, хоть космы рви...

Говорят, нет в жизни счастья,
кроме разве что любви.

А любовь – она как птица,
вдохновлённая птенцом,
и в гнездо родное мчится,
прямо к матери с отцом...

Здесь, в семье, как аксиому
постигаем вновь и вновь
и любовь к родному дому,
и к Отечеству любовь!

Евгений САФРОНОВ,

*член Союза писателей России, кандидат филологических наук,
фольклорист, лауреат Международной литературной премии
им. И.А. Гончарова*

БОРЬКА

Петя Толин работал на мясокомбинате мастером холодильных установок. К виду окровавленной плоти – свиной, коровьей, иногда привозили и баранинку, – он давно привык. Его дело маленькое: грамотно распределить продукт и проконтролировать вес. За качество он не отвечал, там другие спецы работали.

– Петька, глянь, какое чудо сёдня приволок! – сказал ему как-то водила Федор – грозный верзила снаружи, но внутри – нежный как баба, ей-богу. – Представляешь, на скотобойне отдали! Начали свинью резать, а она с поросятами внутри оказалась. Понятно, недоношенные, – дохлые все. А вот один – шевелится. Живой значит. Ну мне и всучили. Девать-то его куда-то надо!

Холодильных дел мастер хмыкнул и посмотрел на руки Федора, где возился живой розовый кусочек мяса, завернутый в тряпку.

– И куда ты его? Чего с ним делать-то?

– Так ты возьми! Тебе и привёз! – убеждал его водила. – Ведь в своем доме живешь, птицу держишь, корова есть, а тут пороса будет!

– Ладно, – махнул рукой Петька. – Если не сдохнет до конца смены – возьму.

И взял. Так у Толиных появился Борька. Недоношенный кусочек мяса точно не выжил бы, но в семье случилась оказия: семь месяцев назад Валя, жена Пети, родила дочку и страдала «молочным избытком».

– Вот ведь другие жалуются, что молока у них нет, а я девать не знаю куда, – говорила Валя мужу. – И Машенька сосёт, и сцеживаю много, а всё равно груди прям горят – будто молочная фабрика у меня там образовалась.

Жена как увидела свинёнка – так и запричитала, захлопотала. Будто скотину сроду не видела – благо всю жизнь в селе: родилась тут и пригодилась здесь же.

– Ой, какой-то маленький! Ребятёшечек прям! Хомячок прям! Ему молоко надо сосать, помрёт ведь...

В общем, начала она ему сцеживать из груди и из бутылочки кормить. Назвала Борькой. И жене легче, и свинёнку хорошо.

Через три недели стало ясно, что поросёнок прижился: покруглел, по дому шастает, хрючит. Петька было решил, что самое время поместить скотину туда, где ей и полагается жить, – в сарай. А Валька – чуть не в крик.

– Да ты что! Еще холодно, а он маленький совсем. Пусть побудет в избе – до тепла.

– Валя! – отвечал ей рассудительный муж. – Это ж свинья, а не котёнок. Ему в доме не место. Понимаешь?

А у той – слёзы. Крупные, как град. Видать, после родов совсем кукушка поехала. Ну куда тут денешься? Остался свинёнок в избе до тепла. Жена сама за ним убирала котяхи и мыла, и баловала, и кормила, а Петька только головой качал: знал бы, чем обернется, не стал бы и связываться.

– Я вот думаю: в сарай его переведём – там полегше станет. У бабы свое дитя есть, она о свинье тут же и забудет, – рассуждал он вместе с друзьями по работе, которые покатывались со смеху, слушая его рассказы о причудах супруги.

Пришла, слава те господи, весна, Борьку переселили туда, где ему и должно жить, но Валя своего свинёнка не забыла. Она успевала и за дочкой, и за «сыночком». Когда Петька впервые услышал от жены, что та поросенка сыночком называет, у него заходили желваки и до ужаса захотелось пойти в сарай с ножом и решить проблему одним махом. Но жену он, грешен, любил и сделать так не смог: знал, что та будет убиваться.

Прошло лето и большая часть осени. Из Борьки получился отличный боров – большой, бока лоснятся, пятак – с мужской кулак. Не свинья, а сказка. Любой бы хозяин радовался и думал: вот морозцы ударят, а там можно и зарезать. И с салом, и с мясом будем всю зиму. Еще и на продажу хватит.

Но не тут-то было. Петька и представить себе не мог, как подступиться с этим к жене.

– Она к нему каждое утро бежит, разговаривает, вкусные кусочки тащит. Дочку к нему приучает – чтоб та его гладила. Не свинья, а член семьи, мать-перемать! Вот чё мне делать, а?! – спрашивал холодильных дел мастер своих коллег. Те раздавали ему бесплатные советы: усыпить Борьку – и дело с концом. А жене сказать, что заболел. Или увезти его тайком на скотобойню. Или...

Однако Петька только головой качал. Никогда он не видел, чтобы люди так к скотине привязывались.

И вот подступили холода. Толин в тот день хряпнул на работе для храбрости 200 граммов водки и уговорил поехать с собой Вадика – спеца со скотобойни. Чтобы, так сказать, не своими руками.

Валя заподозрила неладное сразу.

– Чегой-то он приехал? Зачем это? – глаза ее блестели, как у львицы, готовый защищать своего детеныша.

– Так ведь зима на дворе, Валенька! Пора уж борова резать – не будем же мы его всю зиму кормить! Мясом надо запастись.

– Какого борова? Это Борьку, что ли? – жена попятилась из кухни, где муж с гостем угощались чаем. – Не дам, слышишь! Петька! Не дам! Меня вот режьте, а его – нет...

– Дык, Валентина Михайловна. Это ж свинья! – попробовал вмешаться Вадик. – Они на то и существуют, чтобы их...

– Это ты на то и существуешь! – огрызнулась Валя. – А Борька – родной нам. Я его сама выходила, молоком своим поила. Не дам! Хоть убейте. Не пущу в сарай – и всё.

И супруга, накинув фуфайку, выбежала из избы.

– И вот что прикажешь делать, а?! – спросил гостя Петька. – Совсем баба чокнулась. Это у нее после родов такая фигня приключилась.

– А ты ее отвлеки – пусть вон куда-нибудь уедет денёк на три-четыре. К родителям своим... – предлагает мясник.

– У нее родители все тут живут, вон на соседней улице, – морщится Толин. – Я уж думал про то – не вариант.

– Так в город ее свози! Дочку вон к родителям, а сам в выходной ее в кино позови, а я уж тут сам... – Вадик, он находчивый. Молодец-мужик, сокол.

– Точняк! – расцветает Петька. – Это идея. Так и сделаем!

И они на радостях уговорили еще бутылочку.

* * *

Кино было про какой-то мрачный город – с подземельями, перестрелками и нехорошим концом. Валя развеселилась только в небольшом кафе, куда Петька повел ее после фильма. Они в кафе – с официантами да еще и с музыкой – не сидели уж лет пять, с самой свадьбы. Жена улыбалась и ела мороженое.

Когда вернулись в поселок, зашли к родителям за Машкой и двинули на свою улицу.

– Ой, – вдруг сказала Валя. – Что-то, Петь, у меня с сердцем нехорошо. Как-то колет и болит. Уж не случилось ли чего?

– Да чего там может... – забормотал муж, косясь на супругу. Она поймала его вороватый взгляд, расширила глаза и... завывала.

Он остался стоять с Машей на руках, а она побежала к избе – опрометью, как сумасшедшая.

Вадик свое дело давно сделал и уехал на красной «ниве». Осталось только тушу разделать, но это уж хозяйская забота: Петька чё – не мужик, что ли?

Муж шел не торопясь, чтобы отсрочить скандал, чтобы не видеть ее слёз. Занес дочку в избу, та уж клевала носом. Дал ей бутылочку с кефиром, подождал, пока она заснет крепче, и только потом пошел искать супругу.

В сарае он обнаружил лишь труп Борьки – с уже отрубленной головой. Вадик – мастер, что и говорить. Валю он искал минут десять – и на огороде, и в терраске. Всерьез забеспокоился, но тут увидел ее белую шапку через забор. Вышел на улицу и сел рядом с ней на лавку. Она уж не плакала, а просто сидела и смотрела в одну точку – на светящееся оконце соседской избы.

– Эх ты, Валюха-горюха, Валюха-горюха, – сказал муж и, обняв, придвинул ее к себе. Жена молча положила голову ему на плечо. Так они и сидели, пока у соседей не потух свет.

* * *

На следующий год у Толиных родился сын, которого мать назвала Борькой. Мать души в нем не чаяла, а отец за глаза называл «свинёнком». Кстати, Петька ведь напроорочил: сын в 17 лет уехал из дома и потом почти не звонил и не писал родителям.

– Потому что он поросёнок! – говорил Толин-старший соседу-субу-тыльнику, тоже пенсионеру. – И имя у него свинячье. Неблагодарное поколение пошло, ой неблагодарное... Вот мы – совсем другими были. Совсем другими...

Владимир КОЧЕТКОВ,*член Союза писателей России, педагог, журналист, путешественник***ПУЗЫРИ НА ВОДЕ**

Юрий Иванович неожиданно вывернулся из переулочка, махнул мне рукой, то ли приветствуя, то ли желая остановить, но как-то вяло, без надежды. Я спешил куда-то в тот день, сейчас и не помню точно – куда. Помню только, что дело казалось неотложным и очень важным. Задерживаться не хотелось, но, когда его рука обречённо опустилась вниз, я остановился. Он сразу заторопился, суетливо переставляя свою палочку-клюшку и выкидывая поочерёдно ноги вперёд неловко, словно вместо них были грубые деревянные протезы.

Почему-то вспомнилось вдруг, как несколько лет назад мы сражались в волейбол в школьном спортзале во время районных соревнований. Там было светло и шумно – ярко сияли неоновые лампы, звучала весёлая музыка и галдели болельщики, встречая каждый удачный удар свистом и криками. Юрий Иванович тогда играл против нашей команды. Несколько раз за игру мы, встречаясь с ним под сеткой, рубились за мяч. Он высоко и легко выпрыгивал, а затем ловко гасил его, азартно ухая при этом. И вот сейчас он спешил ко мне, напоминая ребенка, которого взрослые неожиданно согласились взять с собой, а он пытается не отстать, теряется, боясь, что они передумают. Я нетерпеливо топтался на месте, стараясь унять какое-то лёгкое раздражение. Но Юрий Иванович уже почти полгода жил у своей дочери в соседнем городе, я знал о его болезни, и, когда он подошёл, раздражение растаяло без следа само собой.

– Задерживаю? – протянул он мне свою руку, виновато улыбаясь и глядя почти в упор. Морщинки разбежались веером от глаз. Пожухлая, словно осенний лист, кожа и заострившийся нос сказали мне всё. Видимо, я не смог сдержать чувств – перехватив мой взгляд, он едва заметно усмехнулся и вздохнул.

– Да, бегу вот, – не зная с чего начать разговор, забормотал я, невольно отводя взгляд и натыкаясь им на книгу, которую как-то сразу не заметил в руках у Юрия Ивановича.

– Стихи, – он чуть смущённо качнул головой, перехватив мой взгляд, – читал когда-то, увлекался, – будто оправдываясь, он открыл её наугад и несколько секунд скользил по строкам глазами. – И правда – жизнь как песня, – прервав чтение, он отрешённо поглядел по сторонам. Помолчал. Бережно, словно боясь повредить страницы, закрыл книгу.

– Быстро лето пришло в этом году. – Его голос был едва слышен.

– Да. – Я был рад хоть как-то поддержать наш нескладный, комканный разговор. Действительно, быстро и незаметно покрылись свежими листьями стоящие вдоль улицы берёзы, терпкий запах клейких тополиных почек висел в воздухе, словно не смешиваясь с выхлопным дымом

снующих машин, а в высоком и бездонном небе беззаботно носились друг за другом стрижи и ласточки.

– Надо же, – словно не ко мне обращаясь, а просто высказывая вслух какие-то свои мысли, произнёс Юрий Иванович, – крапива у забора – совсем зелёная. Смотри-ка, – он улыбнулся, – и пылью не покрыта. Живая, молодая.

Я кивнул головой:

– Да. – Крапива действительно дурью лезла из-под тщательно приколоченных досок изгороди. Тугие листья на крепких стеблях толпились, словно строй солдат-новобранцев.

Солнце нырнуло в маленькую и совсем не грозную тучку. Юрий Иванович запрокинул голову и долго смотрел на бегущие по небу облака и мелькающий среди них солнечный диск:

– Каждый день оно вот так. Бежит по небосводу – то за тучу спрячется, то наружу выглядывает. Каждый день. Много лет.

– Да, – опять повторил я, вновь кивая головой, не зная, что ещё сказать.

– Вот так, – он посмотрел мне прямо в глаза. – Что тут поделать? Как уж будет, – Юрий Иванович ещё раз протянул мне свою руку, я пожал тёплую ладонь, и он медленно пошёл вниз по улице. Знакомая летняя куртка висела мешком на его исхудавших плечах. Я постоял ещё немного, провожая взглядом удаляющуюся унылую фигуру, затем повернулся и пошёл домой. Я шел, не глядя по сторонам, вдыхая запахи набирающего силу лета и зачем-то считая шаги.

Он умер спустя две недели после нашей встречи. Я был в это время дома, и кто-то из знакомых позвонил мне, сообщив эту печальную весть. Повесив трубку, я долго молча стоял у окна. На улице шёл дождь. Крупные и тяжёлые, словно свинцовые дробинки, капли падали вертикально, вышибая большие гладкие пузыри в бесчисленных лужах. Они будто всплывали из воды, ручьи подхватывали их и несли куда-то с собой, а пузыри лопались и исчезали без следа. Но мне казалось, что они не разбиваются, а просто отталкиваются друг от друга, и я слышу их чистый, мелодичный звон.

Роман СЕНЧИН

Родился в 1971 году в Кызыле, Тувинская АССР. Работал монтажником, дворником, грузчиком. По окончании Литературного института вел в нем семинар прозы (2001–2003).

Публикуется в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Нижний Новгород», «Урал» и других. Автор ряда романов и сборников рассказов. Роман «Елтышевы» в 2011 году вошёл в шорт-лист премии «Русский Букер десятилетия» и принес автору Премию правительства РФ (2012). В 2015 году за роман «Зона затопления» удостоен третьей премии «Большая книга», в 2017-м – премии «Писатель XXI века» в номинации «Проза» (за книгу «Постоянное напряжение»).

Живет в Санкт-Петербурге.

ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОГО ВЕКА*

Биографические зарисовки

Великий мистификатор. Павел Бажов

Бажов родился в 1879 году, и вроде бы к советскому веку должен иметь не очень большое отношение. Но как писатель он весь в советском времени.

Фигура уникальная. Конечно, так можно сказать о многих людях, оставшихся в истории, но к Павлу Петровичу этот эпитет подходит как нельзя лучше. А как еще назвать человека, в одиночку создавшего фольклор целого региона России?

У фольклора по определению не может быть конкретного автора. Фольклор, в переводе с английского, «народная мудрость». А так как народ на протяжении многих веков ограждали от умения читать и писать, то мудрость эта передавалась изустно. В России интерес к ней возник в середине позапрошлого века: из Москвы, Петербурга потянулись в провинцию собиратели песен, сказок, пословиц.

До Урала собиратели не добрались, хотя там был свой, Федор Решетников. За свою короткую жизнь он успел написать немало о горнорабочих, уральских бурлаках, крестьянах, мещанах и купцах, но ни Решетников, ни его последователи, включая Мамина-Сибиряка, нигде не упоминали о том, с чем Урал у нас ассоциируется последний без малого век – нет у них о Каменном цветке, Медной горы Хозяйке, Даниле-мастере, Огневушке-поскакушке, Серебряном копытце...

Создал весь этот яркий, таинственный, страшноватый и прекрасный мир Павел Бажов.

До сих пор приходится наблюдать изумление людей, которые узнают, что Бажов – советский писатель, свои сказы сочинял в 1930–1940-е

* Окончание. Начало в №№ 6, 2025 – 1, 2026.

годы. Народное сознание упорно относит его в век XIX, причисляет к современникам Пушкина, Гоголя, Ершова.

Действительно, невозможно представить Бажова, жившего в мире, где уже были телефоны, самолеты, фотоаппараты. И в этом тоже его уникальность – благодаря «Малахитовой шкатулке» он переместился в сочиненное им же, но такое живое пространство Старого Урала, которое стараешься найти, оказавшись в описанных Бажовым местах, не отлипаешь от окна поезда на перегоне «Екатеринбург – Пермь»: кажется, сейчас мелькнет Серебряное копытце, выйдет из-за скалы Хозяйка...

Впрочем, иногда вдруг возьмут и появятся в сказах Ленин, Сталин, действие перенесется в послереволюционные годы.

Первую ночь, понятно, на вокзале перебились, а с утра пошли по Москве товарища Ленина искать. Скоренько нашли и прямо в Совнарком с мешками ввалились. Там спрашивают, что за люди, откуда, по какому делу.

Садык отвечает:

– Бачка Ленин желаим каминь казать.

Вахоня тут же гудит:

– Места богатые. От хиты ухранить надо. Дома толку не добились. Беспременно товарища Ленина видеть требуется.

Ну, провели их к Владимиру Ильичу. Стали они дело обсказывать, торопятся, друг дружку перебивают.

Владимир Ильич послушал, послушал и говорит:

– Давайте, други, поодиночке. Дело, гляжу, у вас государственное, его понять надо.

Тут Вахоня, откуда и прыть взялась, давай свои дорогие камешки выкладывать, а сам гудит: из такой ямы, из такой шахты камень взял, и сколько он на рубли стоит.

Владимир Ильич и спрашивает:

– Куда эти камни идут?

Вахоня отвечает – для украшения больше. Ну, там перстни, серьги, буски и всякая такая штука. Владимир Ильич задумался, полюбовался маленько камешками и сказал:

– С этим погодить можно.

Тут очередь до Садыка дошла. Развязал он свой мешок и давай камни на стол выбрасывать, а сам приговаривает:

– Амазон-каминь, калумбит-каминь, лабрадор-каминь.

Владимир Ильич удивился:

– У вас, смотрю, из разных стран камни.

– Так, бачка Ленин! Правда говоришь. Со всякой стороны каминь сбежался. Каменный мозга каминь, и тот есть. В Еремеевской яме солнечный каминь находили.

Владимир Ильич тут улыбнулся и говорит:

– Каменный мозг нам, пожалуй, ни к чему. Этого добра и без горы найдется. А вот солнечный камень нам нужен. Веселее с ним жить.

Самое интересное, что создал фольклор Старого Урала Бажов практически случайно, по необходимости.

Его биография далека от ставшего нам привычным образа доброго дедушки с бородой, окруженного персонажами сказов. Это был дисциплинированный солдат партии. Вернее, партий.

Появился на свет в семье горного мастера в поселке при Сысертском заводе. (Сейчас Сысерть почти слилась с Екатеринбургом.) Окончил

Пермскую духовную семинарию, преподавал русский язык в училищах. С юности в революционном движении: сначала анархо-народник, после эсер, а в 1918 году стал большевиком.

Принимал участие в Гражданской войне, чуть не погиб во время Пермской катастрофы, устанавливал советскую власть в Усть-Каменогорске. Потом командовал продотрядом, возглавлял в Семипалатинске губернское бюро профсоюзов. В конце 1921 года вернулся на Урал, стал работать в газетах.

Первая книга – «Уральские были». Как вспоминал сам Бажов, написал ее вынужденно:

Я сидел в это время в «Крестьянской газете», в отделе писем. Пришли ко мне: «Ты напиши что-нибудь об Урале». – «Не шуточно дело». – «Да что-нибудь». – «О сысертских заводах могу». Согрешил книгой, впервые со мной случилось. Показалось удивительно легко. Над словом не думал. Запас был. Писал так, как у нас говорят. Когда пишешь на материнском и отцовском языке, да о том, что сам видел – легко.

«Уральские были» – несколько любопытных очерков, скорее бытовых, чем фольклорных. И в них ничто не предвещает будущие сказы...

Затем появились следующие книги – о революции 1905-го, коллективизации, Гражданской войне... Причем, все это, как и «Уральские были», писалось по заказу. Бажову давали задания, он выполнял.

В 1933 году первый раз исключили из партии за присвоение партийного стажа. Восстановили, объявив строгий выговор. Поручили написать книгу о строительстве Краснокамского бумажного комбината. Пока писал, главных героев одного за другим арестовывали. Работу пришлось прекратить. Дали новое задание: описать создание и боевой путь Камышловского полка, политработником которого служил сам Бажов.

Книга «Формирование на ходу» написалась быстро. Была издана в 1936-м, а через несколько месяцев персонажи оказались «врагами народа». Автора второй раз исключили из партии, уволили с работы. Большая семья Бажовых жила огородам, а глава ее в свободные часы писал «Каменный цветок», «Синюшкин колодец», «Малахитовую шкатулку»...

А первые сказы появились в начале 30-х. Бажов создал их если и не по прямому заказу, то уж точно вынужденно – опять же решал поставленную перед ним задачу.

В начале 1930-х советская власть призвала собрать и издать «рабочий и колхозно-пролетарский фольклор» разных областей страны. Занялись этим и на Урале. Обратились к самому в то время известному краеведу Владимиру Павловичу Бирюкову, но тот вскоре развел руками: «Нигде не могу найти рабочего фольклора». Тогда ответственным назначили Бажова. Ему тоже не удалось найти материалы, и он написал их сам – три сказа. Источником указал дедушку Слышко, заводского сторожа.

Сказы сперва приняли на ура, пошли публикации, но потом у специалистов по фольклору возникло сомнение: ничего подобного они на Урале не встречали. Начались допросы Бажова. Он сознался, что все выдумал.

Специалистам поручили написать большую статью о фальсификации фольклора. Но тут за Бажова заступился Демьян Бедный. Сказал, что у путешественника Семенова-Тян-Шанского есть нечто подобное.

И хотя это «нечто» лишь гора Азов, вокруг которой разворачивается действие сказа «Дорогое имячко», Бажова оставили в покое.

В 1938-м восстановили в партии и вернули к работе в советской печати, в следующем году вышла книга «Малахитовая шкатулка», за нее в разгар войны автору вручили Сталинскую премию. После этого почти каждый год выходили новые сборники... Умер в 1950 году в Москве, но похоронен в Свердловске.

Всего Бажов написал около шестидесяти сказов, ставших фундаментом уральского фольклора. Он до сих пор продолжает развиваться: по сути, уральская поэтическая и драматургическая школы, театр Николая Коляды, причудливая проза Ольги Славниковой, Евгения Касимова, Алексея Иванова, Анны Матвеевой, Алексея Сальникова и многих других растут из сказов Бажова, которого в 1930-е чуть было не объявили фальсификатором.

Нет, он не фальсификатор – он великий мистификатор. Титан, сумевший на пустом, по существу, месте создать целый мир.

О Грине «Алых парусов»

До недавних пор я не любил «Алые паруса», называл их презрительно сказочкой, утешением для слабых. Сам я как читатель искал и ищу, требую от литературы правды жизни. А в реальности история Ассоль и Грэя практически невозможна, и значит, она не может быть материалом для настоящей литературы. Но...

Но теоретически, с какой-то там долей вероятности, Грэй мог встретить Ассоль, мог узнать о ней от ее соседей и приплыть к ней на алых парусах. Раньше эту долю я отметал, а в последние годы она почему-то всё растет и увеличивается в моем воображении, и, быть может, годам к семидесяти я буду называть «Алые паруса» реализмом. Впрочем, уже и сейчас я чувствую неловкость за себя, рубившего про «сказочку», «утешение»...

Есть писатели, чьи биографии ярче и известны больше их произведений; есть те, у кого биографии пресные и тусклые, а произведения – полная им противоположность. У Грина, по-моему, книги конгениальны его судьбе, и в то же время сложно найти в русской литературе автора, так мало использовавшего именно автобиографический материал. Опыт – да, но переплавка шла серьезная.

По сути, жизнь Грина могла бы без всяких модных у нынешних кинематографистов домыслов стать захватывающим байопиком.

Родился в городке Слободском неподалеку от «обывательской» Вятки, откуда с детства мечтал вырваться. Матрос на Черном море, рыбак, рабочий в железнодорожных мастерских, золотоискатель, лесоруб, шахтер, солдат-дезертир и царской армии, а затем и Красной, эсеровский пропагандист по кличке Долговязый. Почти два года заключения в Севастопольской тюрьме – позже Грин не захотел посмотреть на нее даже издали: «вспоминать могу, видеть – нет».

Освобожденный в 1905-м по амнистии, он отправился в Петербург к любимой женщине и одновременно товарищу по партии Екатерине Бибергаль. Но прежние отношения возродить не получилось, и он выстрелил в нее из револьвера. Чуть не убил. Врачам и полиции Бибергаль не призналась, как получила пулю в грудь. Но вскоре Грин снова оказался в тюрьме, где его под видом невесты навещала другой товарищ – Вера Абрамова, ставшая позже его женой.

Ссылка в Тобольскую губернию, откуда Грин бежал через несколько дней в родную Вятку. Отец раздобыл ему фальшивый паспорт, по которому будущий писатель жил несколько лет.

В конце 1906 года стали публиковаться рассказы. Первые подписывал псевдонимами, а потом взял, слегка изменив, свое – автором дебютной книги «Шапка невидимка» указан «А.С. Гринь». Полиции не составило труда установить, что беглый ссыльный Александр Степанович Гриневский и литератор А.С. Грин – одно и то же лицо.

Так он угодил в очередную тюрьму, а оттуда, после года заключения, отправился в Пинегу Архангельской губернии. Так что и на Русском Севере Грину пожить довелось.

Важно, что к моменту ареста с революционерами он уже разошелся, стал популярным и обеспеченным автором, водил знакомства с тогдашними литературными звездами первой величины – Куприным, Брюсовым, Леонидом Андреевым. И, подобно Леониду Андрееву, начав с реализма, Грин быстро перешел к мистике, символизму, некоей готике. Недаром критики и до революции и после саркастически сравнивали его с Эдгаром По. Вот, например, из статьи Г. Лелевича:

«Русский современник» и «Россия» переполнены фантастикой самой разнообразной. Вот, например, – фантастика старого подражателя заграничным «писателям ужаса» Грина. Его рассказ «Крысолов»... отличается от фантастических новелл Эдгара По... главным образом, меньшей талантливостью, меньшим мастерством и более бредовым характером вымысла...

Я согласен с таким определением. Наверное, не напиши он «Алые паруса», мы – «массовый читатель» – не знали бы о таком писателе, как не знаем о сотнях достаточно талантливых его современников. Но «Алые паруса» – произведение уникальное, может быть, и вечное, и оно тянет за собой и «Бегущую по волнам», и «Блестящий мир», и десятки других его произведений...

Не случись Октябрьская революция, Грин, скорее всего, остался бы писателем пресловутого второго ряда. Как и Серафимович, Сергеев-Ценский, Алексей Толстой, Шишков. Начали печататься в начале века, имели известность и даже популярность, но на прижизненное, а тем более на посмертное восхождение на литературный Олимп ничто не указывало.

Революция и Гражданская война не только породили плеяду талантливейших «мальчиков» вроде Гайдара, Платонова, Шолохова, явившихся со своим языком, со своей динамикой, но и «дореволюционным» словно бы дали новое дыхание. Серафимович «Железного потока», это не Серафимович «Города в степи», Шишков «Ватаги» – не Шишков «Тайги», Толстой «Сестер» и «Гадюки» – не Толстой «Чудаков». И Александр Грин, литератор со вроде бы давно сложившейся репутацией, «Алых парусов» – не тот Александр Грин, что написал «Зурбаганского стрелка», «Дьявола Оранжевых Вод»...

Историки литературы говорят, что сюжет «Алых парусов» пришел к нему еще в 1916 году. К счастью, в то время он не превратился в произведение – это наверняка получилась бы одна из гриновских повестей. Судьбе угодно было помучить автора, загнать в угол, извести несчастной любовью его, сорокалетнего испитого человека, к юной девушке, чтобы получилось настоящее, единственное в своем роде.

Суровый и подчас жестокий критик, автор романа «Восстание мизантропов» Сергей Бобров так отозвался на публикацию «Алых парусов»:

«Видно, как автора перемолола революция, – как автор уходит в удивительное подполье, как исчезает красивость, мелкая рябь излишества, как она подменяется глубоким тоном к миру, как описание уходит от эффектов и трюков, – к единственному трюку, забытому нашими точных дел мастерами, – к искусству...»

Очень верное замечание. По-моему, ни до, ни после Грину не удалось достичь такой лаконичности, точности и остроты слов, поэтичности слога. Вот как начинается написанный в одно время с «Алыми парусами» рассказ «Корабли в Лиссе», который сам Грин считал одним из самых удачных своих произведений:

Есть люди, напоминающие старомодную табакерку. Взяв в руки такую вещь, смотришь на нее с плодотворной задумчивостью. Она – целое поколение, и мы ей чужие. Табакерку помещают среди иных подходящих вещей и показывают гостям, но редко случится, что ее собственник воспользуется ею как обиходным предметом. Почему? Столетия остановят его? Или формы иного времени, так обманчиво схожие – геометрически – с формами новыми, настолько различны по существу, что видеть их постоянно, постоянно входить с ними в прикосновение – значит незаметно жить прошлым? Может быть, мелкая мысль о сложном несоответствии? Трудно сказать. Но – начали мы – есть люди, напоминающие старинный обиходный предмет, и люди эти, в душевной сути своей, так же чужды окружающей их манере жить, как вышеуказанная табакерка мародеру из гостиницы «Лиссабон». Раз навсегда, в детстве ли или в одном из тех жизненных поворотов, когда, складываясь, характер как бы подобен насыщенному минеральным раствором жидкости: легко возмути ее – и вся она в молниеносно возникших кристаллах застыла неизгладимо... в одном ли из таких поворотов, благодаря случайному впечатлению или чему иному, душа укладывается в непоколебимую форму.

Глубокие наблюдения, сильные образы, очевиден писательский ум, а не только талант. Но читать, вникать в суть – трудно. Текст, как спресованная глина... А вот начало «Алых парусов»:

Лонгрен, матрос «Ориона», крепкого трехсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был наконец покинуть эту службу.

Это произошло так. В одно из его редких возвращений домой, он не увидел, как всегда еще издали, на пороге дома свою жену Мери, всплескивающую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо нее, у детской кровати – нового предмета в маленьком доме Лонгрена – стояла взволнованная соседка.

– Три месяца я ходила за нею, старик, – сказала она, – посмотри на свою дочь.

Мертвея, Лонгрен наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый, как от дождя.

Кажется, сам Грин не называл свои «Алые паруса» феерией, ограничиваясь жанром «повесть». Мне определение «феерия» тоже не нравится. Скорее, поэма в прозе...

Мы, советские дети 1970-х, жили словно бы укутанные алыми парусами. Для наших родителей одним из символов оттепели был фильм по этой повести с Анастасией Вертинской и Василием Лановым в главных ролях, они слушали рок-оперу «Алые паруса», в газете «Комсомольская правда» первым делом искали полосу «Алый парус»; когановская пиратская бригантина подымала именно алые паруса, какие же еще...

И книга Грина была у них всегда рядом – ею лечились, укреплялись, черпали из нее силы.

Меня она с того самого детства раздражала, но и притягивала. И я часто ее перечитывал, злясь на себя, на автора, на родителей. Но магия, или, как нынче принято говорить, *химия*, – не отпускала. И вот после сорока лет пребывания на Земле, написав кучу, как я считаю, беспощадно-честных книг, нигде не отступив от правды жизни, мне захотелось создать нечто подобное «Алым парусам». И я понимаю, как это сложно, почти невозможно.

Загадочный художник Андрей Платонов, писавший то ли утопии, то ли антиутопии (даже его «Котлован» не так однозначен, как его трактовали в годы перестройки и по традиции трактуют нынче), был строгим большевиком (хотя с его партийностью до сих пор много неясного) в критике и публицистике. В рецензии на одну из посмертных книг Грина он писал о развязке «Алых парусов» так (перед тем, правда, несколько раз напомнив, что Грэй богат и может позволить себе «бесцельно путешествовать по морям»):

Уйдя на корабле в открытое море своего взаимного двойного одиночества, Грэй и Ассоль, в сущности, не открывают нам секрета человеческого счастья, – автор оставляет его за горизонтом океана, куда отбыли влюбленные, и на этом повесть заканчивается. Повторяем, что на самом деле, в истинном значении, свое счастье Грэй и Ассоль могли бы обрести лишь в каком-то конкретном отношении к людям из деревни Каперны, но они поступили иначе – они оставили народ одиноким на берегу. Если Грэй и особенно Ассоль представляют собой, как хотел этого автор, ценные человеческие характеры, то их действия порочны. По замыслу Грина, Ассоль и Грэй – люди особого, лучшего качества; в них есть высшая, страстная поэтическая сила, почти неприсущая прочим людям. Но какое значение имеет эта их сила для действительности? И еще вопрос: покинув Каперну, некое все же реальное место мира, где родилась и выросла во всем своем своеобразии Ассоль, – спрашивается, не расточат ли влюбленные свое счастье в самое краткое время, поскольку у них для этого счастья теперь ничего не осталось, кроме собственного сердца и одиночества? Из чтения повести мы убедились, что высшая натура Ассоль сложилась из реальных, «низких» элементов – из бедной, несчастной судьбы ее отца, ранней потери матери, сиротства, отчуждения детских подруг и т. п. Но ведь и «высшее» быстро расходуется, если оно непрерывно не питается «низшим», реальным. А чем питаться Ассоль и Грею в пустынном море и в своей любви, замкнутой лишь самой в себе? Нет, тот народ, оставленный на берегу, единственно и мог быть помощником в счастье Ассоль и Грея. Повесть написана как бы наоборот: против глубокой художественной и этической правды. Может быть, именно поэтому автору приходится пользоваться языком большой поэтической энергии, чтобы отстоять и защитить свой искусственный замысел, и эта поэтическая энергия сама по себе есть большая ценность...

Наверное, именно то, что заметил Платонов, раздражало меня в «Алых парусах». Подростком я не мог сформулировать, но чувствовал, что развязка «порочна». Да, земляки травили Ассоль, да, она была в Каперне чужой, но... Именно – но – но что ждет Ассоль и Грэя дальше, без народа? Ассоль станет богачкой и забудет о прошлой своей жизни, как о страшном сне? У нее появятся слуги, она начнет отдавать приказы?... Многие писатели любят ставить точку там, где вроде бы должно начаться самое важное...

Память о Грине увековечена в разных местах России, где он жил (Киров, Слободской, Архангельск, Петербург, Чусовой, Москва),

но по-настоящему Грина можно почувствовать в Крыму. Особенно в Феодосии, которая словно иллюстрирует разом все созданные в воображении писателя города и поселки страны, получившей после его смерти название Гринландия.

В Феодосии в царское время он сидел в тюрьме, сюда, спасая от пьянства, в 1924 году привезла его третья жена Нина Николаевна. Грин тогда был богат, книги выходили одна за другой (в одном только 1925-м – семь, в 1927 – восемь!)... Через семь лет нищим, полузапрещенным, он умирал километрах в двадцати от Феодосии и от моря в крошечном городке Старый Крым.

И в Феодосии, и в Старом Крыму есть дома-музеи Грина. Феодосийский – если не по экспозиции, то местоположению один из лучших, в каких я бывал. В Старом Крыму – наверное, один из самых печальных. Крошечный домик, почти никаких вещей. Последний приют перед кладбищем, прячущемся в лесу неподалеку.

Не знаю, насколько книги Грина популярны у нынешних подростков, да и людей примерно моего возраста. Кажется, не очень. В приключенческом, фантастическом (или, вернее, фэнтезийном) жанрах появилось много новых, более созвучных времени произведений. Насильно Грина не удержат в первом ряду русской литературы, но напоминать о нем нужно. У него есть произведения, которые этого стоят.

Красный Уэллс. Александр Беляев

Чем дальше от нас советская эпоха, тем меньше граней ее мы различаем. Например, литература того времени представляется теперь общественным сознанием как монолитный, тяжелый валун соцреализма, авторы почти сплошь совписы, штампующие толстые тома-кирпичи нечитабельных книг.

А ведь было не так. Советский период русской литературы, это не только производственные романы, героические эпопеи. Это в том числе и рассвет научной фантастики, ярчайшим представителем которой бесспорно является Александр Беляев.

Конечно, советская фантастика не появилась на пустом месте. У нее были учителя и за рубежом – Жюль Верн и Герберт Уэллс, и в дореволюционной России – от Одоевского до Циолковского с его смелыми идеями в том числе об улучшении человеческой породы.

Первые годы после Октябрьской революции были вообще временем воплощаемой в жизнь фантастики – строилось государство совершенно особенного типа, с новой культурой: в архитектуре бал правили конструктивисты, в живописи – кубисты, в поэзии – футуристы и имажинисты, в театре – биомеханика. В прозе расцвели гротеск, утопия, феерия, ну и, конечно, научная фантастика.

Александра Романовича Беляева, тридцатитрехлетнего бывшего юриста и актера-любителя, революция застает в Крыму почти безнадежным инвалидом – туберкулез позвонков и паралич ног приковали его к постели. Неподвижность усугублялась гипсовым корсетом, в который будущий писатель был заключен почти четыре года.

Вообще положение, в каком оказался Беляев в годы Гражданской войны, само по себе из области фантастики: маленький Крым, красные, немцы, белые, снова красные, Слащов, махновцы, Бела Кун, а тут в клинике довольно молодой, желающий участвовать в происходящем

(известны публикации Беляева в белогвардейских газетах), но почти обездвиженный – не мог согнать жука со своего лица. «Прохожу курс лечения полным покоем».

Болезнь отступила. Беляев смог вернуться в жизнь, некоторое время работал даже в уголовном розыске в Ялте, потом библиотекарем. А в 1923-м какая-то сила погнала его в Москву, где как раз создавалась новая литература.

Когда говорят о литературной жизни Москвы 1920-х, о Беляеве вспоминают редко. Нет фактов его дружеских отношений с Булгаковым, Катаевым, Олешей, Ильфом и Петровым; писательский дебют Беляева в газете «Гудок» оказался мифом. Но наверняка сама атмосфера того времени, токи, пронизывающие воздух, помогли ему в короткий срок написать множество произведений. В том числе огромный рассказ «Голова профессора Доуэля» (позже он будет переработан в роман), «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Борьба в эфире», «Человек-амфибия».

Позже проза Беляева и стилистически, и сюжетно станет более сложной, но романы и рассказы московского периода до сих пор читаются буквально на одном дыхании и сохраняют новизну и свежесть. Как, впрочем, и вообще проза 1920-х тех же Олеси, Катаева, Булгакова, да и многих других.

С булгаковским «Собачьим сердцем» в нескольких рассказах Беляева есть прямые переклички и параллели. Литературоведы до сих пор спорят, кто на кого повлиял, или это совпадение. Скорее всего второе – идеей пересадки органов для оздоровления и омоложения тогда бредили не только ученые (опыты, и вполне успешные, проводились), но и простые обыватели. Художники слова, конечно, не оставались в стороне.

А вот заимствование Булгаковым некоторых деталей из беляевского романа «Властелин мира» (1926) для московских глав «Мастера и Маргариты» – очевидно. Тем более что роман печатался в «Гудке», где тогда работал Михаил Афанасьевич...

Вот фрагмент массового помешательства из «Властелина мира»:

– Зуппе, «Поэт и крестьянин», – анонсировал дирижер, поднимая палочку.

Но оркестр вдруг заиграл «Мой милый Августин». Заиграл в том же темпе и в том же тоне... Я, критик и все сидевшие в ресторане поднялись, как один человек, и минуту стояли, будто пораженные столбняком. Потом вдруг все сразу заговорили, возбужденно замахали руками, глядя друг на друга в полном недоумении. Было очевидно, что эта навязчивая мелодия преследовала одновременно всех. Незнакомые люди спрашивали друг друга, и оказалось, что так оно и было. Это вызвало чрезвычайное возбуждение. Ровно через пять минут явление прекратилось.

По наведенным нами справкам, та же навязчивая мелодия охватила почти всех живущих вокруг Биржевой площади и Банковской улицы. Многие напевали мелодию вслух, в ужасе глядя друг на друга. Бывшие в опере рассказывают, что Фауст и Маргарита вместо дуэта «О, ночь любви» запели вдруг под аккомпанемент оркестра «Мой милый Августин». Несколько человек на этой почве сошли с ума и отвезены в психиатрическую лечебницу.

У Булгакова в романе массово и против воли поют «Славное море – священный Байкал».

В 1928 году Беляев переехал в Ленинград; судьба заносила его в Киев, Мурманск. В середине 1930-х болезнь вернулась – снова гипс, неподвижность. Короткие периоды относительного здоровья. Послед-

ние годы Беляев жил в основном в бывшем Царском Селе. Умер то ли в декабре 1941-го, то ли в самом начале 1942-го.

Горькая ирония – Александр Романович в своих произведениях пытался изобрести механизмы борьбы с голодом, этому посвящен роман «Вечный хлеб», но причиной смерти стало истощение. И мама писателя тоже умерла от недоедания, случилось это в Крыму, во время Гражданской.

Беляев сделал множество художественных предсказаний. Одни граничат с научными открытиями, другие написаны бегло, смутно. От литератора невозможно требовать формул и химических цепочек, и Александр Романович хоть и был человеком начитанным, следящим за новостями науки, но в первую очередь оставался художником. Полагался на интуицию. А она подсказывала ему подводные фермы, контейнеры с чистым воздухом, гормональную терапию, орбитальную станцию, беспилотники...

Произведения Беляева публиковали с охотой, перепечатывали последовательно в двух-трех журналах, книги выходили чуть ли не ежегодно, а то и по несколько за год. В период ежовщины он не пострадал, наоборот, ему дали голос в прессе для защиты научной фантастики (знаменитая статья «Золушка»). Наверное, это случилось потому, что Беляев своей прозой не только развлекал советских людей, но и старался сделать их жизнь лучше.

Александра Романовича не принято относить к советским писателям. Но он был, как и другой наш классик «вне времени» Павел Бажов, советским. Пусть не в лоб, тем не менее работал на идею. В том числе и в книгах, действие которых происходит совсем не в Советской России: «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Остров погибших кораблей».

Беляева часто называли «красным Уэллсом». Это справедливо. По мощи их лучшие произведения в жанре научной фантастики на одном уровне. Но герои Беляева более социальные, как и абсолютное большинство реальных людей. При личной встрече как раз это их различие и отметил Герберт. И даже слегка позавидовал.

Приятно, когда нам завидуют англичане.

Космический коммунист. Андрей Платонов

У Андрея Платонова счастливая писательская судьба.

Тут, конечно, можно возмутиться: «Как это счастливая? Его мало печатали, травили, он жил под угрозой ареста, а его сына отправили в лагерь, где тот заболел туберкулезом и заразил отца...»

Но писательская судьба и человеческая – разные вещи. Книги Платонова не забыты, их читают и перечитывают; у нескольких поколений молодежи на него своего рода мода, козырнуть в разговоре платоновским оборотом считается обязательным.

Наследие писателя, кажется, изучено досконально, летопись жизни восстановлена подробно, до мелочей. И все же и его произведения, и он сам остаются едва ли не самой большой загадкой русской литературы. Виктор Чалмаев в своей книге «Андрей Платонов» назвал его художественный мир не поддающимся «разгерметизации».

По-моему, очень точно. Можно сколько угодно биться над тем, что же именно хотел сказать Платонов «Чевенгуром» или «Котлованом»,

«Счастливой Москвой» или «Ювенильным морем», но вряд ли кто-то когда-нибудь нам это объяснит. Впрочем, сам Платонов не раз замечал, что у него нередко получается не то, что он хотел написать, что теряет волю над сюжетом, персонажами, языком, что произведение «как-то вышло».

Писателей-математиков всегда было предостаточно, писателей, творящих по наитию и доверяющих ему, куда меньше. Порой возникает сомнение в том, понимал ли Платонов, что он творил. Ведь добиваться публикации, например, повести «Котлован» в 1931 году было равносильно попытке самоубийства. Или автор видел в своей прозе то, что не видели и не видят большинство читателей?

Любая революция подразумевает рождение новой экономики, новых человеческих отношений, новой культуры. Октябрьская революция породила сонм вчерашних школьников, готовых исправить карту звездного неба. Среди них был и Андрей Платонов.

Он стал литератором в совсем юном возрасте, и сразу в трех ипостасях: стихотворец, публицист и прозаик. Стихи его в основном традиционные по форме и содержанию, а вот рассказы и особенно статьи и заметки – предельно революционные. В 1919–1922 годах Платонов написал их больше двух сотен.

«Красная армия должна красным потоком залить Крым. Пусть в ее полках захлебнутся злобствующие остатки южной белогвардейщины»; «Пролетариат, сжигая на костре революции труп буржуазии, сжигает и ее мертвое искусство»; «За каплю крови пролетарской Махно должен вылить ведро белогвардейской».

Однажды в родном Воронеже Платонов оказался на публичном чтении стихов Игоря Северянина, который сам в ту пору уже жил в Эстонии. Тут же появилась заметка «Белые духом».

Роскошно откормленная буржуазная публика дожевывала в зале консерватории остатки своего духовного убожества – поэта-аристократа Игоря Северянина.

Во время великого рабочего восстания, во время кровавой революции, в единственный, неповторимый в истории момент истребления богов на земле, в социалистической стране ничтожная праздная толпа, для которой будущее – в прошлом, собралась нюхать отрыжку мертвеца.

В том же городе, где истомленные голодные рабочие, еле стоя у станков, последними силами двигают вперед революцию, в труде, терпении и невидном героизме творят свой братский чудесный мир, дают насильнической, развратной, поганой земле свой чистый человеческий образ, в том же городе, где каждое утро гудят гудки нашего единства, нашей надежды на победу, где потеют маслом наши товарищи – машины, в том же городе вечером один господин визжит со сцены другим про ананасы в шампанском, про кружева и оборки и т. п.

<...>

В стране, где власть – мы, должна быть объявлена диктатура пролетарской культуры, диктатура сознания рабочих масс. Иначе мы не победим, иначе мы погибнем в потоках, которыми нас заливают прошлое.

Радикально, хотя и в унисон тому, к чему призывали многие литераторы, оставшиеся в Советской России. Блок, Клюев, Брюсов, Маяковский, Есенин...

Но революция кончилась, новое государство стало строиться по вполне традиционным лекалам, старая культура оказалась такому государству полезна и понятна. Интересно, что большинство относительно молодых представителей творческой интеллигенции эмигрировали

не во время Гражданской войны, а в 1922–1924 годах. За границей стали громко критиковать большевиков, но сквозь эту критику угадывается, что до поры до времени они связывали с новой, вернее, молодой властью немалые надежды.

Андрей Платонов не числился в записных интеллигентах, он был потомственным пролетарием и в литературу вошел как пролетарский писатель. Но с первых же шагов пошел не так. В анкете участника Всесоюзного съезда пролетарских писателей на вопрос «Каким литературным направлением сочувствуете или принадлежите?» – ответил: «Никаким, имею свое».

В 1921 году Платонов написал фельетон «Душа человека – неприличное животное», где есть такие пассажи: «официальный революционер, бритый и даже слегка напудренный», «революция затихла», «революция сменилась “порядком” и парадом». Это стало одной из причин исключения его из кандидатов в партию большевиков. Впрочем, попытавшись вступить в партию позже, Платонов сообщает, что «вышел по своему заявлению, не поладив с ячейкой». Так или иначе, официальным коммунистом он не стал. Может, и к лучшему – с партийных писателей спрашивали строже.

Он был коммунистом космических масштабов. И в юности, и в годы зрелости фантазия постоянно выносила его из настоящего, за рамки страны, Земли. Он грезил о новом человеке, настоящей мировой революции, коренном преобразовании жизни.

Новый человек – это не явное «сошествие Св. Духа». Это органическое, медленное и потому неэффективное явление. Новый человек уже живет, фантастическое существо будущего уже действует, но глупо было бы указывать его адрес и фамилию.

Что объективно характеризует нового, социалистического, человека? Несомненно, мозговой прирост, то есть изменение в мозгу, в сторону его усиления, и связанные с этим органические перемещения.

К изумрудной звезде, приснившейся утомленному большевику, сделан крупный шаг. История «проходится». Земное тесто будет превращено в кристалл, и человек станет его зеленым цветом – цветом надежды на действительное овладение вселенной.

Андрея Платонова воспринимают как реалиста, хотя в большей степени он был фантастом, сказочником сродни своим современникам Беляеву, Грину, Бажову. Но муза постоянно направляла его взгляд на то, что происходило здесь и сейчас. И оттого в одном и том же произведении радужная фантастика сплетается с беспросветной документальностью: электросолнце – с ужасами коллективизации, котлован для огромного дома счастливых людей – с утратой человеческой сущности.

Наверное, именно это двоеение в творчестве Платонова и притягивает к нему одно поколение читателей за другим.

Искромсанный автор. Николай Островский

Слова о том, что Николай Островский и как человек, и как писатель нам известен мало, наверняка вызовут негодование. Как же так, это один из самых ярких героев советской эпохи, на его романе «Как закалялась сталь» выросли несколько поколений! Но в том-то и сложность, что при всей громадной славе Островский еще очень слабо изучен,

авторский вариант его главного произведения вряд ли когда-нибудь увидит свет; мы наверняка не увидим главного героя романа, Павла Корчагина, таким, каким его задумал создавший его писатель.

Кстати сказать, впервые литературный персонаж под этим именем появился у ровесника Островского Аркадия Гайдара в повести «Школа». Это уже немолодой богатырь, сормовский рабочий, о которого герой «Школы» «ударился, как о телеграфный столб». Не исключено, что этакая крепость впечатлила Островского и вдохновила на создание закалявшегося, как сталь, Павки.

Вообще, схожесть биографий Островского и Гайдара поражает. Они родились в 1904-м – тот год дал самых юных бойцов Гражданской войны. Появившиеся на год позже были уже – за редким исключением – не участниками, а наблюдателями, свидетелями. Достаточно посмотреть рассказы Шолохова, где повествователь, молодой человек, в основном передает истории о боях, расстрелах, зверстве и героизме других людей. У Островского и Гайдара молодые люди рассказывают сами...

Оба они вступили в Красную армию подростками, позже служили в ЧОНе, находились под судом, стали инвалидами. Гайдар опубликовал первую повесть в 1925 году, Островский начал писать повесть о котовцах «Рожденные бурей» (вскоре утерянную) в 1927-м.

Есть версия их личного знакомства. Оба жили в Москве в 1930–1931 годах, и, по некоторым свидетельствам, к Островскому приходил юноша «в кожаной куртке», который помогал ему советами в писательской работе. На это косвенно указывает совпадение деталей гайдаровских «В дни поражений и побед» и «Школы» с первыми главами «Как закалялась сталь».

Да и сам язык Гайдара и Островского близок. Уж точно эти писатели как стилисты стоят особняком от других, порожденных Гражданской войной: Зазубрина, Зоценко, Платонова, Шолохова, Бабеля...

Роман Островского до сих пор таит в себе множество тайн. Не прекращаются споры, автобиографический он или нет. Сам автор утверждал то одно, то другое; исследователи пытаются сопоставить хронологию участия Островского в Гражданской войне с биографией Павки Корчагина.

Дело это неблагодарное – «Как закалялась сталь», конечно, художественное произведение. И уникальное.

Его никак нельзя назвать шедевром словесности. Местами книга откровенно слабая. И в то же время и название, и герой стали нарицательными; некоторые строки без всякой зубрежки заучиваются наизусть. Помните? «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...»

С другой стороны, Корчагин в первых главах очень близок с Гориком из «Школы». Наверняка это не подражание, а, по словам Гайдара, «обыкновенная биография в необыкновенное время»; но влияние «Школы» все-таки очевидно.

Название романа Островского тоже не является абсолютно оригинальным. В 1928 году в издательстве «Московский рабочий» вышла повесть Александра Бусыгина «Закалялась сталь». А поэтичные слова о жизни напоминают высказывание героя чеховской «Скучной истории»:

Жизнь дается один раз, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать

историю, чтобы те же поколения не имели права сказать про каждого из нас: то было ничтожество или еще хуже того...

Обращаю на это внимание не за тем, чтобы принизить Островского. Это активно пытались сделать в 1990-е. Не получилось. Книга продолжает жить, Островский и его альтер эго Павка Корчагин по-прежнему для многих образец самопожертвования.

Я о другом: Островский писал хоть и художественное произведение, но не изящную словесность. Задача «Как закалялась сталь» – не занять досуг читателя, а зажечь на деятельность, на борьбу, на труд. И в этом случае не так уж важны заимствования, точность фактов, оригинальность названия. Главное – достигнуть цели. И она была достигнута. На Павке Корчагине действительно росли поколения, да и многие сегодняшние подростки эту книгу читают и ею зажигаются.

«Я работал исключительно с желанием дать нашей молодёжи воспоминания, написанные в форме книги, которую я даже не называю ни повестью, ни романом, а просто “Как закалялась сталь”», – признавался сам Островский.

Первое издание 1932–1934 годов было подвергнуто искушенными читателями – критиками – разгрому за малохудожественность, придуманность главного героя. «Таких людей не бывает!» Но вскоре стала очевидна польза произведения, и его стали издавать огромными тиражами.

При этом «Как закалялась сталь» пострадала так, как, наверное, не страдала ни одна книга русской литературы советского периода. Ее многократно правил не только сам автор, но и больше десятка редакторов. Изымались целые главы, вставлялись абзацы, вряд ли принадлежащие Островскому; исчез один из важных персонажей книги – Лев Троцкий, Павка Корчагин был освобожден от участия в «Рабочей оппозиции», сделался не таким сложным и многомерным. Значительно сократились партийные дискуссии на острейшие темы середины 1920-х.

Что означает требование оппозиции свободы группировок, под которым скрыта свобода фракций внутри партии? Это значит превращение нашей партии в дискуссионный клуб. Это значит – сегодня партия примет решение, а завтра какая-нибудь группа потребует его отмены. Опять дискуссия. То есть мы станем бестолочами. Мы – партия действия. Если приняли решение, то все должны приводить его в жизнь. Иначе быть не может. Иначе мы перестанем быть непоколебимой силой. Большевики на свободу группировок не пойдут. Еще один момент надо отметить. Кого собрала вокруг себя оппозиция? Значительная часть вузовской молодежи. Ее Троцкий называл барометром, выставил основой партии в то время, когда у нас каждый ребенок знает, что основа партии – это старая гвардия и рабочие у станка.

Сам автор вряд ли знал о всех переделках своего детища: он был прикован к кровати, вскоре после начала работы над книгой ослеп.

В годы перестройки были опубликованы неизданные фрагменты, в собрании сочинений Островского 1989 года они помещены в «Примечаниях». Но всё это важно для исследователей, а не простых читателей. «Как закалялась сталь» в том виде, какой ее создавал сам автор, мы вряд ли увидим. Мы имеем искромсанный цензурой и самоцензурой текст искромсанного операциями автора.

Не повезло и исследователям его творчества. Малейшая критика написанного Островским воспринималась как оскорбление его как

человека в двадцать лет ставшего инвалидом, но не сдавшегося, продолжившего борьбу литературной работой. Поэтому статьи и книги об Островском напоминают агитки, развернутые лозунги.

Впрочем, и они полезны. И под этими словами Андрея Платонова, обращенными к «товарищу Островскому» я лично подписываюсь: «...Мы вам навеки благодарны, что вы жили вместе с нами на свете, потому что, если бы вас не существовало, мы все, ваши читатели, были бы хуже, чем мы есть».

Разжалованный генерал литературы.

Георгий Марков

Автор до сих пор популярных советских эпопей, гонитель Пастернака и Солженицына, лауреат множества премий и кавалер четырех орденов Ленина и двух звезд Героя Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС, председатель комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры, человек, ставший символом «секретарской литературы» и добровольно-принудительно покинувший должность руководителя Союза писателей СССР... Это всё о Георгии Мокеевиче Маркове.

Казалось бы, он и как писатель, и как функционер, и как человек (умер 25 сентября 1991-го) остался в советской эпохе. Но книги, хоть и нечасто, но продолжают издавать и, что самое интересное, покупать, о нем пишут и спорят. И как о писателе, и как о функционере, и как о человеке...

Георгий Марков родился в 1911 году в крестьянской семье неподалеку от Томска. В 13 лет вступил в комсомол, а в 20 стал членом ВКП(б), но в 1935-м, в ходе партийных чисток, был исключен (восстановлен в 1946-м). Опасаясь ареста, скрылся в тайге. По крайней мере, так пишет о своем деде историк Филипп Тараторкин в журнале «Новый исторический вестник».

Затем был переезд в Иркутск, где Марков устроился в альманах «Новая Сибирь» и начал писать свой первый и, пожалуй, самый известный роман – «Строговы». Первая книга вышла в 1939-м, вторая была готова весной 1941-го, но издать ее получилось только после войны. В 1960-м вышла двухтомная «Соль земли» – продолжение «Строговых».

Сибирские писатели не одно десятилетие пытались создать свой «Тихий Дон». Сибирский уклад не менее колоритный, чем казацкий, Гражданская война была не менее ожесточенной и запутанной, чем на Дону, любовь не менее страстной... «Половодье» Анатолия Чмыхало, «Хребты Саянские» Сергея Сартакова (там, правда, до Гражданской не доходит), «Солёная падь» Сергея Залыгина, «Вечный зов» Анатолия Иванова, романы Алексея Черкасова. Даже Василий Шукшин предпринял такую попытку в «Любавиных». Но всё это были, по большому счету, неудачи...

Георгий Марков вообще писатель эпопей. Его книги начинались обычно так: «Книга первая... Часть первая... Глава первая... I...» Впрочем, он, кажется, был мастером на все руки: драматург, сценарист, автор повестей и рассказов, публицист, очеркист... Но хорошим ли мастером? Дискуссии ведутся до сих пор.

Для одних его романы и повести примитивная беллетристика, а то и графомания, для других – настоящая проза, притом увлекатель-

ная; для одних творческое наследие Маркова насквозь идеологическое, образцовый соцреализм, для других – полезное, духоподъемное, жизнеутверждающее.

По моему мнению, романы Георгия Маркова – это беллетристика. Беллетристика советского образца. Ничего плохого в этом, наверное, не было бы, если бы она не стала образцом для большинства других писателей того времени. Причем для многих – навязываемым образцом. Другое, как правило, принималось журналами, издательствами неохотно, с опаской, иногда признавалось «ошибкой», редакторов увольняли, смещали...

Журналист Юрий Акимов в одной из статей приводит цифры самых издаваемых писателей первой половины 1980-х: «Георгий Марков издавался 32 раза общим тиражом 4129 тыс. экземпляров, Пётр Прокурин – 21 раз (2615 тыс.), Сергей Сартаков – 15 раз (849 тыс.), Александр Чаковский – 40 раз (3901 тыс.)».

Не знаю, прямо или косвенно влиял на такие тиражи Георгий Марков, но так или иначе влиял. Он был настоящим литературным генералом – с 1956 года один из секретарей Союза писателей СССР, а с 1977 по 1986 годы руководитель. Причем его предшественник Константин Федин часто спускался к «рядовому составу», а Георгия Маркова мало кто из простых членов Союза видел вблизи. С ним почти не связано историй, баек, смешных или грустных анекдотов. Он был где-то очень высоко. Распекали провинившихся другие.

Вроде бы нейтральная фигура. Но именно при Маркове эмиграция писателей стала делом обыкновенным, рутинным. Всех не вписывающихся не то чтобы высылали, как Солженицына (высылка – это скандал), а тихо выдавливали. Владимов, Довлатов, Горенштейн, Аксёнов, Войнович, Ефимов, Померанцев, Эдуард Тополь, Кублановский...

К перестройке советская литература пришла запуганной, обесилённой, практически выхолощенной. Потому, наверное, и не дала понастоящему сильных художественных произведений. Произведения на русском языке полились из-за рубежа или из архивов давно умерших писателей.

Георгий Маркова – стоило ему пошатнуться, читая доклад на очередном съезде Союза писателей, – добровольно-принудительно переместили из первых секретарей на почетную, но во многом формальную должность председателя. Это было в 1986-м, а в 1989-м он сам покинул и этот пост. Всё тогда разваливалось, в том числе и Союз писателей СССР.

Ирония судьбы, но свою последнюю повесть «Старый тракт» Марков, если верить словам его внука, так и не сумел опубликовать. «При жизни ему в публикации отказали и вернули рукопись, не особо заботясь в корректности ответа. Время “секретарской” литературы, как полагали, прошло».

С 1991 года у нас существует несколько писательских Союзов. Все это общественные организации сродни Союзу филателистов. Не изменилось дело и после реорганизации Союза писателей России. Вернее, заявления о реорганизации.

Конечно, Союз писателей СССР, каким мы его знаем, был организацией непростой, нередко карательной. Но писателям – по крайней мере, многим из них – нужна своя профессиональная организация. Некий профсоюз, может быть, гильдия. Нужен новый Литфонд.

Нужны и литературные журналы с крепкими редакциями – сейчас же штат сотрудников почти всех журналов сокращен до предела,

а некоторые журналы уже давно не выходят... Нужны литературные еженедельники. Два оставшихся в сложном положении – «Литературная газета» и особенно «Литературная Россия», которая развалилась на две и при этом перестала печататься на бумаге...

У нас давно всё завязано на государстве. Немало тех писателей, которые стараются держаться от него подальше. С другой стороны, государство состоит из людей, в том числе и писателей, которые работают – не побоюсь высокопарности – для народа. Но вполне может случиться так, что им попросту негде будет публиковать и издавать написанное. А состарившийся писатель уже сейчас обречен на крошечную пенсию как не имеющий стажа. Писатель – не профессия в современной России.

В 2019 году была создана Ассоциация союзов писателей и издателей России (АСПИР). С ней связывали большие надежды, и она действительно стала объединять пишущих людей разных направлений и разных лагерей. В начале 2025-го без всякого объяснения АСПИР закрыли. Ставку очевидно сделали на Союз писателей России. Правда, деятельность его, по-моему, к писательскому творчеству и жизни писателей отношения не имеет. Может, и к лучшему.

Но вернусь к герою очерка.

Писательская судьба Георгия Маркова, по моему мнению, не сложилась. По первому большому произведению, «Строговы», видно, что способности у него были. Он работал не только над содержанием, но и стилем, языком. Вот такой зачин дебютного романа:

В средней полосе Сибири первые заморозки начинаются уже в конце августа. Утрами, пока солнце не обогреет землю, на зеленой листве деревьев, на поникшей от холода траве лежит нежный, легкий иней.

С этого времени начинают опадать цветы, сохнут травы и раскрашиваются во все цвета радуги бельники и осинники. Последние летние дожди проходят с ветром и бывают затяжные и надоедливые.

Но вслед за ними наступает ясный сентябрь. Земля пестра и походит на ковер, что девушки в деревнях плетут из ситцевых разноцветных лоскутьев. В сентябрьские дни небо еще сине и безоблачно, а в лесу уже сыро и пахнет прелю опавшей листвы.

Незаметная, но хлопотливая и суетная жизнь течет в тайге в эти погожие дни и звездные, гулкие ночи. С глубоких озер поднимаются караваны гусей, лебедей и уток и направляются в далекий путь. Жалобно курлыча и повизгивая, как несмазанные колеса деревянной телеги, летят на юг длинные вереницы журавлей. Внизу, под ними, тянутся тысячеверстные просторы земли, а выше плывут белые, как хлопья, облака и дуют ветры.

И в это же самое время, когда улетают залетные птицы и уходят пришлые звери, постоянные жители тайги ищут сытной зимовки. Хорошо, если год урожайный и косогоры краснеют от брусники, а ветки кедров сгибаются от тяжести крупных шишек. Но бывает часто и так: не везде, не во всех концах одинаково плодоносит тайга, и тогда в поисках зимних кормежек начинается великое кочевье всего живого...

Что ж, есть художественность, есть сибирская нота.

Но с 1956 года, в сорок пять лет, его поставили пасти писателей, устраивать их быт, и стало не до писательства. Писал Георгий Мокевич явно урывками, на родине бывал редко, сюжеты брал из своих детства и юности.

Наверное, страдал. Писать хотелось... Есть у него повесть «Тростинка на ветру», время действия в которой – середина 1970-х. Сю-

жет несложный, но важный, особенно для того времени: юная девушка Варя, которую называют Тростинкой, уезжает из деревни, пытается устроиться в городе и, обжегшись на соблазнах, не прижившись там, возвращается. Поднимается в повести много проблем – от сталинских лагерей до бытовой развращенности, – правда написано это так как-то наспех, неубедительно, тускло.

Не знаю, не встречал дневников Георгия Маркова. Может быть, он их и не вел. Но почему-то я уверен, стариком он вопрошал и сетовал: на что потратил жизнь, на что потратил...

Двух станов не боец. Анатолий Анананьев

Об Анатолии Ананьеве вспоминают нынче нечасто, проза его, мягко скажем, не на слуху. Может быть, это с исторической точки зрения и справедливо – не всё и не все проходят испытание временем, – но и позволять траве забвения затягивать прошлое тоже нельзя.

Главное его произведение, пожалуй, – роман «Танки идут ромбом», опубликованный в 1963 году. По объему небольшой, он вмещает в себя и солдатские будни, и батальные сцены, и воспоминания героев о мирной жизни, авторские размышления, судьбу героя после войны, его осмысление произошедшего. И книга производит впечатление чего-то огромного, многомерного – попадаешь в сложный, извилистый мир, из которого сложно выбраться. Я, кажется, и не выбрался: помню содержание очень хорошо через десятилетия после прочтения.

Анатолия Андреевича Ананьева редко причисляют к представителям «лейтенантской прозы». Хотя и его первая повесть «Малый заслон», вышедшая вскоре после публикации знаменитых «Батальоны просят огня» Юрия Бондарева (в 1959-м), и «Танки идут ромбом», и многие страницы романа «Версты любви», это как раз именно та проза – молодых лейтенантов...

Ананьев попал на фронт в неполные восемнадцать. А родился вдали от культурных столиц страны, на юге Казахстана, где его отец, красноармеец, боролся с басмачами. Вскоре родители переехали в село под Бугульмой, но со Средней Азией будут связаны немалые отрезки жизни писателя.

Есть сведения, что семья Ананьевых была раскулачена. Так или иначе, в начале 1930-х она переехала в Наманган, что в Ферганской долине. Там Анатолий работал на хлопкоочистительном заводе, учился в техникуме... В 1943-м десять ребят-однокурсников пришли в военкомат проситься на фронт. Военком всем им поставил дату рождения «1 января 1925 года» и отправил в артиллерийское училище в Фергане. До победы дожили из этих десяти парней лишь двое.

На фронт младший лейтенант Ананьев попал накануне Курской битвы. От истребительно-противотанкового полка за первые три дня боев осталась в строю едва ли треть; будущий писатель получил медаль «За отвагу». Как раз те дни и станут основой романа «Танки идут ромбом».

В конце 1945 года двадцатилетним инвалидом второй группы он вернулся домой к немощному отцу, почти ослепшей матери, больному туберкулезом младшему брату. Работал в колхозе, окончил вечернюю школу, Алма-Атинский сельхозинститут. Делал успехи как агроном, но потом снова стал студентом – на сей раз филологического факультета. В 1963-м переехал в Москву.

Он старался выбраться из военной темы. Писал разное – атеистические повести (тема востребованная при Хрущеве), книги о послевоенной жизни, роман «Межа» (очень странный полудетектив, по-моему, необходимый для тех, кто пытается разобраться в крестьянской общинности, в том, что вообще случилось с русской деревней в послевоенные годы).

Приведу цитату из романа как образчик ананьевского стиля:

Он ходил по избе, сгорбленный, бледный, и то и дело, останавливаясь у окна, чуть отодвигал шторку и смотрел на пустынную улицу. Руки его не дрожали, как в первые часы, когда он узнал о сгоревшем доме и взрыве, его не лихорадило, но вся дрожь как бы переместилась теперь в глубь его, в душу, и это было еще мучительнее для него; он не замечал, как время от времени он тихо и сдавленно стонал от злобы и бессилия, что он уже ничего не сможет сделать, чтобы, как он думал: «Стать над ними!» «Ну что ж, ваша взяла, эть ваша взяла», – лишь говорил он себе. Он был в том состоянии, когда ему было ясно одно, что наказания ему не избежать, и его мучил лишь вопрос, каким будет это наказание; он думал об этом, весь напрягаясь и чувствуя в ладонях проступавший холодный пот, но вместе с тем, как он рисовал себе картины суда и ареста, все для него оставалось неопределенным, и неопределенность эта как раз и была для него невыносимой. Он не мог долго оставаться в избе и вышел во двор – пусть увидят его и пусть придут за ним, только бы все решилось и кончились эти мучения; он походил по двору, постоял у ворот, прошелся по огороду, будто вглядываясь в ботву и капустные листья, но более осматриваясь по сторонам; он почувствовал ту минуту, когда его увидели с улицы и увидели от соседей, но время шло, а никто не приезжал за ним. Тогда он вышел на улицу и сел на скамейку у палисадника, но никто как будто и здесь не обращал на него внимания, люди проходили, занятые каждый своим делом, проезжали на арбах, на бричках, и Минаев растерянно и страдальчески смотрел на них; вокруг него, он чувствовал, как будто образовывалась какая-то пустота, и пустота эта пугала его. Наконец он не выдержал, встал и пошел в сельсовет.

Есть у Анатолия Андреевича и своя эпопея – многотомные «Годы без войны». Советовать читать не стану, хотя без нее плотно советской литературы было бы, наверное, неполным. И не случайно, что к подобным книгам в последнее время возвращаются. Пусть не массовый читатель, единицы, но тем не менее. Думаю, чем дальше от нас будет советская Атлантида, тем сильнее будет любопытство к таким произведениям.

В последние годы как литератор Анатолий Ананьев, подобно Борису Васильеву, ушел в далекое прошлое России. Не столько изучал и художественно осмыслял его, сколько интерпретировал. Но, кажется, главной его заботой был журнал «Октябрь».

Главным редактором «Октября» его назначили в 1973-м, после самоубийства (мучительные боли из-за рака) Всеволода Кочетова.

Кочетов был яростным бойцом, одной из главных фигур в той литературно-идеологической войне, что шла в 1960-е между «Октябрем», «Молодой гвардией» и «Новым миром». Государственники, почвенники, демократы... Победителей не оказалось – тогдашний режим не хотел шума, брожения умов, предпочел заставить спорщиков замолчать. Редакции «Нового мира», «Молодой гвардии», некоторых других изданий были разогнаны, «Октябрь» вроде бы особо не трогали, но программное произведение Кочетова – роман «Чего же ты хочешь?» – стал полузапрещенным, а последнее произведение, «Молнии бьют

по вершинам», был издан через десять лет после ухода автора из жизни, да и то в отцензурированном виде.

На фигуре Ананьева остановились, наверное, потому, что он не примыкал ни к каким лагерям, прозу писал умеренную, с заявлениями не выступал. По строчке Алексея Константиновича Толстого – «двух станов не боец».

И, став главным редактором «Октября», он не пошел в бой, зато постепенно обновил редакцию, публиковал произведения писателей из разных лагерей. Стихи Олега Чухонцева и Бориса Примерова, прозу Алеся Адамовича и Александра Проханова, Виктора Астафьева и Владимира Маканина. Отдел литературной критики возглавил совсем еще молодой тогда Владимир Бондаренко и привлек в журнал авторов враждовавших ранее «Нового мира» и «Молодой гвардии»: Михаила Лобанова, Владимира Лакшина, Игоря Золотусского, Вадима Кожинова, Игоря Дедкова...

Правда, в годы перестройки ананьевский «Октябрь» сделал выбор: стал рупором преобразователей. Логическим продолжением этого стало появление подписи главного редактора в так называемом «Письме сорока двух», где от президента Ельцина требовали «решительных действий» в противостоянии с Верховным Советом, «коммунистическими, националистическими партиями, фронтами и объединениями».

Спустя без малого три десятилетия споры о тех событиях не утихают. Многие считают октябрь 1993-го роковой чертой России. Некоторые подписанты того письма позже публично раскаялись. Анатолий Ананьев, кажется, нет. Хотя новые времена его явно не радовали. В этом я убеждался, участвуя в одних с ним литературных собраниях самого конца 1990 – начала 2000-х.

Ушел он из жизни в декабре 2001-го, оставив «Октябрь» с богатым и разнообразным набором авторов своим преемникам Ирине Барметовой и Алексею Андрееву. К сожалению, сейчас журнал зачах, но вся литературная периодика переживает труднейшие времена.

Из написанного Ананьевым часто переиздаются «Танки идут ромбом». Уверен, что судьба романа будет еще долгой. И это, наверное, главное для писателя – чтоб хоть одним своим произведением оставаться здесь, в мире живущих.

Литературный пролетарий. Эдуард Лимонов

На смерть в марте 2020 года 77-летнего Эдуарда Лимонова последовала неожиданная для меня реакция – люди погрузились в бурное горе, словно умер молодой талант, у которого очень многое было впереди. Впрочем, и Эдуард Вениаминович до последних недель жизни выглядел не дряхлым, уставшим, опустошенным: глаза горели, острые слова скорострельно срывались с языка, а главное, одна за другой выходили новые книги.

Книги разные и по жанрам, и по родам литературы, по объему, по степени обработанности – одни производили впечатление набросков, другие ювелирных изделий словесности. Но всё это были вещи горячие, интересные, заражающие энергией. После чтения Лимонова всегда очень хочется писать самому.

Да, в общем-то, мое и следующие поколения литераторов (конечно, не целиком, но в значительной мере) начинали не то чтобы с подражания

его «Эдичке...» или «У нас была великая эпоха», а с ощущения, что так, оказывается, возможно. Мы хватались за ручку и бумагу в 1990-е – 2000-е, чтоб описать свой жизненный опыт. У одних он был богатый, кровавый, тюремный, у других бедный, комнатный, но от этого часто не менее драматичный.

«Это я – Эдичка» – книга отчаяния, по сути, предсмертная книга. Наверняка автор был уверен, что, написав ее, умрет. С той же уверенностью начинали писать и многие из нас. Некоторые действительно погибли после первой книги...

Лимонов был на двадцать пять – тридцать пять лет старше нас, но в то же время оказался в литературе почти нашим ровесником – в Союзе его стали печатать в 1989-м. Ровесник и одновременно учитель, это здорово.

Но о нем можно было узнать и в самое застойное время, когда эмигранты для советских людей просто исчезали, уходили в небытие. Уезжали Коржавин, Гладилин, Синявский, Максимов, Аксенов и словно умирали. Лимонов же, мало кому известный до эмиграции поэт, вдруг докричался оттуда сначала своей статьей «Разочарование» (кстати, не утратившей актуальности), перепечатанной советской «Неделей» из забугорной газеты «Новое русское слово», а потом рецензией на роман «Это я – Эдичка» Леонида Почивалова, опубликованной в «Литературной газете» в 1980 году.

Содержание и тон ее я хорошо запомнил: мои родители выписывали «Литературку», и отец иногда читал вслух интересные статьи. Прочитал и эту, под названием страшным и притягательным: «Человек на дне».

Были в рецензии такие строки:

Где-то сейчас там этот самый Эдичка... Один на один с огромным, чужим и враждебным ему городом, во взаимной неприязни и непонимании. Слышал я, что и в этом году в Нью-Йорке снова тяжёлая жара. Что делает он в эти минуты? Околачивается по приёмным офисов в поисках работы? Одурев от зноя и дешёвого вина, спит на скамейке в Централ-парке? Или хлебает кислые щи в тесной, как клеть, комнатухе? Ещё недавно Эдуард Лимонов был советским гражданином, жил в Москве, имел семью, друзей... Сейчас у него нет ни отечества, ни семьи, ни дома...

Мне было лет девять тогда, я мечтал стать бродягой, как Гек Финн, и потому Эдичке не сочувствовал, а завидовал. Вот же – спит на скамейках в парке в мифическом Нью-Йорке, роется в мусорных баках. И еще про это целую книгу написал.

Но концовка рецензии хлестнула:

Вытирая слёзы кулаком, он злобно проклинает торчащие вокруг тяжёлые, похожие на надгробья нью-йоркские билдинги, словно в них олицетворение всей его безысходности.

Так кончается книга – тоскливая исповедь потерянного человека, потерявшего свою родину навсегда.

Конечно, текст Почивалова был идеологический, но спорить с содержанием трудно – по сути, настроение лимоновской книги передано точно. Ошибся автор лишь в том, что Эдичка потерял свою родину навсегда. Через десять лет он вернется...

Когда-то, уже давным-давно, Лимонов заявил: «Я встретил в своей жизни десятки тысяч людей – ну и что? Никто не дает им права объяс-

нять меня». С одной стороны, справедливо, а с другой, он сам пытался объяснять очень многих.

Кем только не определяли Лимонова и при жизни, и в первые дни после смерти. По моему мнению, он был именно писателем, и всем остальным занимался ради материала для будущих книг. Конечно, наверняка мечтал и многое делал для того, чтобы программа созданной им в 1993 году партии воплотилась в жизнь, одерживал маленькие победы. Но и победы, и в основном неудачи на этом пути обязательно становились сюжетами прозы, статей, эссе. А неудачи для писателя обычно куда плодотворнее побед.

Не случайно, наверное, что вскоре после самой большой победы – частичной реализации одного из главных пунктов программы партии – «Пересмотр границ России, чтобы они соответствовали этническим границам расселения русских. Крым и Донбасс должны быть русскими...» (но именно частичной, так как капитализм в России не был отменен) – Эдуард Вениаминович начал заметно чахнуть. В первую очередь, как общественный деятель; по меткому замечанию писателя Игоря Яркевича он запутался «между Путиным и оппозицией».

Да, с прежней яростью бороться стало не с кем, зато книги посыпались одна за другой – кажется, чаще Лимонов выдавал новые вещи лишь во время тюремного заключения.

О нем написаны по крайней мере три книги. Самая, на мой взгляд, удачная Евгения Додолева «Лимониана, или Неизвестный Лимонов», где очень мало биографии героя, но много о его взглядах, особенно в 1990-е, о врагах и соратниках. Биография же Лимонова наверняка дело бесполезное – он сам описал себя, пусть не один в один, в десятках своих произведений. А один в один мне, например, и не надо. Да и самый честный биограф никогда и ни о ком не напишет один в один.

До недавних пор существовал обширный пробел в художественной автобиографии Лимонова – жизнь в Москве в конце 60-х – начале 70-х. Но не так давно была обнаружена рукопись романа «Москва майская», написанного в эмиграции, который посвящен Лимонову в Москве...

Я понимаю тех, для кого Лимонов враг, кто возмущается той волне скорби, что возникла после известия о его смерти. Действительно, он много чего наговорил порой возмутительного, много кого оскорбил. Но в обществе должны быть такие люди, иначе общество окостенеет и погибнет.

Меня неприятно удивляло, что Лимонов не мог долго терпеть рядом с собой по-настоящему талантливых, крупных людей. Он рассорился практически со всеми первыми соратниками, с союзниками, с теми партийцами, что могли стать ему конкурентами.

Вспоминаю их разрыв с Егором Летовым, как позже оказалось, неокончательный, в 1996 году. Тогда, в начале предвыборной президентской кампании, Лимонов поругался с Зюгановым и призывал сторонников голосовать за олицетворявшего для людей левых убеждений абсолютное зло Ельцина.

Летов, конечно, возмутился такому решению, уехал из Москвы в родной Омск; позже был найден устроивший всех в партии кандидат в президенты штанист и писатель Юрий Власов. Но позже Лимонов подробно описал этот инцидент в книге «Анатомия героя», в главе под названием «Обыкновенное предательство», после чего их отношения с Летовым уже по-настоящему не восстановились.

В 1998 году он разорвал отношения с членом партии Алексеем Цветковым. Может быть, не столько из-за идеологических разногласий, сколько из-за растущей известности Цветкова как писателя. А за год до этого Эдуард Вениаминович выступал на его защите диплома в Литинституте, вообще относился к Алексею с заботой. Но до тех пор, пока тот был рядовым бойцом.

Я это к тому, что Лимонову необходимо было оставаться одиноким волком. Наверное, эта потребность была подсознательной, он с ней боролся, но побороть не смог.

Как-то я побывал у него в гостях на одной из съемных квартир. Это была двухкомнатка. Так называемый зал почти пуст – лишь стол и десятка два стульев вдоль стен. Видимо, для собраний. Другая комната служила спальней и кабинетом. Узкая, чуть ли не панцирная кровать, письменный стол. Выделялся добротный – от пола до потолка – стеллаж с книгами. Кажется, это всё из мебели... Чай Эдуард Вениаминович заваривал в стеклянной банке.

О его аскетизме сказано много. Да, всю жизнь кочевал, не имел загородного дома; наверное, на его деньги был куплен автомобиль, но это было партийное средство передвижения. Богатством гардероба, особенно в последние лет пятнадцать, не выделялся.

Для меня показательным стал такой эпизод. Однажды мы оказались рядом за столом с едой и напитками. И, осмелев от алкоголя, я задал давно мучивший меня вопрос:

– Эдуард Вениаминович, зачем вы издали книгу «316, пункт “В”»? Она ведь слабая, вы сами себе навредили.

Я думал, он пошлет меня подальше. Но с малознакомыми людьми Лимонов был вежлив. И потому внешне спокойно ответил примерно следующее:

– Партии нужны деньги, а я могу зарабатывать только литературой. Согласен, не всегда она получается высшего уровня. Я когда-то шил штаны, и они тоже не все бывали идеальны.

За тридцать лет жизни в России он написал множество книг – точное число подсчитают исследователи – и не получил ни одной денежной премии. Ближе к ним был роман «В Сырах», потрясающий, по-моему, конгениальный «Эдичке...», но и он не дошел даже до финальной пульки... Да, зарабатывать на жизнь, на деятельность организации Лимонов мог только выпуская новые и новые книги. Настоящий литературный пролетарий.

Анатолий БАЙБОРОДИН

Родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Окончил Иркутский госуниверситет, работал в районных и областных газетах, преподавателем в вузе, главным редактором журнала «Сибирь».

Автор книг «Старый покос» (повесть), «Поздний сын» (повесть), «Боже мой...» (роман), «Яко богиню землю нареки» (фольклорно-этнографические, историко-публицистические и художественные очерки), «Русский месяцеслов» (обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа), вышедших в Иркутске и Москве. Лауреат Большой литературной премии России, Патриаршей литературной премии и других.

Живет в Иркутске.

Главы из очерка

ВОЕВОДА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Памяти преподобного Илии Муромца,
Киево-Печерского чудотворца

Российским воинам посвящается

*Если требует чести – отдай, если
ищет золота – отдай; но за веру
православную и Христову Церковь
нам подобает и кровь свою пролити
и живот свой положить...*

Преподобный Сергей Радонежский
великому князю Дмитрию Донскому

*Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборные.*

Былина о святорусском
богатыре Илье Муромце

Земли Русския славный заступниче

Илья Муромец – крестьянин, воин и монах. Илья Муромец в героическом русском эпосе – обобщённый образ русского народа: пахотный крестьянин по роду-племени и по духу, казак-шлемоносец по ратной службе, оборонитель Святой Руси, защитник вдов и сирот, а на склоне жизни – покаянный инок, замаливающий смертные грехи, скопленные в казачьей вольнице, и в глубокой старости – святой преподобный Илия Муромец, печерский чудотворец, в земле Российской просиявший, чьи нетленные мощи в Дальних пещерах Киево-Печерской святой обители. Сей святой крестьян, святой воин, святой инок запечатлён в творениях вдохновенных богомазов, покровительный лик его на русских воинских знамёнах и в крестьянском устном искусстве.

Крестьянин, воин, монах Илья Муромец – русский люд, который крестьянствует, обороняет Русь, усердно молится Христу Богу за спасение родного народа. Не княжич Добрыня, не попович Алёша и даже не князь Владимир Красно Солнышко, а Илья – крестьянский сын, богатырь, святой инок – былинное воплощение и образ русского народа.

Покинув родное село Карачарово, потомственный пахотный мужик на богатырской заставе обратился в казачьего атамана. Киевские богатыри величали Илью *старый казак*, а Господь и ссудил-то свято-русскому богатырю сорок пять лет, из коих тридцать «сиднем сидел», а пятнадцать сражался против супостатов за сирот и вдов, за веру христианскую. Впрочем, по иному суждению, преподобный Илия Печерский, он же Илья Муромец, прожил долгий век и почил святым старцем.

В поэтическом воображении русского крестьянина... а Россия держава крестьянская... былинный богатырь Илья Муромец причудливо сближался и с Илией, ветхозаветным пророком, поскольку оба воителя сражались с холопами князя тьмы. Илья Муромец и похож на Илью Громовержца: «На огненной колеснице могучий седой с грозными очами разезжает из конца в конец по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвёздной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших Закон Божий сынов человеческих» (С. Максимов).

Старый казак Илья Муромец, воин Христов, защищал от супостатов и нахвальщиков не князя Владимира Мономаха, но русское простолудье; оборонял Святую Русь под Покровом Царицы Небесной и под крылом Михаила Архангела – Ангела Земли Русской. Даже тридцатилетняя хворь была дарована свыше во спасение души, во обретение святости, а исцеление и обретение силы богатырской – промысел Божий о народе русском.

В Святом Благовествовании Иисус Христос, молвя притчами, ведал: «не возжигают светильника и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине». Посему доброе знамение о грядущей судьбе России, отрада русским сердцам, коль по городам и весям страдающего Отечества возродились народные торжества в честь православных святынь и святых, ибо чествования святости ярко, аки солнце после морока, освещают величавое прошлое святорусской земли, вселяют в души надежду на грядущую славу Руси, будят в русских соборный, братчинный дух, увы, при затишьи впадающий в суету сует и грешное унынье.

Покаянное поклонение национальным святыням для русских – братины святой воды, кою по велению православных старцев, калик перехожих, испил былинный Илья Муромец, – испил и почуял не токмо силу телесную, а и духовную – необоримое желание постоять «за веру да Христовую, за церкви да за соборные» и за братьев и сестёр во Христе, поскольку «больше сия любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя...»

Русский народ на адском закате прошлого века обмер над пропастью национального вырождения, но сквозь истошный визг и вой нежити, царящей на Руси*, Божиим чудом народ услышал глас преподобного

* Изначальный вариант очерка – конец восьмидесятых, начало девяностых, когда враги внешние и враги здешние захватили власть в России, что о ту пору величалась Советский Союз, и приступили к стремительному духовно-нравственному, этическому, этническому, экономическому разрушению Великой Русской Империи (прим. авт.).

Илии Муромца, Печерского: русичи, возлюбите Бога, ибо заповедано Христом: «...возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душой твоею, и всею мыслью твоею»; затем возлюбите всепрощающей любовью брата и сестру во Христе, ибо рече Господь: «возлюбиши искреннего твоего яко сам себя»; а, возлюбив ближнего Христа ради, возгоритесь ненавистью ко врагам Христовым – супостатам, полонившим Землю Русскую, дабы в православной братчине сгинули междоусобные распри, своекорыстные помыслы, развеялся мрак лихо-летья и, словно Царица Небесная, засияла над миром Святая Русь.

Илья Муромец – воин Христов

Православный богатырский дух. Един Бог без греха, и русские богатыри, даже согрешая и каясь, – истинные христиане, одолевающие врагов не столь богатырской силушкой, сколь православным духом. Воистину, не в силе Бог, но в правде, а правда за святорусскими богатырями, ибо не разоряли чужеземье ради из беснования и ради наживы, но сокрушали басурманов, обороняя земли русские от вражеских набегов.

Осадил Киев Батый-царь сын Батыевич с несметным полчищем, грянул поганый хан Мамай, помрачилась Русь печалью, и, яко перед всякой сечей, святорусский богатырь Илья Муромец призвал крестовых братьев под колокольный звон:

Уж вы ой еси, русские богатыри!
Надо нам идти во Божью церковь,
В Божью церковь Богу молитися,
Помолитися Спасу-Вседержителю,
А затем пресвятой мать-Богородице,
А затем и Миколе-то святителю,
Ой, помолитися, благословитися...

А в иных былинах изображаются откровенно христианские деяния: вспомним Иванище, калику перехожего, обладавшего богатырской силой, который говорит Илье:

Я иду-бреду от города Иерусалима,
Господу Богу помолился,
Во Иордан реченьке искупался,
В кипарисном деревце сушился,
А ко Господнему гробу приложился...

На высоком киевском холме... может, под крестом святого апостола Андрея Первозванного... в отпахнутом белом шатре восседали за братчинным столом князь Владимир и богатырская дружина, вздымая кубки хмельного мёда, поминая былые битвы. А гуслир под серебряный звон гуслей пел старины о великом полководце, князе Святославе Игоревиче, о святом Владимире, крестившем Русь, о Владимире Мономахе и киевских богатырях.

Но жаль, не дожили до нынешних времён первозданные былины, что рождались в душе, воображении и на устах вещего бояна. Увы, ведомы лишь былины, от сказителей записанные народами в позапрошлом веке да на рассвете прошлого; и русское мировоззрение сих веков, похоже, отразилось на слове и духе былин.

Мировоззрение былинного Ильи, увы, могло и не совпадать с мировоззрением преподобного Илии Печерского, карачаровского мужика,

казачьего атамана и Киево-Печерского монаха, поскольку образ былинного Ильи зависел от духовных воззрений сказителей, кои либо обладали ясным православным духом, либо смешивали веру с языческими суевериями, либо вовсе жили без Бога и царя в голове. Образ Ильи Муромца зависел и от воззрений учёных-народоведов, записывающих старины от старинщиков-былинщиков; зависел и от российских времён, в кои филологи записывали былины: православные то были времена или годы воинственного безбожия, когда былины, а с ними и образ Ильи Муромца, подверглись духовному искажению, усилению языческого мистицизма, где воспевались отец-небо и мать-сыра земля, в страстном соитии коих якобы рождалось всё живое на земле.

Чисто поле в славянском язычестве – священная мать – сыра земля, а посреди поля – судьбоносный бел-горюч камень или камешек Алатырь, где начертан выбор грядущей судьбы: быть богату, женату либо убиту. Илья Муромец читал каменные письма, хотя и ведал заповедь Божию: «Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии, разве Мене. Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу, и елика в водах под землей, да не поклонишия им, ни послужиши им» (Заповеди Божии).

В душе святорусского богатыря – закатные отзвуки ветхославянского язычества, звучащие в былинах при упоминании Микулы Селяниновича, коего «любит матушка сыра земля...», при спасительном обращении к матери – сырой земли в сражениях и при судьбоносном раздумье у бел-горюч камня Алатыря.

* * *

Набожность Ильи и родителей. Илья Муромец смалу и по седую бороду – воистину православный христианин, отряхнувший прах языческого идолопоклонства, потомственный боголюбец и богомолец, поскольку в христолубии жили и родители Ильи Иван Тимофеевич и Епистимья Олександровна, а в иных былинах – Ефросинья Яковлевна. Не тужили, ибо жили по заповедям Божиим:

«Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласований и пианства, не любодеений и студодеений, не рвений и зависти; но облецытеся Господом нашим Иисусом Христом, и плоти угождая не творите похоти» (Рим. 13:13–14).

И когда Илья поведал родителям о чудесном исцелении, то мать радостно благодарила Христа Бога, а ликующий отец побежал в Божий храм с благодарением.

Ай тут батюшко ево да тому рад он был,
Тому рад-то он был, весьма радешенёк,
Он бежал-то скорешенько тут, скоро из циста поля;
Он хвалу-то приносил Богу небесному,
Во-вторых-то он Царицы, Божьей Матери,
Во-третьих-то всё калик да перехожиих:
– Они были у меня да не просты люди,
Не просты были люди, да всё съваты отцы:
Исьцелили у меня сына единого...

Божьи посланники даруют богатырство крестьянскому сыну не для потехи-утехи бойцовой и не ради лишь услужения князю Владимиру Мономаху, но дабы «постоять за веру христианскую». Подобное слы-

шим и в благословении родителей, когда Илья ладится на ратные подвиги и, согласно православному обычаю, испрашивает родительское благословенье у батюшки Ивана свет Тимофеевича:

Он и просит себе благословеньица:
«Ох ты, гой еси, родимый, милый батюшка!
Дай ты мне своё благословеньице,
Я поеду во славный, стольный Киев-град,
Помолиться чудотворцам киевским,
Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему верой-правдою,
Постоять за веру христианскую».
Отвечает старый крестьянин,
Иван Тимофеевич:
«Я на добрые дела тебе благословенье дам,
А на худые дела благословенья нет.
Поедешь ты путём-дорогою,
Ни помысли злом на татарина,
Ни убей в чистом поле христианина».

После батюшки благословляет Илью на добрые деяния и родная матушка Ефросинья свет Яковлевна:

– А уж поедешь ты ли, чадо наше милое,
А ты во славный да ли во Киев-град,
А не кровавь сабли востреси,
А не сироти-ко ты да малых детушек,
А не бесчести-ко ты да молодых жон.

Отец и мать чуют душой высокое богатырское призвание сына, а посему завещают не проливать крови христианской, но «врагов веры христианския истребляя» (Акафист преподобному Илие Муромцу).

Покинул Илья родительский кров – «...дом отчий оставивый, да всему Отечеству службу сослуживши... любовь Божию любви родителей предпочетший». От родителей, карачаровских крестьян, Илья Муромец унаследовал набожность, а посему деяния святорусского богатыря и даже обыденная жизнь исполнены православного духа. «Разумев Илие, яко исцеле внезапно от недуга своего, первее крест по писаному на себе положи».

А тут ли стал Илья да на резвы ноги,
А крестил глаза на икону святых отцов:
– А слава да слава, слава Господу!
А дал Господь Бог мне хожденьице,
А дал Господь мне в руках владеньице.
<...>

Я поеду во славный, стольный Киев-град,
Помолиться чудотворцам киевским,

Без Бога ни до порога... Покинув село Карачарово, Илья, будучи воцерковленным, «стоял заутреню во Муромли, а и к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град...» Былины песенным перстом указывают на искреннюю набожность Илии:

Умывается он да ключевой водой,
Утирается он да белым полотном,
А ставает да он нонь перед Господом,
А молится он да Господу Богу,

А крест кладёт да по-писаному,
А поклон ведёт да как водится,
А молитву творит полну Исусову...

А посадил князь Владимир деревенщину Илью в земляное узилище,
воин Христов не тратит время даром, но «сидит-то за дубовым столом,
/ а и горит у Ильи воскова свеча, / и читает книгу он Евангелие...»

* * *

Битвы с молитвой. Илья Муромец сражался против супостатов за веру православную, за церкви Божии, за вдов и сирот, и лишь попутно за князя Владимира с княгиней Опраксией Королевишной.

Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборные...
Я за землю стоял святорусскую,
Да за бедных вдов, за сирот малых...

А супостаты, искушаемые дьяволом, с древних лет ненавидели Русь, яко ненавидели иудейские книжники, фарисеи и первосвященники Христа Бога и христиан, исповедующих Сына Божия, и лелеяли дьявольскую мечту сокрушить Православную Русь.

Сила Ильи Муромца от Бога: святорусский богатырь поражает врагов по горячей мольбе, по молитвенному обращению к Спасу Вседержителю и Царице Небесной, ко святым апостолам и Божиим угодникам. Лишь с молитвой битвы Ильи Муромца против супостатов...

Черниговские горожане советуют Илье ехать долгим, окольным путём, а не прямоезжею дорогою, что заколодела, замуравела, где «чёрну ворону – не пролётывать, зверю серому – не прорыскивать, где Соловей сидит во семи дубах» и так свистит, разбойник, что «тёмны лесушки – преклоняются, а что люди есть – все мертво лежат». Выслушал Илья Муромец от черниговских мужиков эдакие страсти, помолился Царю Небесному, Царице Небесной и всем святым да с Божией помощью и сразил Соловья-разбойника.

«Уж ты Спас, ты Спас да многомилослив,
Пресвятая Мати Божья, Богородица!
Я стоял ведь за веру да православную,
Я стоял же за церкви да всё за Божие,
Я стоял же за честные монастыри,
Я стерёг-берёг да красен Киев-град...»

Одолевший Соловья-разбойника, Тугарина Змеивича и Змея Горыныча, дважды Илья Муромец падал сражённый – в битве с Жидовином и Сокольниковом, и дважды по молитве Господь добавлял Илье богатырской силы, и русский воин сокрушал врага.

Говорит Илья таковы слова:
«Написано было у святых отцов,
Удумано было у апостолов:
Не бывать Илье в чистом поле убитому;
А теперь Илья под богатырем!»
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло...

А хан Батый собрался казнить старого казака, но по слёзной мольбе Господь даровал Илье силушку неодолимую:

Взмолился стар казак Илья Муромец
Тому угоднику Божьему Николаю:
«Погибаю я за веру христианскую!»
У Илейки силы вдвое прибыло...

Поверженный Сокольником, падает богатырский атаман и жарко молится:

«Ох ты ой есть, Пресвята Мать Богородица!
Ты почто это меня нынче повыдала?
Я за веру стоял да Христовую,
Я за церкви стоял да за соборные».
Вдруг не ветру полоска перепахнула, —
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свистнул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груди...

Илью спасает вера, ибо по вере и воздаётся Божью послушнику, не ослушнику: Сокольник ткнул копьем бурзаемцем в богатырскую грудь, и расклевали бы вороны бездыханного посреди степи, но крест оборонил богомольца.

Пригодился тут да золот крест чуден, —
По насадке копыце да извихнулося...

Богатырка-поляница бьёт спящего Илию рогатиной, и вновь спасает крест:

Погодился у Илии да крест на вороте,
Крест на вороте да полторы пуда:
Пробудился он от звону крестового...

* * *

Милосердный воин Илья. Любимый герой русского эпоса в тревожной воинской жизни обладал силой плотской, но и силой духовной, а посему былины, воспевая подвиги святорусского богатыря, поминают его христианское смирение и кротость.

Христианское чувство Илии не исчерпывается тем, что в Святом Писании зело горазд, что «крест клал по-писаному, поклон вёл по-учённому» и насмерть стоял за церкви соборные, но и сам характер старого казака, добродушный, кроткий и милосердный, присущ истинному христоролюбцу и богомольцу.

В дружине князя Владимира Илья Муромец – мужище-деревенщина, а мудрее и храбрее прочих витязей, да и по-христиански милосерднее. Дабы поладить миром, обойтись без кровопролития, миротворец Илья вёл переговоры с Калин-царём... очевидно, половцем... и просил того не осаждать Киев.

И поверженных святорусский богатырь жалел да, бывало, и отпускал с Богом. Помнится, в Диком поле Збут Борис-королевич, родич «короля Задонского», прищпорив коня, коршуном бросился на Илью Муромца: стрельнул в грудь из тугого лука, а богатырю, словно укусу комара. Иной витязь трижды бы кинул врага в небеса и дважды поймал либо вонзил кинжалище в чёрные груди, но благодушный Илья пожалел королевича:

Не бьёт палицей тяжкою,
Не вымает из налушна тугой лук,

Из колчана калену стрелу,
Не стреляет он Збута Бориса-королевича...

Ухватил Илья дерзкого королевича, бросил выше дерева «стоячева», затем подхватил, уложил наземь и спросил про «дядину-вотчину». Изумился благородству супротивника Збут Борис-королевич, яко изумлялись хазарские богатыри Сокольник и Жидовин:

Кабы я у тебя на груди сидел,
Я спорол бы тебе, старому, белую грудь...

Да и любой воин вспорол бы, не моргнув глазом, но лишь в русском вое, подобном Илье Муромцу, даже после яростной сечи просыпалось милосердие к поверженному и полонённому.

Хотя, случалось, и русские воины ожесточались... Скажем, сражался Добрыня Никитич палицами с богатыркой бабой Горынинкой, потом бился врукопашную, и поборола баба славного богатыря и уж вознамерилась кинжал вонзить Добрынине в белые груди, да, слава Богу, подоспел Илья Муромец, одолевший королевича. Покорила баба Илье, но обидела Добрыню:

Не ты меня побил, Добрыня Никитич млад,
Побил меня стары казак Илья Муромец
Единым словом.

Осерчал опороченный богатырь, и, лишь отвлёкся Илья, махом отсек голову вздорной бабе, чем огорчил и опечалил атамана.

А Илья Муромец, одолевши, не казнит Соловья-разбойника, но, приторочив к седлу, везёт на праведный суд князя Владимира Стольно-киевского. Мало того, на пиру у князя Владимира Илья в разгар веселья вспоминает о Соловье и просит князя Владимира отпотчевать разбойника чашей «зелена вина в полтора ведра, другой чашей пива пьяного, а третьей чашей меду сладкого, и дать ему закусить калачиком крупитчатым». По некой былине Илья и не казнил Соловья, но взял с разбойника клятву «не сидеть на семи дубах», не свистеть по-разбойничьи, не губить души православные.

Илья Муромец милостиво обходился даже с погаными... Покорив полчища трех царевичей татарских, Илья милует врагов:

Ох вы гой еси, мои три царевича!
Во полон ли мне вас взять?
Ай с вас буйны головы снять?
Как в полон мне вас взять,
У меня дороги заезжие и хлеба завозные;
А как головы снять, царски семена погубить.
Вы поедьте по своим местам,
Вы чините везде такову славу,
Что Святая Русь не пуста стоит,
На Святой Руси есть сильны могучи богатыри.

* * *

Алатырь-камень. Былинный Илья Муромец ведал из Святого Писания:

«Скрывайте же себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут: идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Мф. 6: 20–21).

Ведал Илья о сердечном сокровище и не копил богатства на земле, в Бога богател, жертвуя воинскую добычу монастырям и храмам, раздавая нищей братии.

Во чистом поле наехал на три погреба глубоких,
И которые насыпаны погреба златом-серебром,
Златом-серебром, камнем драгоценным;
И собирал тут добрый молодец всё злато это серебро
И раздавал это злато-серебро по нищей по братии;
И раздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным...

Думал князь Владимир Красно Солнышко одарить казачьего атамана за воинские подвиги златом-серебром...

Благодарил-то князь Владимир Илью Муромца,
Илью Муромца же он сына Ивановича,
Он хотел ёго тогда да ударить за всё
Дорогима-ти ёго же он подарками:
«Мне-ка, старому, подарочки не к надобью,
Вот не к надобью подарочки, не надобно, сын,
Ты положи-ко лучше, князь, эти подарочки
На соборы-ти, на храмы, церкви Божие,
Как на тех ли всё на сирот бесприютных всех.»
Тут славу поют Ильи же, Ильи Мурамцю...

Илья Муромец и завершил век по-христиански свято: на последнем уклоне жизни ехал, не погоняя старого коня, и на перепутье трёх просёлочных дорог – судьбоносный Алатырь-камень, где роковые письма. Поводил старый казак копьем по строкам и если раньше ездил той дорогой, где могут убить, дабы от некоего ближнего отвести смерть, нынче же вздумал иной дорогой ехать. Помолившись, перекрестившись, тронулся по лесному просёлку, где богату быть, а на богатство, по старому преданию, выстроил храм соборный.

Едет добрый молодец да во чистом поле,
И увидел добрый молодец да Латырь-камешек...
<...>

Илья: «Поеду в ту дорожку, где богату быть!»
Едет старик по чисту полю,
Заехал ли стар во темны леса.
Стоит тут погреб золотой казны:
Повыкатил казну да Илья Муромец,
Нанял хитромудрых плотников,
Построил он церковь соборную
Святителю Николе Можайскому
Во славном во городе во Киеве.
Сам заехал во пещеры во глубокие,
Тут Илья уж преставился,
Поныне его мощи нетленные!
Да к тому-то стиху и славу поют!

«Странствуя по стороне киевстей и оберегая ю от лихих разбойник, богатства и чести не искал еси себе, но аз иду служить за веру христианскую, и за землю Русскую...» (Акафист святому преподобному Илии Муромцу, Киево-Печерскому чудотворцу, кондак 8).

Дмитрий ИГНАТОВ

Родился в 1986 году в Ярославле. Проходил обучение в ЯГТУ по специальности «инженер-педагог машиностроения». В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Публиковался в изданиях «Знание – сила», «Знание – сила: Фантастика», «Искатель», «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «Нижний Новгород», «День литературы», в альманахах и сборниках. Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO».

Живет в Воронеже.

ТРИ ТВОРЧЕСКИХ МОМЕНТА,

или Почему мы боимся нейросетей, но делать этого не стоит

I. Писательский момент

В современном мире есть такая категория писателей (чаще писательниц), которые очень любят внешнюю сторону процесса. Устраиваются где-то в красивом месте с чашечкой кофе и портативным компьютером, томно смотрят на мир через широкое окно кафе, сидят перед белым листом на экране, картинно страдают, творят... Результатом такого «писательства» чаще всего окажется только пара строк, но зато будет целый набор фоточек для соцсетей. Интерьер, натюрморт, сама вся такая в интерьере задумчивая и творческая... Квинтэссенция желания, не быть, но хотя бы казаться. Признак нашей эпохи.

И вот я сижу в «бургерошной» и невольно думаю, не напоминаю ли я сам такую литературную барышню. У меня для этого есть всё: и томный задумчивый взгляд, и ноутбук, и даже карамельный латте. Правда, к этому моменту ситуационного писательства я совершенно не готовился, я не планировал сидеть здесь в ожидании внезапно перенесшейся встречи, а тем более постить фоточки. Провести два часа в тепле, делая то, что мне нравится – вот моя цель. Кто-то играет в компьютерные игры или скролит ленту бесконечных рилсов. Я пишу текст. Этот текст. Он ещё не написан до конца, но мне уже нравится. Потому что он мой.

Это первое, что я вспоминаю, когда меня спрашивают о «настоящем творчестве». Писатель («автор», «артист» или «художник» в широком смысле слова) хочет извлечь из себя то, что считает важным. И любит результат, каким бы быстрым или медленным, приятным или мучительным ни был сам процесс. Графоман любит процесс сам по себе, независимо от получения результата. Писатель-воображала любит, как этот процесс выглядит. Интересно, что именно такие чаще всего слезливо делятся на своих страничках о том, как переживают «синдром самозванца». Спешу успокоиться, это не синдром. Всё так и есть.

Слова Станиславского о том, что нужно любить искусство в себе, а не себя в искусстве, в эпоху тотальных соцсетей становятся как никогда актуальны.

Впрочем, доля истины в этом есть. В современном мире существует лишь то, что нашло отражение в Сети, а всё прочее вроде бы и не существует. Можно бесконечно протестовать, но не признавать невозможно. Тем более, в этом году сетевая реальность незаметно перешагнула знаменательный рубеж – контент, сгенерированный нейросетями объёмом превысил тот, что был создан людьми. И вот уже победителем премии им. Катаева за лучший рассказ в 2025 году становится автор РЕШ (редакции Елены Шубиной), который признаётся, что писал текст совместно с ChatGPT. Учёные СПбГУ, проанализировав комментарии в Сети, выясняют, что самое часто употребляемое слово – «бот». А журнал Time впервые в истории в качестве персоны 2025 года, выбирает не политика или звезду, а искусственный интеллект. И в очередной раз возник вопрос: **какое же творчество считать настоящим?** Не в виртуальном, а в реальном смысле.

К слову, вопрос глобальный и волнует не только нас. Общение с иностранными писателями на самиздат-площадке Booksie подтверждает – проблемность момента ярко чувствуют не только у нас, но и в англоязычном, и в мировом писательском пространстве. Мнения, как водится, – полярные, решения – разных степеней крайности. От «запретить и не пущать» ИИ в литературу до выписывания полной индульгенции на творчество при помощи нейросетей. Первое, правда, натывается на скорую принципиальную невозможность отличить результат работы человека, от продукта жизнедеятельности робота. С известной формулировкой: а судьи кто? И какова будет цена ошибки, когда очередного Шолохова вдруг станут обвинять, что его «Тихий Дон» написал совсем не он, а нейросеть.

Что до вторых, то сторонники ИИ-творчества оказываются перед куда более жестокой дилеммой. А зачем тогда вообще писать? Действительно... Сама суть литературного творчества (и творчества вообще) в том, чтобы реализовать тот самый акт творения, с которого мы начинали разговор. Извлечь нечто из своего разума и души. Собственно-ручно воплотить это. Определить свой идеал в виде печатного слова, картины, скульптуры... Не случайно эпоха Возрождения совпала с революциями в научной и социальных сферах. Художники, как и философы, социальные мыслители, учёные, тогда бросили ранее немыслимый дерзновенный вызов самому Всевышнему, наверное, впервые осознав и заявив себя как творцов. И перепоручение этой своей «божественной» роли некому механизму, математической модели лишает занятие творчеством всякого смысла.

Коммерческое применение ИИ от этой проблемы, впрочем, свободно... Если процесс, который только условно можно назвать творческим, на самом деле является рутинной, а не актом самовыражения, то нейросети могут и должны облегчить его. Копирайтеры, контент-менеджеры, создатели презентаций могут и должны применять ИИ. Желая оформить обложку книжки или иллюстрацию к рассказу, я с удовольствием делаю свой заказ в виде прамта, а потом выбираю один из вариантов, предложенных нейросетью. Формально я делаю то же, что сделал бы при работе с настоящим художником – осуществил выбор. В обоих случаях, я не рисовал сам, а лишь определился с тем, что меня устроило. Мне не важно, кто поможет мне сделать иллюстрацию к тексту.

Но по той же самой причине я никогда не использую ИИ в качестве помощника для писательства. Потому что это уже не процесс выбора, а акт персонального творения. Его я проделываю самостоятельно, и никакие помощники (включая живых) мне не нужны. Услугу мы приобретаем, рутину мы перепоручаем, но творим мы всегда только сами...

Я ставлю многоточие, которое многих раздражает, и задумываюсь. Возникает пауза, которая не может завершиться, но которую можно прервать. В эту секунду мне кажется, что я сказал всё, что думал, а значит, писательский момент закончился. Но наступает...

II. Художественный момент

«Хотите, я нарисую ваш портрет карандашом?» – вторгается неожиданный вопрос хрипловатым женским голосом. На пустующий стул напротив опускается девушка с фанерным этюдником в руках. Мой взгляд из-под очков на мгновение отрывается от экранчика мини-бука и возвращается назад. Но я успеваю сделать свои мысленные циничные заметки. Мешковатая куртка-дутик, плохо расчёсанные волосы, серые тоскливые глаза и общий помятый жизнью вид. Рублей триста, не больше... Ещё три таких же больших латте, который я пью. Слишком дорого за наивное творчество, которое мне совершенно не нужно. И я тот самый потребитель, который предпочтёт загрузить нейросеть... и выпить кофе.

«Спасибо. Нет».

«Позировать не надо», – следует явно заранее натренированная «отработка возражений».

«Ещё бы надо было... – думаю я и, не меняя позы, холодно повторяю: – Спасибо. Нет. Я занят».

«Это займёт всего 15 минут», – настаивает девушка. Так что я снова вынужден поднять взгляд от экрана и посмотреть в грустные серые глаза.

«Я же сказал – нет. Я работаю. Вы меня отвлекаете».

Ей некомфортно от этого, почему-то она избегает зрительного контакта. Художница молча поднимается, движется по залу и присаживается к кому-то ещё. Всё с тем же набором реплик.

И тем не менее, момент слишком запоминающийся, чтобы я не воспользовался им. Задокументировав диалог и зафиксировав образ, я сохраняю файл и закрываю ноут. Это писательское чувство, когда удачно кем-то воспользовался, как дёргающаяся стрелка измерительного прибора, колеблется между радостью, удовлетворением, стыдом и омерзением.

Холодный ветерок снаружи уносит рефлексические мысли. Начало декабря. Здесь, на юге России, до сих пор нет снега, но в воздухе всё равно ощущаются этот трудноописуемый запах приближающейся зимы. Пользуясь хорошей погодой, вдоль бульвара со своими раскладными стендами расположились уличные художники. Эти ничего не предлагают нарисовать. Торгуют готовыми работами. Набор сюжетов хорошо знакомый. Цветы в вазах. Чаще розовые и нежно-лиловые. Узнаваемые городские пейзажи с памятниками архитектуры. Это для туристов. Красочные деревенские пейзажи с берёзками и выкрученной донельзя яркостью. Объекты дальнего плана такие же контрастные, как и переднего. Цветовоздушная перспектива нарушена. Но покупателям

это не важно. Они любят поярче. Ну и, конечно: ночной город, огни витрин и фонарей, бензиновые разводы, осень, трамвай, девушка под зонтиком... Иногда по несколько вариантов этого сюжета у каждого автора. Примета времени – котики – разной степени мультяшности. Всё очевидно. Рисуется то, что лучше всего продаётся. Конечно, вряд ли... но, возможно, у кого-то из этих дядек и тёток в пуховиках дома на мольберте и стоит незаконченный шедевр, новое слово в изобразительном искусстве, новый взгляд на соотношение цвета и пространства. Но без натюрмортиков с цветочками и котиков он существовать не может – на холсты и краски нужны деньги.

Нам, писателям, кратко проще – нужны только бумага и карандаш, а сейчас не нужны и они. Пиши, что хочешь и сколько хочешь. И тем не менее, в попытках захватить внимание аудитории часто штампуются такие же «букетики». Новые популярные «жанры» из трёх букв, которые можно спутать с диагнозами – СЛР (современный любовный роман), литРПГ, боярь-аниме... И не оттого ли пишущие их сетевые авторы так взволнованы развитием нейросетей, что ИИ с созданием такой продукции на радость потребителю справляется быстрее, проще и часто уже лучше? Что остаётся сетевым писакам? Возмущаться и проигрывать конкуренцию тем, кто уже пользуется нейросетями, или начинать ими пользоваться. В обоих случаях превращаясь в прослойку между читателем и ИИ. Тем, кто для заказчика подменяет муки творчества муками выбора.

Нет, этим уличным художникам всё-таки проще. Возможно, они предлагают и не высокое искусство, но продают всегда реальный арт-объект. Как и та жалостливая девушка из «бургерошной», которая в конце концов нашла себе сговорчивого клиента. Роботов они не боятся. Красками нейросеть массово пока что не рисует. Впрочем, это только пока. Был бы спрос, а кибернетическая рука приложится...

III. Нейросетевой момент

Но всегда интересно послушать и третью сторону. Я ввожу всего лишь одну строку: «Порассуждай на тему: почему творческие люди (писатели и художники) опасаются нейросетей?» И получаю безэмоциональный, структурированный и, кажется, исчерпывающий ответ.

Угроза профессиональной автономии. *Нейросети всё чаще способны генерировать тексты и изображения, которые внешне похожи на человеческие работы. Это ставит под вопрос уникальность авторского голоса и уменьшает чувство контроля творца над своим ремеслом – работы можно воспроизвести или имитировать автоматически.*

Экономический риск. *Заказчики и платформы могут предпочесть дешёвые, быстрые генерации моделей вместо оплаты человека: стокиллюстрации, рекламные тексты, черновики сценариев. Это сокращает доходы творческих профессий и уменьшает количество оплачиваемой практики, через которую развиваются навыки.*

Обесценивание творчества. *Массовая, почти мгновенная генерация контента снижает воспринимаемую ценность отдельного произведения: если похожих вариантов тысячи, аудитория и рынок начинают считать результат менее «особенным», что бьёт по мотивации и статусу автора.*

Плагиат и авторские права. Модели обучаются на огромных корпусах, включающих работы живых авторов. Творцы боятся, что их стиль будет «переплавлен» в модель без разрешения или компенсации, а также опасаются сложностей с юридической защитой права на стиль и форму.

Этическая ответственность. При использовании генераторов возникают вопросы о моральной ответственности за содержание: кто отвечает за плагиат, подмену, фальсификации или оскорбительные материалы, созданные на основе чужого стиля? Творцы рискуют оказаться ответственными за последствия использования похожих работ.

Потеря творческой практики и ремесла. Навыки формируются через долгую практику, в том числе через отказ и ошибки. Если часть рутинной работы автоматизируют (наброски, композиции, подбор слов), молодые авторы могут недополучить опыт, что в долгосрочной перспективе ослабит художественные традиции и мастерство.

Психологические факторы. Наблюдение за тем, как алгоритм «создаёт» лучше и быстрее, чем человек, вызывает тревогу, снижение самооценки и творческий кризис. Кроме того, страх быть заменённым усиливает сопротивление новым инструментам.

Культурные и социальные последствия. Массовое распространение похожего на «стиль бренд» контента может привести к стандартизации вкусов, снижению риска эксперимента и меньшему разнообразию культурных форм. Это угрожает экосистеме, где новое рождается путём нарушения правил.

Непрозрачность инструментов. Черный ящик моделей затрудняет понимание, какие источники и процессы породили конкретный результат. Творцы опасаются, что их вклад может быть использован скрытно, а также что решения об ограничениях и ценностях будут приниматься компаниями, а не сообществами художников и писателей.

Контроль над распространением и фейковость. Генеративные тексты и изображения упрощают подделку контекста (фальшивые рецензии, плагиат, фальсифицированные иллюстрации), что подрывает доверие к авторству и делает сложнее отличать подлинное творчество от машинной имитации.

Коротко: страх творцов – смесь экономического давления, угрозы профессиональной идентичности и культурных рисков, усиленных юридической неопределённостью и психологическим эффектом наблюдать, как машины копируют человеческую интуицию.

Что ж, довольно информативно... Но я бы сказал проще – мы боимся, что нас заменят. Однако, как часто бывает с человеческими страхами, упускаем главное. И вслед за нами это же упустил обученный людьми ИИ. Мы путаем сферы деятельности, смешиваем ремесло и творчество, забывая, что человек не сводится к рабочим операциям. И ведь эту ошибку мы делаем не впервые...

На рубеже XIX и XX веков художники уже били в тревожный набат в связи с появлением фотографии. В те времена те, кто промышляли созданием семейных портретов, очень боялись, что их заменит

простенькая машинка из тёмной камеры, линз и фотопластинок. В панике кричали, что фотография лишит художников работы, ведь теперь любой мог получить куда более точный портрет в любой момент без утомительного многочасового позирования. И это правда. Большая часть таких салонных портретистов действительно лишилась работы. Вот только были они не художниками, а ремесленниками. А вот другие (настоящие) художники вдруг осознали, что стали свободными. Наконец-то они могли быть не исполнителями, а мыслителями, не отображать реальность, а творчески интерпретировать её. На свет появились такие направления, как импрессионизм, кубизм, сюрреализм, которые почти на век задали тренды развития современного изобразительного искусства.

Не это ли прямо сейчас происходит с дизайнерами, музыкантами, программистами и писателями? В качестве последнего я особенно чувствителен к оттенкам смыслов в словах. К морозному воздуху на бульваре, кажется, примешивается запах чего-то палёного... Грядёт большая чистка, после которой многим станет ясно, кто есть кто. Момент настал – свой «Скайнет» для неё уже создан. Постепенно его «терминаторы» безжалостно выжгут и выметут из творческой среды всех, кто пришёл туда за лёгкими деньгами, кто не обладает знаниями, вкусом, талантом, кто не может осознать своей бездарности. Все они потонут в бурлящем аду генеративного контента, и пучина сия смоем и поглотит их. Совершив очередной исторический виток, творчество останется роскошью для тех немногих, кто просто хочет и может творить. Не на заказ. Не в погоне за сиюминутными выгодами. Даже не ради зрителя. Просто так. Потому что хочется. Хочется ли этого мне? Безусловно.

Вехи памяти

Андрей РУМЯНЦЕВ

Родился в рыбацком селе Шерашово на Байкале. Окончил Иркутский университет. Работал в молодежной газете Бурятии, затем заместителем председателя Комитета по телевидению и радиовещанию этой республики.

Автор многих поэтических и прозаических книг, в том числе биографических повествований о Валентине Распутине и Александре Вампилове (вышли в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия»). Публиковался во Франции, Канаде, Болгарии, Эстонии, Китае и других странах.

Народный поэт Бурятии, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в Москве.

РОМАН, СОЗДАННЫЙ НА ВЕКА

185 лет со дня гибели М.Ю. Лермонтова

Михаил Юрьевич Лермонтов вступил в русскую литературу почти одновременно и как прозаик, и как поэт. Весной 1840 года был опубликован его роман «Герой нашего времени», отдельные главы которого печатались до этого в журнале «Отечественные записки». В том же году вышла в свет и первая книга стихов поэта; многие «пьесы» из этого сборника публиковались прежде в «Современнике», «Отечественных записках», «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду». Причем в этих изданиях появлялись не какие-то ученические опыты молодого автора, а произведения, которые стали шедеврами отечественной литературы: поэмы «Песня... про купца Калашникова» и «Тамбовская казначейша» (первоначально она называлась просто «Казначейшей»), стихотворения «Бородино», «Дума» («Печально я гляжу на наше поколение...»), «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»), «Кавказская колыбельная песня», «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Узник» («Отворите мне темницу...»), «Как часто, пестрою толпою окружен...» и другие.

После нашумевшего стихотворения «Смерть поэта» читающая публика запомнила Лермонтова. Думается, его лирические строки, напечатанные до выхода в свет «Героя нашего времени», уже сформировали в сознании любителей литературы образ автора – мятежного, желчного, скептически оценивающего свое поколение. Роман закреплял этот образ. И в нем, и в стихах была некая общность. «Герой нашего времени» словно прорастал из лирики Лермонтова, неся ту же мучительную неудовлетворенность, те же нравственные оценки. Над головой персонажей романа звучал прежний голос:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

Уже в предисловии к роману этот голос так же откровенен, правдив и беспощаден. И продолжает он начатый ранее разговор с современниками:

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не верите в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Надо полагать, для современников не был неожиданным лермонтовский взгляд на «героя своего времени»: у автора известных стихов и не мог быть другой взгляд. Точно так же лишь от такого поэта можно было ожидать те пронизательность, правдивость и страстность, с какими написан роман.

Философ и публицист Ю. Самарин делился своим впечатлением от встреч с Лермонтовым:

Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности и большой глубине индифферентизма. Прежде чем вы подошли к нему, он вас уже понял: ничто не ускользает от него; взор его тяжел, и его трудно переносить.

А. Васильчиков, секундант на дуэли Лермонтова с Мартыновым, оставил такие строки о поэте в своих записках:

...Он был вполне человек своего века, герой своего времени: века и времени, самых пустых в истории русской гражданственности. <...>...Вращаясь в среде великосветского общества, придавленного и кассированного после катастрофы 14 декабря, он глубоко и горько сознавал его ничтожество и выражал это чувство не только в стихах «Печально я гляжу на наше поколение...», но и в ежедневных светских и товарищеских своих сношениях.

И еще – тот же Васильчиков:

Эта-то пустота окружающей его светской среды, эта ничтожность людей, с которыми ему пришлось жить и знаться, и наложили на всю поэзию и прозу Лермонтова печальный оттенок тоски бессознательной и бесплодной: он печально глядел «на толпу этой угрюмой» молодежи, которая действительно прошла бесследно, как и предсказывал поэт, и ныне, достигнув зрелого возраста, дала отечеству так мало полезных деятелей; «ему некому было руку подать в минуту душевной невзгоды»; и, когда в невольных странствованиях и ссылках удавалось ему встречать людей другого закала, вроде Одоевского*, он изливал свою современную грусть в души людей другого поколения, других времен. С ними он действительно сходилcя, их глубоко уважал, и один из них, еще ныне живущий, М.А. Назимов**, мог бы засвидетельствовать, с каким потрясающим

* А. Одоевский – декабрист, писатель.

** М. Назимов – декабрист.

юмором он описывал ему, выходцу из Сибири, ничтожество того поколения, к коему принадлежал.

Нет сомнения, что Лермонтов постоянно размышлял об общественном значении искусства. Об этом напрямую говорят многие стихи поэта (некоторые из них мы назвали), об этом говорит неоконченный роман «Вадим». Ю. Самарин вспоминал один разговор с поэтом: «Его мнение о современном состоянии России: “Хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого”» (лермонтовские слова приводятся мемуаристом по-французски. – *А. Р.*).

Но в романе «Вадим» есть и размышления о том, к чему могло привести и привело народное рабство. Тут уж прямой и грозный вывод звучит не как предостережение власти, а как наступившее возмездие за многовековой гнет:

...Происшествия, мною описываемые, случились за два месяца до бунта пугачевского. Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь (его) могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны; но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра: притесненный делается притеснителем и платит сторицею – и тогда горе побежденным!..

Почему же поэт не закончил свое произведение? Вероятно, потому, что его содержание, описываемые события, яркие по жизненной достоверности, требовали иной формы, иного языка, чем те, что избрал автор. Лермонтов оставался в школе романтизма, а повествование отвергало ее. Однако уже тут видны особенности лермонтовского стиля. Этот стиль и в поэзии, и в прозе, и в драматургии энергичен, упруг, как походка тренированного человека, легкая и стремительная. В нем нет ничего лишнего: ни случайного жеста, ни нечаянной заминки. Слово Лермонтова экономно, но не скупое; живописно, но лишено избыточной цветистости; свободно, но никогда не опускается до болтливости. В его повествовании то и дело встречаешь размышления, холодные наблюдения ума и горестные заметы сердца, о которых говорил Пушкин. Они неизменно свидетельствуют об остром и проницательном взгляде Лермонтова на жизнь, на историю, на человеческие переживания.

* * *

Оставив работу над романом «Вадим», Лермонтов вскоре принялся за новое прозаическое произведение. На этот раз сюжет был взят из жизни современной и хорошо известной автору; герои романа «Княгиня Лиговская» представляли великосветский и чиновничий Петербург. Близкие поэту люди увидели в большинстве персонажей нового произведения легко узнаваемых прототипов. Взаимоотношения Печорина и Негуровой очень напоминали сложный роман самого Лермонтова с Екатериной Сушковой; князь Лиговской и его жена Вера – супругов Николая и Варвару Бахметевых (Вареньке, в девичестве Лопухиной, автор посвятил немало стихов, а также поэмы «Демон» и «Измаил-Бей»); Горшенко, который «был со всеми знаком, служил где-то, ездил по поручениям, говорил про свои связи с знатью», – столичного дельца Тарасенко-Отрешкова.

Но и этот замысел не удовлетворил Михаила Юрьевича. Летом 1838-го, через два года после начала работы над рукописью, поэт общал своему другу С. Раевскому: «Роман, который мы с тобой начали (некоторые страницы были написаны Раевским под диктовку Лермонтова. — А. Р.), затянулся и вряд ли кончится, ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменились, а я, знаешь, не могу в этом случае отступить от истины».

Объяснение это трудно расшифровать: какие обстоятельства переменились? Как известно, за стихотворение на смерть Пушкина поэт был сослан на Кавказ, а в октябре 1837 года переведен в Гродненский полк, стоявший близ Новгорода. Могла ли перемена места службы повлиять на завершение романа? Вероятно, нет. Переменились «обстоятельства, которые составляли его основу». Жизнь, конечно, может изменить течение подлинных событий, положенных в основу романа, но едва ли это помеха для создания художественного произведения, в котором вовсе не обязательно воспроизводить точно реальные обстоятельства.

Правдоподобней все же, что Лермонтова не устроил светский роман. Его стихотворения и драматические сочинения этих лет свидетельствуют о том, что поэт напряженно осмысливает самые острые, болезненные вопросы русской жизни. Неслучайно еще в романе «Вадим» он обмолвился: «В год, описываемый мною, каждая жизнь была роман; теперь жизнь молодых людей более мысль, чем действие; героев нет, а наблюдателей чересчур много». Увиденные пытливым взглядом великосветская, армейская и дворянско-поместная среда, петербургская и провинциальная жизнь позволяли представить героя своего времени; его образ уже проглядывал то в одном, то в другом персонаже прежних сочинений Лермонтова. Предстояло создать обобщенный портрет, говоря словами автора, «современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал». В этом замысле Лермонтов мог опираться на опыт мировой прозы и поэзии, которые он, разумеется, знал. Европейские писатели уже создали тип «героя своего времени»: И. Гете — в «Страданиях молодого Вертера», Ж. Руссо — в «Исповеди», Д. Байрон — в «Паломничестве Чайльд-Гарольда», Стендаль — в «Красном и черном», А. Мюссе — в «Исповеди сына века». Все эти книги были для литературного круга поэта настольными. Русская литература тоже пыталась создать такого героя, в основном, средствами романтической прозы: вышли в свет «Рыцарь нашего времени» Н. Карамзина, «Станный человек» В. Одоевского, «Маскарад» Н. Павлова, «Российский Вертер» М. Сушкова. Лермонтов в романе «Княгиня Лиговская» уже преодолел многие схемы и условности романтической школы. Поэтому можно предположить, что в отечественной литературе он опирался не на достижения названных авторов, а на художественный опыт А. Грибоедова (в комедии «Горе от ума») и А. Пушкина (в романе «Евгений Онегин»).

Лермонтов остро чувствовал необходимость «русского направления» отечественной литературы — писать о русской жизни, ее проблемах, ее своеобразии.

«Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое, — говорил он А. Краевскому, издателю журнала «Отечественные записки». — Зачем нам все тянуться за Европою и за французским? Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского миросозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас мало понятны. Но поверьте мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений!»

Неудивительно, что русская душа в соприкосновении с Кавказом и его народами открылась своеобразней и полней – в нашей реалистической литературе лермонтовский роман стал первым художественным исследованием этой души в обстоятельствах необычных. Отмечу в этой связи, что тот же Краевский написал о Лермонтове: «Отношения его к Вяземскому и Жуковскому были почтительно-холодны; а Жуковского он постоянно ругал за то, что он переводы иностранных поэтов выдавал как бы за собственные произведения, не обозначая, что это перевод».

Может быть, дело даже не в переделке баллад зарубежных авторов на русский лад и публикации их как оригинальных произведений – эти случаи в литературе нередкие и незазорные. Скорей всего Лермонтова не устраивало, что их предметом оказывался не русский быт, характеры, нравственные коллизии, а жизнь чуждая, заморская.

* * *

Критика уже полтора столетия твердит о том, что Печорин вслед за Онегиным представляет в нашей словесности тип лишнего человека. Лишнего – для кого? Или чего? Для общества? Для жизни? Безволен при сильной воле, бессердечен при страстном и открытом для любви сердце, бездеятелен при опасном и трудном воинском деле, Печорин, конечно, достоин людского суда, но едва ли может быть назван лишним среди живущих.

Это человек с выстуженной, нахолодевшей душой. Он открывает в нашей литературе тип людей эгоистических, мало способных для дружбы и добра, не чувствующих остро личную ответственность за зло, которое сами вольно или невольно несут. Посмотрите на Печорина глазами Максима Максимыча. Этот старый вояка так рассказывает о последних минутах жизни Бэлы и о поведении Печорина, по сути дела, виновного в ее смерти:

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам – гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия, хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб.

Что так тревожило, оскорбляло и возмущало Лермонтова в его поколении, в романе персонафицировано; однако поэт создает здесь, в прозаическом произведении, не сатирический образ, тем более не образ злодея; кажется, что он, автор, хочет внимательней рассмотреть героя в жизни и даже больше – дать возможность самому Печорину открыть и пояснить свою духовную сущность. В стихах Лермонтов обобщенно говорил о том, что «мы» «к добру и злу постыдно равнодушны», что «ненавидим мы и любим мы случайно, ничем не жертвуя ни злобе, ни любви»; в романе это «мы» получает живое и конкретное воплощение.

Все чаще и чаще люди, окружающие Печорина, вынуждены, глядя на его поведение, тревожиться, возмущаться и оскорбляться. Неужели молодой, умный, одаренный многими способностями современник, от которого зависит будущее страны, так бездушен и бесполезен для

отечества, для других людей? Максим Максимыч после разлуки с Печориным хотел кинуться ему на шею, «но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолебел...»

С волнением старый кавказский служака пустился в воспоминания:

– А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

– Да, помню! – сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Расставшись с бесчувственным приятелем, Максим Максимыч размышлял:

... Да, я всегда знал, что он ветреный человек, на которого нельзя надеяться... А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нет проку в том, кто старых друзей забывает!.. – Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами.

Но все же магнетизм романа состоит не в мастерском разоблачении его героя. Разоблачать чужие пороки – это, чаще всего, значит стоять на некоей нравственной высоте и судить несовершенство других; задача нетрудная. Магнетизм лермонтовского произведения – в честнейшей исповеди героя, в той мужественной самооценке, которая вызывает уважение и притягивает всякого, кто хотел бы разобраться и в собственной душе. Записки Печорина притягательны:

Перечитывая эти записки, – читаем мы в предисловии к «Журналу Печорина», – я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она написана без тщеславного желания возбудить участие или удивление...»

И далее:

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? – Мой ответ – заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» – скажут они. – Не знаю.

Печорин холоден со всеми: с добрым Максимом Максимычем, с Бэлой, полюбившей его, с Верой, преданной ему, как раба; он расчетливо и цинично унижает и терзает княжну Мери, Грушницкого. Но честность и даже мужество этого человека состоят в том, что он трезво сознает не только свои «мелкие слабости и дурные страсти», но и свою душевную опустошенность, нелюбовь ко всем и ко всему; он сознает отсутствие в нем того, что делает человека человеком. Его душа потеряла свою божественную сущность. Послушаем его откровения:

...я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь

причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, – не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость...

Это философствование, естественное и логичное для такого сорта людей, как Печорин, оказывается, однако, малосостоятельным в каких-то важных пунктах. «Возбуждать к себе чувство любви», имея в душе только холод, может быть, поначалу и удастся, но поддерживать долго это чувство в другом едва ли возможно. «Быть для кого-нибудь причиной страданий», возможно, и «сладкая пища» чьей-нибудь «гордости», но, как правило, жизнь мстит виновнику чужих страданий за его жестокость. Впрочем, мы должны делать поправку на Печориных. В своей исповеди перед княжной Мери герой романа, то ли лукавя, то ли ища оправдания, обвиняет некую среду:

Да, такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я был скромен – меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, – меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию...

Почему же та половина души, где жили лучшие ее качества, высохла и умерла? Только ли внешняя среда виновата в этом? А почему же тогда в любом обществе и в любую эпоху есть люди добрые и злые, щедрые и завистливые, отзывчивые и черствые, бесстрашные и трусливые, готовые служить другим и эгоистичные? Почему же героем лермонтовского времени стал человек, который чуть ли не добровольно исключил себя из разряда первых и зачислил в разряд вторых?

Судьба, поступки и размышления Печорина не дают ответа на эти вопросы. И, может быть, загадка этого человека как раз и состоит в тайне его души. В тайне, которую мы переносим на собственную душу и которую хотели бы открыть больше всего не в Печорине, а в себе.

Лермонтовский роман открывает в русской литературе тот ряд великих произведений, которые мучительно тревожат загадочным и притягательным вопросом: «А каков я?» Ведь и Печорин, осознав свои нравственные изъяны, пытается себя: как появились на его душе эти печати дьявола?

Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды? С тех пор как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила

меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?.. Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов – или в сотрудники поставщику повестей, например, для «Библиотеки для чтения»?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..

Самые важные, значительные слова: жизнь, судьба, счастье, долг – для Печорина обиходны и постоянны, но его понимание каждого из них ущербно. Что, к примеру, есть жизнь? Пожалуйста:

...Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитрости замыслов, – вот что я называю жизнью.

Сейчас мы выпишем еще одну страницу из романа – размышление Печорина, начатое вопросом: «Зачем я жил?» В этом внутреннем монологе будут признания: «я утратил навеки пыл благородных стремлений», «моя любовь никому не принесла счастья» и прочее в том же роде. Но если иметь в виду приведенное выше признание Печорина, что с самого детства некие силы пестовали в его душе вместо любви ненависть, вместо правдивости лживость, вместо доброжелательства зависть и т. д., то откуда же могли взяться у такого человека благородные стремления и какое же счастье и кому могла принести его любовь?

Это не единичный вопрос, который может возникнуть у читателя. Монолог героя убедит вас, что все его размышления вертятся вокруг любовных интриг; «потребность сердца, радости и страдания» – все эти важные для человека понятия в данном случае потребовались Печорину, чтобы объяснить его отношения с женщинами. Ничто другое: карьера, общественное служение, нравственный след в жизни – не интересовало «героя времени» и всегда оставалось в его раздумьях за скобками.

Убедитесь сами:

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился? А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит пред собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся – мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!

И, может быть, я завтра умру!... и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитали меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие – мерзавец.

И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!

В своих душевных излияниях Печорин оценивает себя выше, чем есть на самом деле. Убив Грушницкого, едва ли в чем-то виновного, надсмеявшись над любовью княжны Мери, принеся в очередной раз тяжкое страдание Вере, он спрашивает себя:

Отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбой, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?... Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце...

С какими «бурями и битвами» сжилась душа Печорина? Очередная любовная интрига – буря? А приключение, приведшее к гибели Бэлы, – битва? «Как матрос с разбойничьего брига» – сравнение для Печорина, конечно, лестное, но едва ли точное: у матроса с разбойничьего корабля возможны действительные бури, а у лермонтовского героя – нет.

О сущности Печорина довольно точно сказал А. Шан-Гирей, близкий друг и родственник поэта:

В публике существует мнение, будто в «Герое нашего времени» Лермонтов хотел изобразить себя; сколько мне известно, ни в характере, ни в обстоятельствах жизни ничего нет общего между Печориным и Лермонтовым, кроме ссылки на Кавказ. Идеал, к которому стремилась вся праздная молодежь того времени: лвы, львёнки и проч. коптителы неба, как говорил Гоголь, олицетворен был Лермонтовым в Печорине. Высший дендизм состоял тогда в том, чтобы ничему не удивляться, ко всему казаться равнодушным, ставить свое «я» выше всего; плохо понятая англomanия была в полном разгаре, откуда плачевное употребление Богом дарованных способностей. Лермонтов очень удачно собрал эти черты в герое своем, которого сделал интересным, но все-таки выставил пустоту подобных людей и вред (хотя и не весь) от них обществу. Не его вина, если вместо сатиры многим угодно было видеть апологию.

И все же в одном мы не согласимся с Шан-Гиреем: у поэта и его героя есть общее. Это общее – страстность и правдивость исповеди. Их взгляды, поведение нравственно полярны, но у обоих – одинаково правдивая, мучающаяся душа. Если Лермонтов в стихотворении «И скучно и грустно, и некому руку подать...» едва ли полностью совпадает со своим лирическим героем, то Печорин, пожалуй, может подписаться под каждой строкой этого мертвящего признания:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?...
А годы проходят – все лучшие годы!

Любить... но кого же? на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

Есть все же какое-то родство у Печорина и создателя этого героя, родство скрытое, тайное – в самой истории их души, в первопричине их трезвого, холодного взгляда на жизнь и людей. Может быть, это разочарование в земном бытии, в своей нужности? Очень многие строки лермонтовской лирики мог бы повторить Печорин, объясняя свою судьбу. Ну, например:

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро тайнства постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Вот это стремление распахнуть свою душу, открыть ее – до самых потаенных глубин, собственное всегдашнее стремление, и подарил поэт своему герою. Лев Толстой заметил об одном писателе: «Он не употреблял свой талант (умение хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выверотить наружу». То же самое можно сказать о Лермонтове и его малопривлекательном, но искреннем герое.

Думаю, читатели разных эпох хорошо понимали, что сближает Печорина с автором. Неважно, что в предисловии к роману автор высмеивает «тонкую догадливость» читателей; неважно, что он убеждает: портрет Печорина составлен «из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии», и нарисован он для того, чтобы преподнести публике «горькие лекарства, едкие истины». Все равно этот герой притягателен скрытой духовной силой, презрением к опасностям, бескорыстием, пронизательностью в оценке людей и событий.

* * *

Тайна такого обаяния Печорина заложена в самой форме лермонтовского произведения. «Герой нашего времени» – это первый психологический роман в русской прозе. Печорин постоянно оценивает свои поступки и чувства, соотносит собственное поведение и поведение других людей, пытается описать свое внутреннее состояние в разных обстоятельствах. Лермонтов оставил нам такое богатство замечаний, подробных рассуждений о психологии героев, какого нет в творчестве любого другого писателя до него; эти замечания и размышления часто парадоксальны, неожиданны, но всегда глубоки и обоснованны.

Толстой в свое время гениально открыл формулу: характер человека «текуч». Собственная душа часто загадочна для каждого из нас; недаром мы говорим: «Я даже не ожидал этого от себя». Сложный характер, в том числе и свой, ускользает от объяснения и понимания. К тому же то, что сегодня непреложно для твоего характера, завтра может исчезнуть и замениться другим качеством. Характер изменчив, «текуч»; изучать его, а тем более описывать в художественном произведении – большая трудность и увлекательная творческая работа. Когда читаешь романы Лермонтова «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», удивляешься настойчивому стремлению автора уловить и зафиксировать на бумаге летучую смену настроений, неожиданное влияние

обстоятельств на поведение героев – словом, удивляешься тому искусству, о котором поэт говорил в стихах: «А душу можно ль рассказать?..»

У сложных рефлексирующих людей внешний конфликт – это всегда отражение конфликта внутреннего, борьбы с самим собою. Печорин часто, анализируя свое поведение, кается, признается в дурных мыслях и поступках. Это придает его образу не мнимый, а подлинный трагизм; байроническая маска спадает и обнаруживается живое лицо страдающего человека – страдающего прежде всего от собственного несовершенства. Несовершенство мира, общества, других людей мало подвластно человеку; а вот собственное несовершенство подвластно ему; и если душа не может преодолеть его, она мучается.

Мы, разумеется, не судим Печорина. Чаще всего, и справедливо, о людях судят (или людей судят) «по делам их», в соответствии с библейской заповедью. Выше мы утверждали, что дела человека, добрые и злые, зависят только от него. Верное по сути, суждение это, как часто бывает с земными правилами, не универсально. У человека, совершившего недоброе дело, есть иногда «смягчающие обстоятельства»: его воспитание, удары судьбы, тяготеющие над ним предрассудки века, общества, среды. Есть эти смягчающие обстоятельства и у Печорина. Вот почему мы воспринимаем его не как судьи, а как понимающие и сочувствующие ему собратья; его характер и судьба поучительны как пример человека, честно и открыто рассказавшего о себе все.

* * *

Интересно посмотреть, как оценивали прозу Лермонтова признанные корифеи русской литературы.

Мнение Антона Павловича Чехова о «Герое нашего времени» – это, думается, следующее: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова... Я бы так сделал: взял его рассказ и разбирал бы, как разбирают в школах, – по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать». И еще: «“Тамань” Лермонтова и “Капитанская дочка” Пушкина... прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой».

Как и других отечественных писателей, Чехова привлекали в произведениях Лермонтова не только язык, но и, так сказать, родовые черты его прозы: обостренное личное отношение рассказчика (будь то автор, Максим Максимыч или Печорин) к описываемым событиям, склонность философски осмыслить судьбу героя, яркое лирическое освещение каждой картины.

Можно привести немало примеров сходного психологизма в творческой манере Чехова и Лермонтова; оставаясь мастерами, совершенно не похожими друг на друга, оба они стремились к правде и глубине изображения характеров, их национальных особенностей. Для меня, например, очевидно, что описания постоянного двора Мойсея Мойсеича в повести Чехова «Степь» и «гнезда» контрабандистов в лермонтовской «Тамани» или семьи Бэлы, описания лаконичные и запоминающиеся по нескольким резким краскам, загадочные и трагические в своих тайнах, искусно сохраненных авторами, – это короткие саги, связанные друг с другом чем-то очень родственным, может быть, возможным только в нашей отечественной литературе. Точно так же другой герой чеховской повести, юноша Константин, шальной от любви и счастья, выписан поэтом, чувствующим необузданную стихию страсти и умеющим

найти для нее точное словесное выражение. Этим даром бесподобно владел и Лермонтов – как в прозе, так и в поэзии, и в драматургии. Томление любви, ее сокрушительные волны запечатлены Лермонтовым с особой правдой; мимо его опыта не мог пройти Антон Павлович. Для меня очевидно также, что многочисленные рассказы Чехова, в которых внешний сюжет «подстегивается» сюжетом внутренним – кипением человеческих страстей, такие, например, как «Дуэль», «Невеста», «Попрыгунья», «Дама с собачкой», «Красавицы», «О любви» и другие, несут лермонтовский ген. С повестью «Княжна Мери» и с неоконченным романом «Княгиня Лиговская» их роднит запутанность и непредсказуемость интимных чувств, сложность духовного мира человека, поразительная проницательность авторов, открывших потаенные уголки души.

Льва Николаевича Толстого в творчестве предшественника, написавшего в прозе не так уж много, привлекало иное. Он придавал огромное значение нравственному звучанию произведения. В одной из бесед Толстой сказал о Лермонтове: «Вот в ком было это вечное, сильное искание истины!» Сам всю долгую жизнь мучительно искавший нравственное оправдание своих деяний, Лев Николаевич, наверно, видел в Лермонтове родственную душу, тоже терзавшуюся этим. В отличие от тех, кто приписывал Лермонтову дурной, неуживчивый нрав, неуважение к людям, злой демонизм, смешивая поступки и помыслы героев поэта с его собственными, яснополянский мудрец хорошо представлял мятежный, искренний и благородный характер гения русской лирики. Недаром именно о Лермонтове он сказал: «Духовную власть имеющий». Толстой постоянно отмечал поразительную зрелость Лермонтова, при его возрасте, в философском осмыслении жизни, истории, человеческой судьбы. По мнению Льва Николаевича, поэт достиг «высшей для своего времени точки миропонимания».

И еще одним важнейшим достоинством творчества поэта, достоинством, ускользавшим от взгляда других и впервые отмеченным Толстым, автор «Войны и мира» считал твердую жизненную основу произведений Лермонтова; реализм не только в изображении событий, но и уклада жизни (вспомните сцены у монастыря в романе «Вадим», описание «водяного общества» в повести «Княжна Мери» и др.).

Оставил своё мнение о прозе Лермонтова и Ф.М. Достоевский. Он считал, что автор «Героя нашего времени» «наверно бы кончил тем, что отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой; и на то есть большие и точные указания». Под «указаниями» Достоевский имел в виду такие произведения поэта, как «Бородино», «Песня... про купца Калашникова», «Казачья колыбельная песня».

Словом, проза Лермонтова, и прежде всего его знаменитый роман, приходит к нам под звучание многих мнений. Это удел многих великих произведений. Нынешний наследник русской классики должен сам разобраться в особенностях лермонтовского шедевра, сам оценить его духовную силу. Предшественники лишь предупреждают нас: будьте самостоятельны и вдумчивы; этот роман – одна из главных мировых книг.

Константин ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1952 году, окончил Ленинградский государственный университет. Филолог-германист, автор многочисленных пособий по английскому языку.

Готовил к печати для петербургского издательства «Азбука» серии «Русская словесность» и «Наследие», редактировал и снабжал примечаниями такие произведения, как «История кабаков в России» И.Г. Прыжова, «Тайная канцелярия» Г.В. Есипова, «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского, «Имена» П.А. Флоренского, «Витязь в барсовой шкуре» Руставели.

Печатался в журналах «Нижний Новгород», «Звезда», «Север», «Сибирские огни», «История в подробностях», «История Петербурга», Vox (философский), Credo New. Переводы: роман «Третий» Г. Грина, роман «Лесовик» Кингсли Эмиса, повесть «Владельцы суверенных привилегий» Филипа Хосе Фармера. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2024). Живет в Санкт-Петербурге.

Виктор ДЫК:

«НЕ ЗНАЮ ТОЧНО Я, КУДА ИДУ...»

Глава 1

Был и казался неизбывным Советский Союз, издавалась «Неделя», воскресное приложение к «Известиям», где в один прекрасный день напечатали три стихотворения на чешском языке и объявили конкурс на лучший перевод. Загоревшись, я ухватился за неожиданное приглашение, увидев в этом чуть ли не единственный просвет в житейских тучах, сильно разволновался и, не приступив ещё к работе, размечтался о победе, которая станет первым шагом к признанию моих литературных способностей.

В январе 1983 года в «Неделе» напечатали статью «Будь твёрд!» Рядом с заголовком был помещён портрет мужчины с подписью *Виктор Дык*. Имя ничего мне не сообщало, я задал себе тот же вопрос, который услышал только что от вас: кто он? В статье объяснялось: на портрете *крупнейший чешский лирик двадцатого века*. Рассказ о его жизни и творчестве дополнялся тремя стихотворениями в оригинале с подстрочником для всех, желающих принять участие в переводческом соревновании. Многие другие читатели, я уверен, тоже впервые узнали о существовании *крупнейшего лирика*. Позже мне в голову пришла мысль о смелости людей, статью написавших, и, главное, газетчиков, её напечатавших: их хвалебная оценка не совпадала с точкой зрения, изложенной в «Большой советской энциклопедии» с её *классовым подходом* ко всем людям, событиям и явлениям.

Дык (Дук) Виктор (31.12.1877, Пшовка, близ г. Мельник, – 14.5.1931, остров Лопуд, Югославия), чешский писатель. Вступил в литературу в конце 1890-х годов как представитель символизма. Был также автором политических сатир. Поэзия Дыка периода 1-й мировой войны 1914–18, проникнутая пафосом борьбы за национальную независимость, составила книгу «Военная тетралогия» (1915–22). Дык выступал и как прозаик, драматург, публицист. Антиавстрийскому движению в Чехии посвящён роман «Конец Гакеншмида» (1904). После создания чехословацкого буржуазного государства (1918) Дык занял реакционную политическую позицию.

Ознакомившись с энциклопедической статьёй, советский человек, не сомневаясь в правдивости и достоверности напечатанного, должен был сделать вывод, что Дык, отнюдь не лирик, шёл поначалу верной дорогой: сочинял политические сатиры, направленные против австрийских властей, выступал *пафосно* за национальную независимость, желая, чтобы Чехия, известная в то время больше как Богемия, отделилась от Австро-Венгерской империи, но после того, как его край, обособившись, стал самостоятельной республикой, Дык превратился в реакционера. Правильным выбором было бы, очевидно, вступить в коммунистическую партию и снова биться, теперь против местной буржуазии, взяв пример с русских большевиков.

Узнав, что в какой-то период человек был причастен к *борьбе за независимость*, мы ожидаем от него воззваний сродни тем, которые знакомы нам по творчеству *революционных* поэтов: «Вперёд без страха и сомненья!» Или: «Смело, товарищи, в ногу!» Или: «Пусть сильнее грянет буря!» В подобных виршах, отечественных и зарубежных, звучали зачастую кровавадные выкрики с требованием взяться за оружие и расправиться с *подлыми тиранами*.

Судить о литераторе следует по произведениям, а не по чужим статьям, предисловиям и послесловиям.

Составляя этот очерк, я просмотрел несколько поэтических сборников Виктора Дыка и в одном из них, изданном в 1957 году, выбрал для перевода восьмистишие с простым названием «Я пойду далеко», считая его показательным.

В путь! Но не знаю точно я, куда иду.
Плохого не боюсь, хорошего не жду.
Кто взял свой крест, пусть до конца его несёт.
Я сник, но снова встал и двинулся вперёд.
Собрался далеко, но хватит ли мне сил?
Ночь. Кто отстал, кого-то сон сморил.
Готов идти я, в запертую дверь стучать,
А если ночь, вслепую путь свой продолжать.

Некий призыв здесь слышен. Однако Виктор Дык обращается к самому себе, он явно не из тех напористых коноводов, которые кликушествуют про свободу, равенство и братство, завлекая под свои хоругви смутьянов и простофиль. Поэт сомневается в собственных силах, но не опускает руки. Согласитесь, что подобные раздумья и сомнения знакомы каждому из нас с привязкой не только к общественным потрясениям. Чтобы не сникнуть, чтобы преодолеть жизненные трудности, мы подбадриваем и обнадеживаем себя, ставя цель, не всегда осуществимую, или приказываем себе двигаться дальше ради самого движения.

Глава 2

В «Большой Советской энциклопедии» Виктора Дыка причислили к публицистам и реакционерам. В «Неделе» он был назван выдающимся поэтом с утверждением, что его *лирический голос звучит в современном мире всё более весомо и проникновенно*, и в этих словах угадывался совет для таких, как я: пропускайте мимо ушей тяжеловесный долбёж и уханье советской пропаганды, читайте литераторов, создающих произведения искусства. Впрочем, это мои сегодняшние рассуждения и оценки, а тогда, в 1983 году, я, не очень внимательно пробежав глазами статью, сосредоточился на переводе, схватившись сначала за «Осеннюю песню», самое короткое стихотворение в подборке. По начальным строкам видна его чёткая рифмовка и выразительная звукопись.

Chví se telegrafní drát,
a vše se chvěje.
Něco má přece každý rád,
co v této hře je...

Ничего складного у меня не получилось ни с первого наскока, ни со второго подхода, ни с третьей и последующих попыток. Справиться с короткими стихотворными строками порой труднее, чем с длинными, где больше возможности для перестановки и замены слов. Если говорить о чешском языке, дополнительная сложность в том, что в нём гласные используются реже, чем в русском. Приведу для примера известную скороговорку: *Strč prst skrz krk*, где четыре слова и ни одной гласной буквы. Можно догадаться, что *prst* соответствует русскому *перст*, то есть *палец*. Существительное *krk* переводится как *горло*, в других случаях это *шея* – и тогда прослеживается связь с русским *закорки*, иначе, *верхняя часть спины*. Вы слышали или читали, как взрослый человек несёт ребёнка *на закорках*... Прошу прощения, я отвлёкся. Когда человек берётся за книгу, будь то роман, поэма или пьеса, он не всегда обращает внимание на то, что оригинал был на английском, немецком или ином языке. Мы запоминаем, хвалим или критикуем литератора, чьё имя указано крупными литерами на обложке. У переводчика, перекладывающего для публики что-либо, написанное за границей творческими людьми, нет оснований выпячивать себя и тем более отвлекаться на рассказы о тонкостях и трудностях своего ремесла.

«Осенняя песня» никак не давалась и, отложив её, я взялся за более длинный «Пролог». Что-то складное получилось далеко не сразу... Впрочем, как я только что сказал, это не имеет значения. Для сегодняшнего очерка я слегка отредактировал перевод, сделанный мной в 1983 году.

Я был угрюмым сыном поколения,
Что с целым миром битву затевало.
Напомнит скорбно мне стихотворенье:
Прошла весна и счастье миновало.

Быть хмурым — никогда не знать покоя.
Плач лет прошедших до сих пор мне слышен.
И всё ж казалось: молодой рукою
Дотянешься до звёзд и даже выше!

Не убережь осенний лист от тленья.
Луга мертвы — косой их подкосило.
Как пахнет сено! Скорбные мгновенья
Проникнуты таинственной силой!

Оригинал был напечатан в сборнике «Девятый вал» в 1930 году, когда, если верить главному советскому справочнику, Виктор Дык *занимал реакционную политическую позицию*. Я не вижу в «Прологе» ни реакционности, ни политики, это воспоминания человека о своих юношеских настроениях, мечтаниях и разочарованиях. В молодости кажется, что ты понимаешь всё лучше отцов. Тебя возмущают, сердят или даже озлобляют ограничения, исходящие от родителей, диктуемые учителями, налагаемые властями. Ты настроен пробиться дерзко через все тернии и дотянуться до звёзд. Ты, горячий и нетерпеливый, уверен, что сможешь переделать по-своему мир и проложить дорогу к чему-то невиданному, подбадривая себя звонким лозунгом: натиск и упорство! Если что-то не удаётся, ты принимаешь неудачу близко к сердцу, и все мировые скорби меркнут перед твоим несчастьем. А с возрастом возникает горечь из-за краткости жизни и тщетности человеческих усилий.

Глава 3

Довольно часто я слышу: такое-то иностранное слово не поддаётся переводу, мы просто переносим его в русский язык в кириллическом написании. В качестве доказательства приводится, например, французское *nature morte*, ставшее у нас *натюрморт*ом.

Мне вспоминается гневная речь Чацкого в комедия «Горе от ума»: грибоедовский герой прославляет огульно нашу *старину святую*, обрушивается на *французи́ков*, а кто-то из гостей, собравшихся у Фамусова, высказывает сомнения:

Как европейское поставить в параллель
С национальным — странно что-то!
— Ну, как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня*!! — забормотал мне кто-то...

Слушатели развеселились от мысли, что *madame* сопоставимо с *сударыней*, при этом смеялись *на счёт* Чацкого. Он готовил *ответ громовый*, но гостям надоели его обличения, все разошлись. Я отвечу за Александра Андреевича: в русской среде, обращаясь к женщине, нужно было говорить именно *сударыня*. Что касается *натюрморта*, задача кажется неразрешимой. Ужли называть *мёртвой природой* картину с набором посуды, фруктов и цветов? Представим: экскурсовод в картинной галерее вещает: на стене перед вами *мёртвая природа* Ивана Хруцкого, а напротив, полюбуйтесь, прекрасная *мёртвая природа* Валентина Серова. Его, экскурсовода, засмеют точно так, как засмеяли Чацкого: Ха! ха! ха! ха! ужасно!

Если нас посетило желание ещё сильнее повеселиться и поужасаться, предлагаю открыть «Большой академический словарь», где *зафиксировано* существительное *натюрмортист* с доходчивым объяснением, что это *художник, рисующий натюрморты*. Вы спрашиваете: а как иначе? Пейзажи рисует пейзажист, портреты создаёт портретист, на сцене юморит юморист...

Вижу здесь увёртки, за которыми стоит лень, нежелание раскинуть мозгами и пошевелить пальцем. Зачем напрягаться и изошряться, куда проще, сидя годами на ставке в каком-нибудь государственном заведении с культурологической направленностью, дудеть о чистоте родной речи и призывать сограждан к *борьбе за культуру*. Сошлюсь на зарубежный опыт, по которому видно, что трудность мнимая. В английском языке вместо французского *nature morte* используется *still life*, буквально *застывшая жизнь*. Точно такое значение у немецкого *Stilleben*. Финское *asetelma* не имеет отношения к природе и жизни, это *набор, комплект*, это *композиция*, но, взявшись переводить на русский статью о живописцах Финляндии, мы будем заменять *asetelma* нерусским словом *натюрморт*.

Более показательным будет сравнение со славянскими языками. По-сербски натюрморт называется *мртва природа*, поляки говорят *martwa natura*, где прилагательные *мртва* и *martwa* соответствуют, конечно, нашему *мёртвая*. Никого это не удивляет, в их музеях не стоит *громовый* хохот по поводу вроде как нелепого и неблагозвучного названия.

Точно так у нас никто не отважился поставить *европейское в параллель с национальным* в случае со словом *пейзаж*, его просто внедрили в русский язык, заменив латиницу кириллицей. Англичане без усилий перевели для себя французское *paysage* как *landscape*, ему соответствует немецкое *Landschaft*. Снова обращаюсь к опыту братьев-славян: поляки говорят *krajobraz*, на чешском языке пейзаж называется *krajina*... И вот вам *крайна* от Виктора Дыка под названием «Берёзы» из сборника «Старая галерея», вышедшего в 1933 году.

Тебя берёзы раньше здесь встречали,
К тебе, сородичу, листвою прильнув.
Упав, они навеки замолчали,
Обломки веток к небу протянув.

Даль скрыта; след твой травы замечают.
Раздастся треск и в зарослях замрёт.
Воспоминания твои витают
Над просекой, где бересклет цветёт.

Что есть и было — тихо исчезает.
Охвачен ты щемящею тоской.
Вид рухнувших берёз напоминает
О близких, отошедших в мир иной.

Для чего понадобилось филологическое отступление, с какой целью привлекалась живопись? Сравнительным языкознанием, согласен, я без нужды увлёкся, без связи с изящной словесностью в целом и чешской поэзией в частности, а что касается натюрмортов и пейзажей, мне вот какую мысль хотелось озвучить: композиция из посуды с фруктами, цветами или битой дичью действительно мёртва. Рассматривая пейзажи с природными красотами, мы отмечаем мастерство художника: он великолепно нарисовал горы, долины, луга и леса — каждая травинка и каждый листочек у него выписан. Кто-то хвалит: как в жизни! Другой восторгается: как на фотографии! Обе похвалы спорные. Живопись, как и всё в искусстве, ценится не за зеркальную схожесть с оригиналом. Искусство создано человеком, ему всецело принадлежит, в искусстве важен человек, и все произведения искусства должны быть о нём, о человеке. Пейзаж, на котором нет человеческой фигуры, так же мёртв,

как натюрморт, пусть даже помимо безжизненных скал на нём зеленеют какие-либо произрастания и бродят какие-то представители животного мира. Природа бездушна. Писатель или поэт трудится напрасно, рассказывая, как меркнут и гаснут звёзды, по лугам расстилается белый пар, по зеркальной воде от зари алый свет разливается, дремлет чуткий камыш, тишь – безлюдье вокруг... Я не предлагаю заменять безлюдье многолюдьем, в котором теряется личность, достаточно вывести на дорогу, на *кремнистый путь*, одного человека: на живописном полотне на фоне горных вершин или морского простора видится его малость и хрупкость, в литературном произведении озвучиваются его скорбные раздумья:

Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть...

Стихотворение Виктора Дыка было бы расхожим пейзажиком с берёзками, кустами и прочей растительностью, оно приобретает силу и значимость за счёт человека, природа лишь оттеняет его наблюдения, мысли, ощущения и переживания. Видя упавшие деревья, поэт думает о тех, кто умер, его настроение передаётся читателю, и мы, уязвимые и недолговечные, вспоминаем кого-то из своих близких: их не стало, их не вернуть к жизни никакими силами и никакими молитвами.

Глава 4

Третье стихотворение в подборке, самое длинное, называлось «Рождяловице». Если не приводить биографических сведений об авторе, читателю и в голову не придёт, что Виктор Дык ввязывался в политику, участвовал в борьбе за независимость, сочинял политические сатиры и придерживался каких-то реакционных взглядов.

Был наш приезд печальным: бабушки не стало.
Когда-то, в детстве, в этих стенах мать играла.
Пройдя по улочкам, мы у костёла стали,
И мать задумалась, оглядывая дали;
Живя в воспоминаньях, показала: Рощи!

Пообещать – нет ничего на свете проще,
И я сказал себе, что вновь сюда приеду,
Мы с мамой вместе в рощах тех пройдем по следу
Умолкнувших шагов. Но часто так бывает:
Всё некогда, дела, всё что-то нам мешает.
Тот край, что я хотел понять, узнать поближе,
Лишь мельком иногда в окне вагонном вижу.

Осталась в прошлом мамина кончина.
Я не вернулся, в чём того причина?
С тоской щемящей вспоминаю площадь,
Костёл и мамой сказанное: Рощи!

Что добавить? Добавлений не требуется. Если кому-то всё же хочется узнать, когда было напечатано стихотворение, отвечу: в 1929 году. Рождяловице – есть такой город? Есть. Виктор Дык, вернее, его мать

и бабушка жили в этом городке? Вы знаете, всё это не имеет значения – даты, привязка к географической карте, установление прообразов. Читателю, способному чувствовать и переживать, видится своя малая родина. Кого-то тянет в места, где он родился или провёл детство, но на поездку нет времени или мешают обстоятельства. Другой человек свободным временем располагает, если какие-то препятствия и существуют, они его не пугают, но он колеблется и не возвращается, сознавая, что ему станет тяжелее от немой встречи с тем, что прошло и никогда не повторится.

Глава 5

Мы переезжали с одной квартиры на другую, при этом какие-то бумаги терялись, что-то выбрасывалось. В этом году я решил перебрать и избавиться от оставшихся старых записок и набросков. Нашлась газетная страница, вырезанная в 1983 году из «Недели», к ней был подколлот лист с машинописным текстом – с моими тогдашними переводами. Я пробежал их глазами. Вдруг потянуло подправить «Осеннюю песню»: она получилась хуже, чем «Пролог» и «Рождяловице». Неожиданно для себя я увлёкся поиском более удачных слов и рифм. Нет, как ни верти, улучшения не происходит, всё остаётся почти так, как было.

Дрожат провода на ветру,
И всё дрожит.
Но вязавшийся в эту игру
Чем-то ведь дорожит.
Дрожат провода на ветру,
И всё дрожит.

Дрожь по листьям идёт,
И всё дрожит.
Страстью и злобой встряхнёт
Пугливую грудь.
Всё дрожит.
Ты стойким будь!

Стихотворение было написано осенью 1914 года. То есть уже шла война, в которую вовлеклось больше половины всех стран, существовавших в то время на Земле. Народы, ожесточившись, разделились на союзников и врагов, на своих и чужих. Однако в «Осенней песне» нет прямой привязки к большому историческому событию: если не обращать внимания на дату, можно понять так, что угнетённое состояние навеяно холодами, ветрами и дождями, и призыв к стойкости настраивает на преодоление всех и всяческих невзгод. Видится сходство с той исповедью, которую мы слышали в восьмистишии «Я далеко пойду», где Виктор Дык подбадривал себя: «Готов идти я, в запёртую дверь стучать».

Во мне проснулось любопытство, которого не ощущалось в 1983 году, захотелось узнать чуть больше о крупнейшем чешском лирике, как называли его когда-то в «Неделе». Дала себя знать давняя тяга, дополненная филологическим образованием, перекладывать на русский язык иностранные тексты: я нашёл несколько поэтических сборников Виктора Дыка, сделал два новых перевода и добавил к трём имевшимся. Появилось желание совместить поэзию с рассуждениями о литературе

и языке, наметился план, пальцы попросились к перу, перо к бумаге, и как будто сам собой образовался очерк.

Выше я посоветовал судить об авторе по его трудам, но теперь, подумав, выскажусь иначе: каждое художественное произведение говорит само за себя, отрешённо от человека, его создавшего. Ознакомившись с пушкинской «Деревней», можно составить неверное представление о поэте и сильно ошибиться в оценке его творчества в целом. Так что нет нужды проследживать связь с исторической и биографической действительностью, выяснять, когда и в какой обстановке появилась та или иная вещь, дома или в дороге, в столице или деревне, на родине или чужбине, в тёплом или холодном углу. Известны случаи, когда строки и строфы зародились в одиночной камере. Стихотворение «Я далеко пойду» было взято мной для перевода из сборника, напечатанного в 1957 году, а позже, просматривая подшивку чешского журнала «Лумир», я обнаружил его в 53-м номере, во втором выпуске за 1926 год, и в сноске сообщалось, что оно написано в декабре 1916 года в *пражской полицейской тюрьме*. Если кто-то возьмётся исследовать жизненный путь Виктора Дыка, он непременно остановится на драматических событиях, включая аресты и трагическую смерть, я ограничиваю себя его лирикой, признавая, что моё знакомство с ней произошло случайно: мы выписывали «Неделю», где в один прекрасный день напечатали три стихотворения на чешском языке... Поскольку я начал с конкурса, требуется, видимо, сообщить для завершения о своём участии: чем кончилось дело, может быть, даже признанием и наградой? Чудес не бывает. По-крайней мере, в моей жизни ничего чудесного не случилось. Наградили кого-то другого. Кстати, в 1983 году я не ведал, позже меня просветили, что подчас, затевая какое-либо состязание, организаторы оного знают заранее, кому достанется лавровый венок, а множество званных необходимо для видимости.

Всё это так, к слову. Если не имеет значения, где, как и даже кем было создано литературное произведение, тем более нет нужды обсуждать издательские закулисные игры и соперничество между переводчиками.

Некоторые порождения человеческой фантазии причисляются к бессмертным, хотя им всего двести или ещё меньше лет. В список лучшей литературы заносятся романы и повести. Однако стихотворные произведения радуют глаз и сердце намного сильнее и дольше, точно так, как люди любят и ценят мелкие отшлифованные алмазы, ставя их выше живописных полотен и изваяний, выточенных из мрамора. Подбирая слова, мы пытаемся безуспешно сообщить о своих чувствах и переживаниях, затем обнаруживаем у того или иного поэта короткое, меткое и складное изречение как раз о том, что нам никак не удавалось сказать: что мы не властны в самих себе и в молодые годы даём поспешные обеты; что хорошо бы навек забыться и заснуть, но не в холодной могиле, а сохраняя жизненные силы. Взаимопонимание близко к утешительному сопереживанию. Поддержка, произнесённая выразительным слогом, настраивает на преодоление неприятностей и бед: храни гордое терпенье, будь твёрд, неси до конца свой крест, принимай как благословение, что тебе дано прожить и умереть.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Наталия Петрищева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Оренбург)

Елена Крюкова

Александр Орлов (Москва)

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Санкт-Петербург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Елена Гаврюшова

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и библиографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 29.05.2026.
Выпущено в свет 26.06.2026.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13